

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Ленц С. (Герма-
ния); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); проф.
Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н.,
проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федо-
ров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров
В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Кали-
нинград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва);
д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); к.г.н., доц. Кова-
лев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Мо-
сква); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н. Потockая
Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Мо-
сква); проф. Розите М. (Латвия); д.г.н., проф. Смирня-
гин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь);
д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Ша-
рыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 18.06.12 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 2 (36), 2012

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЛЮДИ НАУКИ	3
Ткаченко А.А. Сергей Александрович Ковалев: научное наследие, вклад в науку	3
Tkachenko A.A. Sergey Kovalev: scientific heritage and contribution to the geographical science	3
ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	15
Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте»)	15
Zamyatina N.Y. The method of studying the migration of young people on these social networking Web: Tomsk State University as «a center of production and distribution» of human capital (according to the social online network «VKontakte»)	15
Березняк И.С. Индекс качества жизни и анализ его динамики на примере Смоленской области	29
Bereznyak I.S. Quality of Life Index and analysis of its dynamics on the example of the Smolensk region	29
Мальцев А.А. Международная торговля как объект эволюции классической школы политической экономики	36
Maltsev A.A. International trade as the subject of classical school of political economy evolution	36
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	44
Силантьев Р.А. Конфессиональная картография в контексте региональных исследований	44
Silantyev R.A. Confessional cartography in the context of regional studies	44
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	47
Гусева Е.С. Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований	47
Guseva E.S. Rural areas functions transformation within the moscow region during last 20 years	47
Проскурина Н.В. Геокультурные аспекты изучения дворянских усадеб Воронежской области	59
Proskurina N.V. Geocultural aspects in learning the noble estates of the Voronezh Oblast	59
Мкртчян Н.В. Влияние миграции на возрастной состав населения городов и районов России: оценка на основе данных переписей населения 1989 и 2002 гг.	66
Mkrtychyan N.V. The impact of migration on the age composition of the population of cities and regions of Russia: estimation based on data from census 1989 and 2002	66
Благовестова Т.Е. Территориальные различия качества жизни населения на микроуровне (на примере Ярцевского района Смоленской области)	77
Blagovestova T.E. Territorial differences of the life quality on the microlevel (by the exemple of yartsevskiy region, smolenskaya oblast)	77
Гай И.А. Региональные аспекты развития культурно-познавательного туризма в Удмуртской республике на современном этапе	83
Guy I.A. Regional aspects of cultural-informative tourism in the Udmurt Republic today	83
Плисецкий Е.Е. Особые экономические зоны как эффективный механизм регионального развития туристической отрасли в России	90
Pliseckij E.E. Special economic zones as effective mechanism of regional development of tour-ist industry in Russia	90
Скобелин О.И. Анализ системы обязательного медицинского страхования в Российской Федерации	98
Skobelin O.I. Analysis of health insurance system in the Russian Federation	98
Трифорова З.А. Инновационные возможности населения столиц национальных республик России: типологические различия	103
Trifonova Z.A. The innovative possibility of population the capital of national republic on the Russia: the model difference	103
Шеломенцева М.В. К вопросу о конкурентных преимуществах демографически проблемных регионов Центральной России	110
Shelomentseva M.V. On the competitive advantages of demographically problematic regions of Central Russia	110
Щербинина О.А. Армянская диаспора России: модели интеграции в принимающее общество	113
Shcherbinina O.A. Armenian Diaspora of Russia: models of integration in receiving society	113

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	120
Эм П.П. Региональные особенности урбанизации в Республике Корея	120
Em P.P. The regional features of urbanization in the Republic of Korea	120
Машурова Е.А. Региональные интеграционные процессы: проблемы обеспечения региональной безопасности	133
Mashurova E.A. Regional Integration: problems of ensuring regional security	133
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	139
Семёнов А.А. Географические особенности развития и функционирования мировой системы бюджетных авиаперевозок	139
Semenov A.A. Geography features of the development and functioning of the low cost air transportation of the world	139
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	152
Грачев А.Б. Стратификация и типология ареалов взаимного социально-экономического влияния городов в приграничных регионах Центрального федерального округа	152
Grachev A.B. Stratification and typology of the areas of mutual social-economic influence of towns in the frontier regions in the central federal district	152
Куница М.Н. Современные тенденции трансформации системы расселения юго-западного приграничного региона России	158
Kunitsa M.N. Modern trends of the transformation of settlement system of the south-west frontier region of Russia	158
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ	166
Бакланов П.Я. Заметки по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России»	166
Baklanov P.Y. Notes on the Article A.N. Pilyasova «New Economic Geography (NEG) and its potential for studying the distribution of productive forces of Russia»	166
Сведения об авторах	173
Требования к оформлению материалов	174

А.А. Ткаченко (Тверь)

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВАЛЕВ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ, ВКЛАД В НАУКУ

А.А. Tkachenko SERGEIY KOVALEV: SCIENTIFIC HERITAGE AND CONTRIBUTION TO THE GEOGRAPHICAL SCIENCE

Аннотация. Статья написана в связи со 100-летним юбилеем выдающегося российского географа С.А. Ковалева (1912 – 1997). Показан вклад ученого в развитие географической науки, сделана попытка охарактеризовать массив его публикаций.

Abstract. The article is written in connection with the centenary anniversary of the well-known Russian scientist S.A. Kovalev. The contribution to the development of the geographical science is shown. An attempt to describe the corpus of his publications is done.

Ключевые слова: научное наследие С.А. Ковалева, география населения и населенных пунктов, сельское расселение, география сферы обслуживания, социальная география, география сельской местности.

Key words: scientific heritage of S.A. Kovalev, geography of population and settlement geography, rural settlements, geography of services, social geography.

7 марта 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося российского (советского) географа, Сергея Александровича Ковалева (1912–1997). Профессор географического факультета МГУ С.А. Ковалев – один из создателей современной отечественной географии населения, один из инициаторов и лидеров процесса социологизации – превращения экономической географии в социально-экономическую. Он принадлежит к числу тех немногих ученых, чьи труды на деле, а не путем призывов и деклараций обеспечили эту трансформацию и на протяжении нескольких десятилетий определяли облик географии населения и всей социальной части географической науки в нашей стране.

Биография С.А. Ковалева освещена во вводной статье к его «Избранным трудам» [4], там же сделана попытка дать некоторое представление о его личности. Цель настоящей статьи – показать вклад С.А. в географическую науку и познакомить читателей с его научным наследием. Не затрагиваются вопросы о научно-организационной деятель-

ности и о научной школе С.А. Статья состоит из двух частей. Первая посвящена вкладу С.А. в отечественную географию, в ней говорится об основных его работах и о тех направлениях, которые он развивал. Вторая часть носит более формальный характер, в ней анализируется массив публикаций.

* * *

Изучение научного наследия С.А. Ковалева приводит к интересному выводу. С одной стороны, каждый более или менее образованный российский экономико-географ знает о С.А. как о создателе такого важного направления, как географическое изучение сельского расселения. Но, с другой стороны, мало кто по-настоящему знаком с его работами и представляет, как много им сделано. Его разработки прочно вошли в практику географических исследований и в преподавание географии. И сельское расселение, и социальную инфраструктуру у нас изучают в основном «по Ковалеву». И, как нередко бывает с классическим наследием, не все исследователи и преподаватели знают

и помнят, чьими подходами и методами они пользуются в своей работе...

Основные монографии С.А. [12; 14] давно стали библиографической редкостью. Первая была издана в 1960 г. (ротапринт) тиражом всего 500 экз., вторая – в 1963 г. тиражом 2300 экз. Большинству исследователей они просто не доступны. Статьи разбросаны по многим сборникам и журналам. В 2003 г. издательством «Ойкумена» (Смоленск) были выпущены «Избранные труды» [18], куда вошли основные статьи и наиболее важные фрагменты монографий.

Книги С.А. «Географическое исследование сельского расселения (Задачи, методика, материалы, специальные карты расселения)» [12] и «Сельское расселение (Географическое исследование)» [14] – это первые, после В.П. Семенова-Тян-Шанского, в отечественной географии работы монографического характера по вопросам расселения. Только в 1968 вышли «Городские поселения СССР» Б.С. Хорева [29], а в 1969 «География городов с основами градостроительства» Г.М. Лаппо [24]. Более того, эти книги принадлежат к числу первых «систематических» (в противоположность региональным) монографий в области географии человека, или социально-экономической (тогда – экономической) географии.

Отличительная черта работ Ковалева по сельскому расселению – внимание к каждому населенному пункту. Как вспоминали современники, его работы сразу обратили на себя внимание благодаря подробнейшим картам людности.

Вся классика географического изучения сельского расселения создана С.А. за очень короткий срок. Если до начала 1950-х гг. географическое исследование сельского расселения было только новой оригинальной темой, то после 1963 г. (когда вышла вторая из основных монографий С.А. [14]) его можно рассматривать как сложившуюся отрасль географии населения и населенных пунктов. Следует отметить, что С.А. считал наиболее точным именно это название – «география населения и населенных пунктов».

В монографиях С.А. убедительно показано теоретическое и практическое значение изучения сельского расселения, освещены история и основные направления исследований в России–СССР и в зарубежных странах, разработаны вопросы терминологии,

методики исследования, картографирования сельского расселения. Очень обстоятельно рассмотрены вопросы типологии и районирования расселения. Принципиальное значение имеет вывод о невозможности создания универсальной типологии расселения для всех целей и для любых территорий, даже в пределах одной страны. Отсюда – очень ценное, но, к сожалению, не получившее широкого распространения, понятие о синтетических «местных типах расселения», отражающих наблюдающиеся в конкретных местах сочетания «частных» типов: производственных, генетических и по внешним формам расселения (рис. 1) [11; 18].

Некоторые разделы монографий заслуживают самостоятельного издания как пособия для исследователей сельского расселения. Прежде всего, это относится к фундаментальному обзору источников в главе «Историко-географические материалы для изучения сельского расселения России–СССР» монографии 1960 г. [12; 18].

Книги 1960 и 1963 гг. иногда принимают за два издания одной работы, но это – заблуждение. Только разделы о методах изучения и картах сельского расселения перешли из первой монографии во вторую, но и они переработаны и расширены. В остальном же две монографии, дополняя одна другую, представляют собой разные части одного обширного исследования.

В монографии 1963 г. характеристика расселения в пределах Европейской части СССР впервые дана по восьми зональным типам сельского расселения. В 1974 г. система зон была распространена на всю территорию СССР [16]. Без этой разработки трудно представить характеристику расселения в нашей стране. Она прочно вошла в золотой фонд отечественной географической науки.

Конечно, зональные типы сельского расселения Ковалева появились не на пустом месте. В 1910 г. В.П. Семенов Тян-Шанский [28] ввел понятие «тип заселения» (позднее замененный «типом расселения») и выделил ряд зональных и азональных типов, различающихся по преобладающему топографическому положению сельских поселений. В 1947 г. Ю.Г. Саушкин [27] ввел понятие об ареалах и районах сельского расселения. В 1948–1949 гг. Н.И. Ляликов [25] дал характеристику сельского расселения СССР в разрезе природных зон, уделив основное

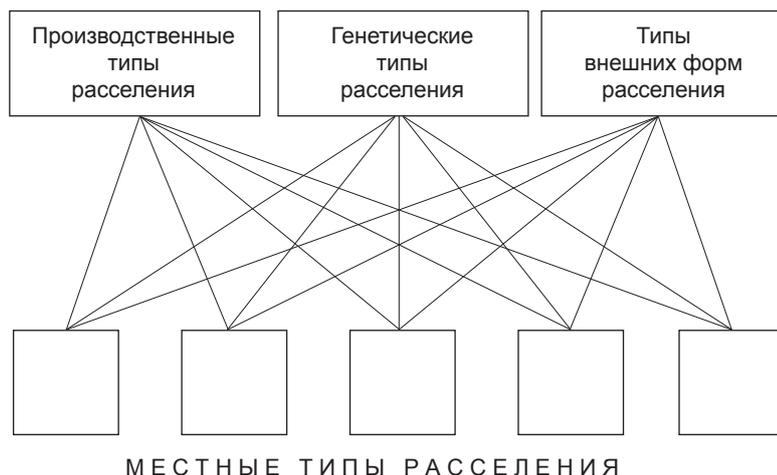

Рис. 1. Взаимосвязь различных видов типологии сельского расселения, 1959 [11]

внимание анализу топографического положения и характеристике застройки населенных пунктов. В.С. Валов [5] в 1958г. составил карту основных «хозяйственных типов» сельского расселения (им выделено 15 типов расселения в соответствии с преобладающими занятиями населения).

Районирование С.А. представляет собой обобщение и дальнейшее развитие этих разработок. В его основу положено представление о связи расселения с характером освоения территории (очаговое, выборочное, сплошное). В пределах зон выделены районы расселения, различающиеся по размеру и густоте ареалов расселения и преобладающей величине сельских населенных пунктов. В Европейской части СССР выделено 56 районов расселения. Высокая степень генерализации обуславливает долговечность полученной структуры. Она не устарела за 40 с лишним лет и вряд ли устареет в обозримой перспективе.

По материалам Зеравшанской экспедиции АН Узбекской ССР и географического факультета МГУ, С.А. вместе со своими учениками из Узбекистана написал монографию «География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей» (1962) – первый в отечественной географии опыт крупномасштабного монографического исследования сельского населения и сельского расселения [22].

В 1974 г. географическим факультетом МГУ была издана четвертая монография С.А. по проблемам сельского расселения –

«Региональные различия в перспективном развитии сельского расселения СССР» [16]. К сожалению, даже среди специалистов, она почти не известна, так как вышла с грифом «Для служебного пользования». Она была написана, когда С.А. принимал участие в работе Рабочей комиссии АН СССР по проблемам демографического и социального развития сельского населения. В этой книге приведены уникальные данные – основные параметры сельского расселения СССР по выделенным С.А. зональным типам.

В 1982 г. на совещании по проблемам регионального расселения, проведенном Институтом географии АН СССР, С.А. сделал доклад «Исследование проблем сельского расселения в районах разного типа» [18]. Ключевая мысль доклада состоит в том, что сельское расселение необходимо рассматривать «в его собственных границах». Изучение расселения по областям, республикам или экономическим районам – вторичная задача. Это было реакцией на региональные работы социологов, игнорировавшие различия в расселении и вообще в среде обитания в пределах крупных административно-территориальных единиц. В докладе была предложена «система территориальных таксономических единиц для изучения сельского расселения» (см. таблицу).

Принципиальное значение имеет включение в эту систему ареалов (зон) влияния значительных городских центров, чего не было в более ранних работах (1963 и 1974 гг.). Среди районов сельского расселения Европейской

Система территориальных единиц сельского расселения

№	Территориальные единицы сельского расселения	Смысловая нагрузка
1.	Зоны расселения	Различия в хозяйственном использовании земель и преобладающей специализации хозяйства
2.	Районы расселения	Особенности форм расселения и проблемы его развития, связанные с природными условиями и историей заселения территории
3.	Ареалы (зоны) тяготения к значительным городам-центрам	Условия обслуживания населения – включенность в сферу влияния больших городов
4.	Низовые (сельские) системы расселения: – районные, – кустовые, – внутривладельческие	Дробные различия в экономических и социальных факторах развития отдельных сельских населенных пунктов

части СССР 1963 г. имеется лишь один район, выделенный в силу влияния города – Московский, «со значительной долей несельскохозяйственных и смешанных поселков, преимущественно крупных...» Кроме того, в нескольких случаях внесмаштабными знаками на карте обозначены ареалы наибольшего распространения пригородного расселения [14, вклейка к с. 154; 18 сс. 183–186].

Исключительный интерес представляет статья 1957 г. «Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении» [18]. В отличие от других работ 1950-х гг., этот материал не вошел в основные монографии и оказался почти забыт. Кроме детальнейшего анализа разнообразных вариантов ЭГП, здесь раскрыты многие структурные и функциональные особенности сельского расселения в различных природных и социально-экономических условиях. Видимо, впервые затронут вопрос о межселенных связях в сельской местности и о системах сельского расселения.

До наших дней сохраняют свою актуальность статьи «Типы поселений – районных центров СССР» (1962) и «Типология пригородных зон» (1971) [18]. Остается только сожалеть, что подавляющее большинство разработчиков схем территориального планирования (районной планировки) не знакомы с этими работами и не используют их в своей практике.

Прямым продолжением исследований сельского расселения стала серия работ С.А. по прогнозированию. Среди них выделяется статья 1974 г. «О системе прогнозных моделей географии населения» [18], предвосхищавшая идеи системного прогнозирования.

В связи с этим нельзя не сказать о хорошо выраженной способности С.А. смотреть вперед, работать на опережение. Во многих случаях он как бы видел зарождающиеся потребности. Прогноз населения региона, по С.А. Ковалеву, должен включать прогнозные модели естественного движения, миграции, занятости и расселения.

Система этих моделей должна опираться на «базовые модели» социального развития, развития и размещения хозяйства, состояния природной среды. Разумеется, эта система разрабатывалась применительно к плановой экономике, однако и в условиях рынка все взаимосвязи между ее блоками сохраняют свое значение. Модель с успехом может использоваться как методологическая основа для прогнозирования и стратегического социально-экономического планирования регионов и городов.

Среди работ С.А. «затерялись» и оказались забыты две исключительно интересные статьи, в которых поднимаются почти не изученные вопросы и используются весьма оригинальные приемы исследования. Первая из них – «Об изучении миграционных связей городов СССР» [18] – опубликована в 1956 г. в 38 сборнике «Вопросов географии». Она была написана в соавторстве с работавшими под руководством С.А. студентами: Э.А. Ляминам и А.И. Пекель. По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. (других материалов тогда не было) в ней выявлено и показано на картах участие различных районов СССР в формировании населения Москвы, Ленинграда и городских поселений украинской части Донбасса.

В таблицах представлена «генетическая» (по месту рождения и сроку проживания) структура населения названных городов.

Вторая из этих работ – «Карты размещения трудовых ресурсов и трудовых затрат колхоза» [18] – написана в соавторстве с И.И. Тенсиной и опубликована в 1958 г. в первом выпуске серийного сборника географического факультета МГУ «География и хозяйство». Это – уникальная работа, возможно, единственная в своем роде. На примере нескольких колхозов Рязанской области авторы изучили и отразили на специальных крупномасштабных картах распределение работников по населенным пунктам и локализацию трудовых затрат по полям и фермам колхозов. Таким образом, еще в 1950-х гг. С.А. проводил исследования деятельности населения, причем не на основе суммарных статистических данных, а конкретно – с учетом каждого работника и отработанных человеко-дней. К сожалению, обе темы дальнейшего развития в творчестве С.А. не получили.

Почти забыта в наши дни еще одна интересная и важная идея С.А. – о типах заселения территории. Впервые она была изложена в 45 сборнике «Вопросов географии» [11]. В этой работе С.А. обращает внимание на необходимость взаимосвязанного рассмотрения городского и сельского расселения. «Этот очевидный тезис никем не оспаривается, – писал С.А. в 1959 г., – но нужно признать, что из него советская география поселений пока еще не сделала необходимых выводов. При наличии довольно многочисленных работ по географии городов . . . и несколько меньшего количества работ по географии сельского расселения трудно указать исследования, посвященные характеристике расселения сразу в обеих его формах – городской и сельской» [11]. Далее С.А. говорит о «необходимости» разработки наряду с типологией городского и типологией сельского расселения также «общей» типологии расселения – выявления различных типов заселения. . .» [там же]. В качестве типобразующих признаков предлагаются: густота или плотность заселения, равномерность или «очаговость» заселения, соотношение городского и сельского расселения. В работе были выделены четыре «контрастирующие» типа заселения.

Через полвека после выхода этой работы приходится констатировать, что ситуация в отечественной географии в этом плане не

изменялась: работ, посвященных сопряженному изучению городского и сельского расселения (за исключением немногочисленных исследований маятниковой миграции) практически не было.

Очень велика роль С.А. в становлении географии обслуживания. Его программные статьи (1966, 1973 и др.) [18; 15] определили основные принципы, задачи и направления исследований в этой области. Позднее (в конце 80-х – начале 90-х гг.) вместе со своими учениками С.А. подготовил два учебных пособия для студентов университетов по спецкурсу «География сферы обслуживания» [2; 3]. Статья 1966 г. «География потребления и география обслуживания населения» [18] знаменательна еще и тем, что в ней впервые в отечественной географии намечены пути сближения географии с возрождающейся социологией – через изучение условий, уровня и образа жизни населения. Ее можно считать первой работой по социальной географии в современном значении этого термина.

В 1980 г. в 115 сборнике «Вопросов географии», посвященном 100-летию Н.Н. Баранского, появилась статья С.А. «Изучение сельской местности в экономической и социальной географии» [18], положившая начало комплексным географическим исследованиям сельской местности.

В 1990 г. обществом «Энциклопедия российских деревень» были изданы подготовленные С.А. при участии А.И. Алексеева рекомендации для краеведов по описанию сельских поселений России [30]. Детальная, хорошо структурированная программа снабжена характеристикой основных источников. Вряд ли многие краеведы воспользовались этой разработкой – она слишком сложна. Вместе с тем она может служить пособием для серьезных научных изысканий при крупномасштабном изучении географии и истории сельской местности.

Но вклад С.А. в отечественную географию не ограничивается активным участием в создании трёх научных направлений (географическое изучение сельского расселения, география обслуживания и география сельской местности). Читая в МГУ с начала 1950-х годов курс географии населения, он фактически стал создателем этой дисциплины в ее современном виде. Около 40 лет в большинстве университетов страны (вероятно, и в странах ближнего зарубежья) география

населения преподается по разработанной им программе. В 1980 г. увидел свет остающийся до сих пор единственным университетский учебник по этой дисциплине [20], написанный С.А. Ковалевым в соавторстве с Н.Я. Ковальской по плану, разработанному С.А. До этого (в 1966 и 1971 гг.) было два издания учебно-методического пособия, где авторам удалось на ста страницах изложить основы двух современных курсов – географии населения и георурбанистики [19]. В ходе подготовки к I МеждудеPARTMENTAL совещанию по географии населения С.А. написал очерк становления и развития работ по географии населения в МГУ. В 1962 г. эта работа была издана в виде отдельной брошюры [13].

На протяжении многих лет С.А. занимался вопросами картографирования населения, прежде всего при работе над региональными атласами (Целинного края, Северного Казахстана, Алтайского края и др.). Вместе с О.А. Евтеевым и другими картографами С.А. разрабатывал принципы картографирования населения и сферы обслуживания. Главная картографическая работа С.А. – «Карта населения СССР» (1977) в масштабе 1:2500000 (на 16 листах), выполненная по материалам переписи 1970 г. [8]. Он был одним из инициаторов ее создания, редактором и одним из основных авторов. Эта карта впервые дала возможность (прямо по Ломоносову) все расселение страны «повергнуть единому взгляду», получить о нем целостное представление. В соавторстве с Евтеевым было написано несколько работ о картах населения. Наиболее крупная из них – глава в фундаментальной монографии географического факультета МГУ «Комплексные региональные атласы» [7].

В 1970-х – начале 1980-х гг. С.А. посвятил не мало времени осмыслению тех изменений, которые переживала географическая наука в связи с развитием географии населения и появлением многочисленных новых направлений. В материалах IV совещания по географии населения С.А. изложил оригинальную версию положения географии населения в экономической и социальной географии [21; 18]. Здесь впервые публикуются графическая интерпретация этой модели (рис. 3). Общественное крыло географии представлено в виде здания, этажами которого являются традиционная экономическая география, география непродовольственной

сферы и география населения. Наиболее интересно место, отведенное изучению расселения: пронизывая все этажи, оно скрепляет здание нашей науки.

В 1981–1982 гг. С.А. Ковалевым, А.И. Алексеевым и автором этой статьи была сделана попытка внести ясность в вопрос о соотношении географии населения и социальной географии [1; 18]. Было показано, что новые направления географических исследований, связанные с изучением образа жизни и сознания населения, логичнее рассматривать в качестве новых разделов географии населения, а не отдельной географической науки – социальной географии. В частности, было обращено внимание на искусственность попыток разделения географии населения и социальной географии. В статье была предложена концептуальная модель предметной области географии населения (рис. 4). Основной ее смысл состоит в том, что широко понимаемая география населения изучает свой объект – территориальную общность людей – в пяти взаимосвязанных аспектах (т.е. рассматривает пять «срезов»): состав, деятельность, сознание, размещение, расселение. Только в сочетании с размещением и/или расселением состав, деятельность и сознание населения становятся предметом географического исследования.

* * *

При характеристике научного наследия того или иного ученого часто оперируют общим количеством публикаций, хотя очевидно, что значение их далеко не одинаково. Составление полного списка трудов крупного и активно работавшего ученого сопряжено с большими трудностями, и никогда нельзя быть уверенным, что удалось выявить и учесть все работы.

Единственный опубликованный при жизни С.А. список его работ, помещенный в 132 сборнике «Вопросов географии», состоит из 101 названия [26]. Но в этот список включены лишь работы по расселению и географии сферы обслуживания. В справочнике А.В. Краснопольского [23] сказано, что работ у С.А. более 160. В списках публикаций, которые вел сам С.А., максимальное количество работ – 186. В каталоге библиотеки географического факультета МГУ (21 этаж главного здания) есть описание примерно 220 работ. Сопоставление различных списков, картоте-

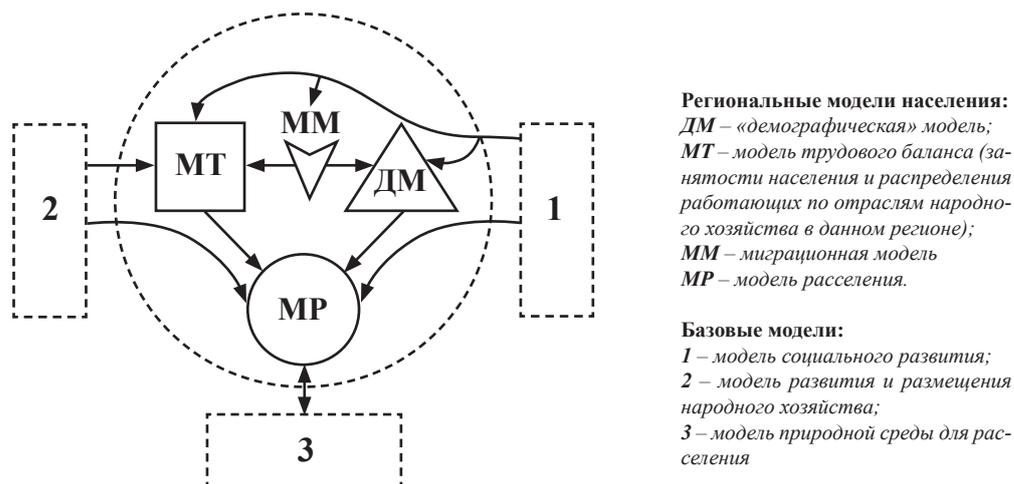

Рис. 2. Система прогнозных моделей географии населения, 1974 [18]

Рис. 3. География населения в системе социальной и экономической географии. Графическая интерпретация 2012 г. [21]

ки каталога и других источников позволило довести количество известных работ до 290. Этот список опубликован в «Избранных трудах» [18]. К сожалению, в нем учтены не все составленные С.А. карты.

Значительное количество работ С.А. выходило на иностранных языках. Не считая параллельных изданий к Международным

географическим конгрессам, таких публикаций не менее 25. Среди них работы на английском, немецком, французском, испанском, итальянском, японском, венгерском, польском, румынском и китайском языках. Большинство из них – переводы статей, изданных на русском, но 10 специально написаны для иностранных изданий, например,

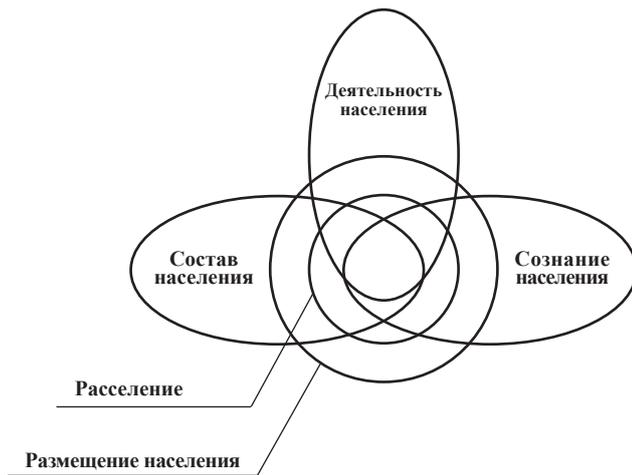

Рис. 4. Предметная область географии населения, 1983 [18]

для журнала «Geoforum». Восемь статей перепечатаны в «Soviet Geography». Были годы, когда этот журнал воспроизводил по две работы С.А.

Интересен вопрос о первых публикациях: с какого времени С.А. начал выступать в печати? Можно было бы подумать, что с 1949 г., когда появляются его статьи в «Ученых записках МГПИ»* и в 14 сборнике «Вопросов географии» [9; 10]. Но в архиве С.А. сохранилась справка, свидетельствующая, что в 1928–1929 гг. он опубликовал 7 статей в газете «Советский статистик» [4]. Автору было тогда 16–17 лет. Факт этот настолько необычен и интересен, что есть смысл привести названия всех этих статей: «Химическая промышленность СССР» (24.07.28), «Наше электростроительство» (23.11.28), «Перспективы развития производства поташа» (28.12.28), «Наши западные соседи и их вооруженные силы» (03.05.29), «Иностранные концессии в СССР» (28.06.29). Вряд ли кто-нибудь из статистиков, читавших в те годы свою профессиональную газету, догадывался, что автор этих публикаций – студент 2-го курса техникума. Статьи носят справочно-аналитический характер и говорят о склонности автора к исследовательской работе.

Но, конечно, «настоящий Ковалев» начинается именно с 14 сборника «Вопро-

сов географии», где С.А. публикует часть материалов своей диссертации. Этими работами он закладывает основы теории и методики географического исследования сельского расселения. И в первых же публикациях проявляется важнейшая черта Ковалева-исследователя – его обстоятельность. Первая статья посвящена вопросам терминологии [9], вторая – систематизации материалов о сельском расселении Черноземного Центра [10]. Вместе они образуют фундамент, на котором в дальнейшем С.А. строил свое научное направление.

Эти статьи были сразу же замечены специалистами, причем не только в нашей стране. Первая работа была переведена на венгерский язык, вторая – на китайский. Примечательно, что последняя прижизненная публикация, увидевшая свет через 47 лет после этих статей, тоже посвящена сельскому расселению Черноземного Центра [17]. Это – большая обобщающая статья в сборнике «Вопросы исторической географии России» (Тверь, 1995 г.; время фактического выхода – лето 1996 г.) Таким образом, С.А. в конце жизни вернулся к исследованию региона, где им были сделаны первые шаги в науке.

Распространено мнение, что С.А. писал в основном по проблемам сельского расселения. В действительности дело обстояло

* Первая публикация по географии – статья в Ученых записках МГПИ об учебной практике в Звенигородском районе Московской области – написана в соавторстве с Н.А. Гвоздецким [6].

не совсем так. Этой теме посвящено примерно 80 работ (в том числе 4 монографии). Столько же (около 80) – остальной географии населения (в том числе 2 учебных пособия). На третьем месте с большим отставанием идет география сферы обслуживания (15 работ, включая 2 учебных пособия), и на четвертом – комплексная география сельской местности (10 работ). Среди работ населенческой тематики можно выделить – в порядке убывания их числа – следующие группы:

1. Теория и методология географии населения и социальной географии.
2. Картографирование населения.
3. Анализ сдвигов в размещении населения.
4. Изучение миграции.
5. География трудовых ресурсов.
6. Прогнозирование

Отдельные работы посвящены и другим вопросам географии населения. Есть даже несколько работ по зарубежным странам.

Не подлежит сомнению, что главное в творчестве С.А. – изучение сельского расселения. После двух статей 1949 г. был значительный перерыв, связанный с работой в Венгрии, но зато в 1956–1963 гг. выходят 10–12 основных работ, включая три монографии (1960, 1962 и 1963 гг.), фактически сформировавших целый раздел отечественной географии.

Итак, активно публиковаться С.А. начал с 1950-х гг. и продолжал до самой своей кончины. Ряд работ, в том числе и достаточно крупных, увидел свет после смерти автора.

Периодизации творчество С.А. поддается не очень хорошо. Подчеркнем, что речь здесь идет не о фактических занятиях, а только о публикациях. До 1966 г. они посвящены одному сельскому расселению. С 1966 г. круг интересов расширяется, начинается комплексный период, на протяжении которого прослеживаются различные темы-доминанты.

В конце 1960-х – начале 1970-х таких тем три: сельское расселение, сфера обслуживания, карты населения. Во второй половине 1970-х доминирует одна тема – теория и методология географии населения. В течение 1980-х вместе с ней заметное место занимает география сельской местности. В период с 1971 по 1983

гг. почти нет работ по сельскому расселению, но с 1984 г. С.А. возвращается к этой теме, и в 90-х она становится единственной доминантой в его творчестве.

Будучи уже одним из ведущих географов страны, С.А. не избегал «черной» научной работы. На протяжении многих лет писал рецензии, библиографические обзоры. Для РЖ «География» им подготовлено около шестисот рефератов.

Очень серьезно С.А. работал для энциклопедических изданий. Более 40 его статей, размером от нескольких строк до нескольких колонок, вошли в Большую Советскую и Краткую географическую энциклопедии, в Географический и Демографический энциклопедические словари, словарь «Народонаселение». Написание энциклопедических статей С.А. считал особым искусством ученого и мастерски им владел.

Чтобы отразить качественную структуру массива научных публикаций С.А., введем следующие рабочие понятия, отражающие место публикаций в процессе развития науки*. Каждая последующая группа выделяется из предыдущей.

«Оригинальные» (неповторяющиеся) работы, в которых впервые высказаны определенные мысли, впервые освещен какой-либо вопрос. В их число не входят статьи в энциклопедических изданиях, библиография, хроника, мемориальные и популярные публикации, а также учебно-методические материалы. Таких работ у С.А. около 90.

«Хрестоматийные» работы, оставившие определенный след в развитии соответствующего научного направления. Их должен знать каждый специалист, претендующий на право называться профессионалом. Этим работ около 30.

«Пропульсивные» работы – события в научной жизни. Это работы, непосредственно влияющие на развитие своей отрасли знания. Как правило, они получают развитие в работах учеников и последователей. К этой группе отнесено 9 работ. Они – главное, и их необходимо перечислить.

Прежде всего, это две основные монографии С.А.: «Географическое изучение сельского расселения» [12] и «Сельское расселение (Географическое исследование)» [14], – и первое в стране учебное пособие для универ-

* Разумеется, это сугубо личный субъективный взгляд автора.

ситетов «География населения СССР» [20], написанное совместно с Н.Я.Ковальской.

Далее – пять наиболее важных программных статей*:

- «Типы поселений – районных центров СССР» (1962),
- «География потребления и география обслуживания населения» (1966),
- «Типология пригородных зон» (1967),
- «О системе прогнозных моделей в географии населения» (1974).
- «Изучение сельской местности в экономической и социальной географии» (1980)**.

С определенной долей условности, к этой же группе следует отнести брошюру, 1990 г. «Энциклопедическое описание сельских поселений России (Методические рекомендации)» [30], подготовленную при участии А.И. Алексева.

И, наконец, из 9 пропульсивных работ надо особо выделить три, так сказать, «исторические» работы, оказавшие наиболее сильное влияние на развитие науки. Это: «Сельское расселение...» (1963), «География потребления и география обслуживания...» (1966), «Изучение сельской местности...» (1980). Монография 1963 г. знаменовала фактическое создание нового направления. Статьями 1966 и 1980 гг. было дано начало двум другим новым направлениям.

Подведем итоги. Всего работ у С.А. примерно 290, «оригинальных» около 90, «хрестоматийных» примерно 30, «пропульсивных» – 9 и «исторических» – 3. Любопытно, что здесь прослеживается почти правильная убывающая геометрическая прогрессия, и в каждой группе количество работ для своего класса весьма внушительное.

Библиографический список

1. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География населения и социальная география // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1983. – № 3.
2. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: Учебное пособие. – Калинин, 1988.
3. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания: основные понятия и методы: Учебное пособие. – Тверь, 1991.
4. Алексеев А.И., Ткаченко А.А. Сергей Александрович Ковалев: жизнь и творчество // Ковалев С.А. Избранные труды. – Смоленск, 2003.
5. Валов В.С. Обзорная карта сельского расселения СССР // Вопросы географии. Сб. 45. География городских и сельских поселений. – М., 1959.
6. Гвоздецкий Н.А., Ковалев С.А. Комплексная практика студентов-географов в Звенигородском районе // Город и район как объект географического изучения / Уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина. – Т. 54. – Вып. 1. – М., 1949.
7. Евтеев О.А., Ковалев С.А. Население и трудовые ресурсы // Комплексные региональные атласы. – М., 1976. Гл. XVI.
8. Карта населения СССР. Масштаб 1 : 2500000. – М., 1977.
9. Ковалев С.А. Вопросы терминологии в географическом изучении сельского расселения // Вопросы географии. Сб. 14. География населения. – М., 1949.
10. Ковалев С.А. Опыт систематизации материалов для характеристики сельского расселения в пределах Черноземного Центра // там же.
11. Ковалев С.А. Некоторые принципиальные вопросы типологии расселения // Вопросы географии. Сб. 45. География городских и сельских поселений. – М., 1959.
12. Ковалев С.А. Географическое изучение сельского расселения (Задачи, методика, материалы, специальные карты расселения). – М., 1960.
13. Ковалев С.А. География населения в Московском университете (краткий обзор). – М., 1962.
14. Ковалев С.А. Сельское расселение (Географическое исследование). – М., 1963.
15. Ковалев С.А. О географическом изучении сферы обслуживания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1973. – № 6.
16. Ковалев С.А. Региональные различия в перспективном развитии сельского расселения. – М., 1974.
17. Ковалев С.А. Развитие сельского расселения в Черноземном Центре России с XVI века до наших дней // Вопросы исторической географии России. – Тверь, 1995.
18. Ковалев С.А. Избранные труды. – Смоленск, 2003.

* Здесь не названы основные статьи по проблемам сельского расселения конца 40-х – начала 60-х гг., т. к. в обобщенном и переработанном виде их содержание вошло в монографии 1960 и 1963 гг. [12; 14].

** Все перечисленные статьи вошли в «Избранные труды» [18].

19. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения: Учебно-методическое пособие. – М., 1966. 2-е изд. – М., 1971.
 20. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР: Учебное пособие для университетов. – М.: 1980.
 21. Ковалев С.А. Константинов О.А. География населения в системе экономической и социальной географии // География населения в системе комплексного экономического и социального планирования. – Л., 1979.
 22. Ковалев С., Ташбеков Э., Валиева Р. География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей. – Ташкент, 1962.
 23. Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). – Т. 1. – СПб., 1993.
 24. Лаппо Г.М. География городов с основами градостроительства: Курс лекций. – М., 1969.
 25. Ляликов Н.И. Типы сельского расселения в СССР // География в школе. – 1948. – №3, 5; 1949. – № 2, 3.
 26. Работы С.А. Ковалева по проблемам сельского расселения и географии сферы обслуживания // Вопросы географии. Сб. 132. Современное село: пути развития. – М., 1988.
 27. Саушкин Ю.Г. Географическое изучение населенных пунктов Советского Союза // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. – М., 1947.
 28. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России // Записки Русского географического общества. – Т. X. – Вып.2. – СПб., 1910.
 29. Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). Очерки географии расселения. – М., 1968.
 30. Энциклопедическое описание сельских поселений России (Методические рекомендации) // Составлены С.А. Ковалевым и А.И. Алексеевым. – М., 1990.
-

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н.Ю. Замятина (Москва)

МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИЙ МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЕЙ: ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК «ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте»)¹

Zamyatina N.Y.

THE METHOD OF STUDYING THE MIGRATION OF YOUNG PEOPLE
ON THESE SOCIAL NETWORKING WEB: TOMSK STATE UNIVERSITY
AS «A CENTER OF PRODUCTION AND DISTRIBUTION» OF HUMAN CAPITAL
(according to the social online network «VKontakte»)

Аннотация. В данной статье рассматривается методика изучения миграций молодежи на основе данных социальных Интернет-сетей.

Abstract. This article focuses on studying the technique of migration of young people based on social Internet networks.

Ключевые слова: миграция, метод изучения, социальная Интернет-сеть «ВКонтакте», Томский государственный университет.

Key words: migration, the method of study, the social online network «VKontakte», Tomsk State University.

Новые условия и принципы мирового экономического развития (глобализация, постиндустриальные условия и т.п.) вызывают к жизни новую географию экономики. Потoki и пункты концентрации сырья и энергии как основные объекты изучения должны уступить часть своей «власти» новым реалиям. В один ряд с сырьем и энергией встают новые виды капитала – социальный, человеческий, символический. Транспортная инфраструктура как фактор территориального перераспределения экономических активов дополняется информационной инфраструктурой и институциональными механизмами, направляющими территориальные потоки явного и неявного знания.

Подобно очередному геологическому слою, новые реалии экономической географии формируют свои территориальные структуры, районы и магистрали, которые

могут как наследовать более ранние структуры, так и (как выражаются геологи) «залегать с ними несогласно», формируясь под действием новых специфических факторов, в рамках специфических информационных и институциональных каналов и сетей. Задача изучения новых географических реалий требует разработки новых методик – а еще ранее нового списка объектов изучения экономической географии.

Миграции – традиционный аспект изучения экономической географии – также могут быть пересмотрены в новом ключе. Одним из важнейших объектов изучения на современном этапе становятся перетоки знания (knowledge spillovers). В западной экономической географии и региональной экономике это одна из самых популярных тем последнего десятилетия. Однако в большинстве работ они рассматриваются как фактор развития,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00275 «Новые закономерности размещения производительных сил России» (рук. А.Н. Пилясов).

в первую очередь, наукоемких, высокотехнологических отраслей, как движущая сила экономического развития в технологически современных, постиндустриальных регионах. В российских условиях многоукладной экономики переплетение географии «экономики знания» с «традиционной» географией много интереснее.

Знание традиционно рассматривается в двух видах: явное, или кодифицируемое (accessing, codified) и неявное (tacit). Явное знание представлено в виде научных и иных публикаций, описаний патентов, параметризованных методик и т.д. Соответственно, изучение перетоков явного знания доступно через изучение так называемых «бумажных следов»²: публикаций, ссылок (в патентах, научных публикациях, в сети Интернет и т.д.). Неявное знание обычно рассматривается как «знание в людях» и изучается через изучение миграций квалифицированных специалистов (в том числе отдельных ученых), а также социальных сетей (академических, производственно-исследовательских).

И по одному, и по другому виду знания разработаны целые наборы разнообразных методик, и накоплен широкий спектр исследовательских материалов³. Тем не менее, в российских условиях нужны специфические методики изучения перетоков знания. В частности, необходима разработка методики изучения миграций, отвечающей современным требованиям.

Настоящая работа в силу пионерности не претендует на стопроцентный охват исследовательского поля миграций в качестве «носителей» перетоков знания: мы остановились на теме *географических аспектов функционирования «центра производства» человеческого капитала (на примере Томского госуниверситета) – при этом в основу положен пионерный метод изучения миграций: по данным социальной сети ВКонтакте*.

Социальные сети как материал для исследования перетоков знания в процессе миграций

Проблема и цели исследования. Среди различных способов изучения территориальных перетоков знания, носителем которого выступают конкретные люди (опросы, изучение статистики миграций специалистов, географии соавторства и научных ссылок) выделим возможность использования социальных интернет-сетей. Во многих случаях при регистрации в таких сетях пользователь заполняет анкету, практически идентичную учетным карточкам отделов кадров предприятий, издавна использовавшихся отечественными экономгеографами для изучения территориальной структуры хозяйства. В ряде сетей пользователи указывают для открытого доступа информацию об обучении в определенной школе, определенном вузе, местах работы и др. Таким образом, современные интернет-сети представляются нам удобным современным способом изучения территориальных структур через индивидуальные перемещения; данные социальных интернет-сетей начали использовать для получения данных о размещении человеческого капитала и в некоторых зарубежных работах⁴. Исследуем детально возможности и методы исследования перетоков знания на материале интернет-сетей в условиях России.

Содержание исследования. Среди российских пользователей интернета популярны различные социальные сети – как международные (Facebook, Twitter, LinkedIn, Живой Журнал), так и российские по происхождению (ВКонтакте, Одноклассники.ру и др.)⁵. Наиболее активные агенты перетоков знания – выпускники вузов, направляющиеся к месту работы; именно данная категория исследуется во многих зарубежных работах по перетокам знания. Молодежная аудитория (то есть потенциально – наиболее активные агенты перетоков знания) представлена, в основном, в сетях Facebook, Twitter, ВКонтакте

² Jaffe A., Trajtenberg M., Henderson R. Geographic localization of knowledge spillovers as evidenced by patent citations, Quarterly Journal of Economics. 1993.

³ См. обзор: Maryann Feldman. The New economics of innovation, spillovers and agglomeration: a review of empirical studies. Economics of Innovation and New Technology. 1999, Vol. 5. Pp. 5-25.

⁴ Feldman M. The Character of Place. European Regional Science Association Meeting Keynote, Barcelona, August 1, 2011. URL: http://www.maryannfeldman.com/yahoo_site_admin/assets/docs/Feldman_ERSA_Barcelona_9-1-11.24780730.pdf.

⁵ Обзор ведущих социальных интернет-сетей разных стран присутствует, например, в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%F6%E8%E0%EB%FC%ED%E0%FF_%F1%E5%F2%FC_%28%C8%ED%F2%E5%F0%ED%E5%F2%29#.D0.9A.D1.80.D1.83.D0.BF.D0.BD.D0.B5.D0.B9.D1.88.D0.B8.D0.B5_.D1.81.D0.B5.D1.82.D0.B8

(тогда как, например, сети Живой Журнал, Одноклассники.ру охватывают, в основном, более «взрослую» аудиторию). Facebook и Twitter – крупнейшие международные сети, ВКонтакте – крупнейшая русскоязычная социальная сеть⁶.

Все названные сети обладают разными условиями поиска информации. Так, например, в набирающей популярность сети LinkedIn поиск местоположения привязан к почтовым кодам, что позволяет проводить исследования микроуровня, но затрудняет макрорегиональные (при этом данная сеть в России только развивается, число пользователей сравнительно невелико: так, например, число выпускников Томского государственного университета ограничивается несколькими сотнями).

На период исследования (вторая половина 2011 года) наиболее удобны поисковые системы, представленные в сетях Facebook и ВКонтакте: они позволяют получить списки зарегистрированных пользователей, окончивших определенный вуз, указавших в качестве родного определенный город и т.д. При этом в России более популярна отечественная сеть ВКонтакте⁷, кроме того, в ней шире возможности поиска информации.

Для дальнейшего исследования была выбрана самая популярная в России (и в особенности в молодежной аудитории) социальная интернет-сеть «ВКонтакте». Огромным ее преимуществом является возможность задавать сложные поисковые запросы – например, искать студентов определенного факультета определенного вуза конкретного года выпуска⁸.

Охват молодежной аудитории данной сетью значителен, о чем можно судить, сопоставляя общее число студентов определенного вуза и общее число зарегистрированных пользователей сетей из числа студентов того же вуза; исследование было проведено для нескольких произвольно выбранных веду-

щих вузов страны. Система предоставляет данные по количеству зарегистрированных пользователей определенного года выпуска (для студентов – потенциального года выпуска). Сложность точной оценки связана с тем, что для выяснения, учится ли данный студент 4, 5 или 6 лет обучения (а в большинстве вузов параллельно осуществляются программы подготовки бакалавров, специалистов и магистров⁹) технически трудоемко. Поэтому для рекогносцировочной оценки количества студентов вуза, зарегистрированных в сети, мы рассматривали «вилку» между 4 и 6 годами обучения (см. табл. 1).

Таким образом, даже если предположить, что все студенты обучаются по программе бакалавриата, то в сети ВКонтакте зарегистрировано не менее 50% студентов вузов страны. Если предположить максимальный вариант (все ориентированы на магистратуру) – то по некоторым вузам число зарегистрированных в сети достигает 100%. Поскольку в 2010 г. были выпущены, в основном, специалисты после 5 лет обучения (об этом можно судить по общему числу обучающихся по программа «специалист», доступными в материалах Национального рейтинга вузов), то наиболее вероятной представляется средняя оценка: 70–85%.

Детальное изучение всех регистраций студентов ТГУ определенных факультетов за несколько лет (2006–2009) показывает, что около 10–22% регистраций по каждому факультету – это дублирующиеся и разного рода ошибочные регистрации (на более престижных факультетах встречаются также регистрации лиц, не являющихся студентами данного факультета – с целью знакомства). Кроме того, оказалось довольно распространено обучение на нескольких факультетах одновременно. По-видимому, именно с данными обстоятельствами связано превышение числа зарегистрированных студентов НГУ над 100% даже в варианте бакалавриата;

⁶ Там же. См. также: Мировая карта распространения соцсетей // РИА Новости. <http://ria.ru/infografika/20110225/338976030.html>.

⁷ «По данным исследования TNS, самой популярной социальной сетью на конец августа 2011 года является портал vkontakte.ru, в среднем за день его посещает 11,5 млн человек в городах России с населением более 100 тыс, на втором месте – «Одноклассники» с 6,8 млн посетителей. Facebook собирает только 1,2 млн человек.» [<http://www.sarafannoeradio.org/analitika/771-rossiyane-vybirayut-yandex-i-vkontakte.html>]. См. также: Мировая карта распространения соцсетей // РИА Новости. <http://ria.ru/infografika/20110225/338976030.html>.

⁸ В декабре 2011 г. возможности поиска сузились: исчезла возможность искать, например, пользователей сети, одновременно являющихся выпускниками определенной школы и определенного вуза.

⁹ Данные по точному количеству бакалавров, специалистов и магистров собраны в рамках материалов к Национальному рейтингу вузов РФ (<http://univer-rating.ru/>) – к сожалению, без разбивки по годам обучения.

Оценка доли студентов вузов, охваченных сетью «ВКонтакте»

Вуз	Общее число студентов	Число пользователей, зарегистрированных в сети как студенты 2010 года выпуска	Гипотетическое число студентов при различных сроках обучения:					
			4 года		5 лет		6 лет	
			Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Алтайский гос. университет	13654	1773	7092	51,9	8865	64,9	10638	77,9
Кемеровский гос. университет	9803	1701	6804	69,4	8505	86,8	10206	104,1
Новосибирский национальный исследовательский университет (НГУ)	6442	2120	8480	131,6	10600	164,5	12720	197,5
Омский гос. университет имени Ф.М.Достоевского	11443	1966	7864	68,7	9830	85,9	11796	103,1
Южный Федеральный университет	18867	3269	13076	69,3	16345	86,6	19614	104,0
Томский национальный исследовательский университет (ТГУ)	20435	3082	12328	60,3	15410	75,4	18492	90,5
Томский национальный исследовательский политехнический университет (ТПУ)	19830	2779	11116	56,1	13895	70,1	16674	84,1

другое возможное объяснение: неточные данные по общему числу студентов: по НГУ нет данных по заочной форме обучения.

В итоге, наиболее вероятной представляется оценка доли зарегистрированных в социальной сети «ВКонтакте» студентов в 60–75% (доля меняется в зависимости от вуза и факультета).

Для дальнейшего исследования был выбран Томский национальный исследовательский университет (бывший Томский государственный университет; далее ТГУ) как один из ведущих вузов страны широкого профиля (представлены как технические, так и гуманитарные дисциплины). По данным предыдущих исследований (см. раздел...) Томск является одним из ведущих центров подготовки специалистов на национальный рынок; причем согласно Национальному рейтингу вузов ТГУ – ведущий вуз Томска. При этом в относительной близости от Том-

ска находится другой ведущий вуз – Новосибирский государственный университет, а также менее известные, но крупные вузы в Кемерово и Барнауле; в этой связи одним из аспектов исследования ТГУ могло бы стать изучение территориального раздела «сфер влияния» данных двух вузов в конкуренции за абитуриентов.

Анализ динамики регистраций студентов ТГУ в сети «ВКонтакте» подтверждает молодежный характер данной сети: количество зарегистрированных в сети выпускников ТГУ начинает сколько-нибудь существенно расти, начиная с выпускников 2000 г. (это люди примерно 1978 г. рождения), и резко возрастает в группе выпускников 2005 г. (это люди примерно 1983 г. рождения): см. рис. 1.

Таким образом, *сеть «ВКонтакте» пригодна для изучения карьерных траекторий исключительно молодежи*, начиная примерно с группы 1980 г. рождения.

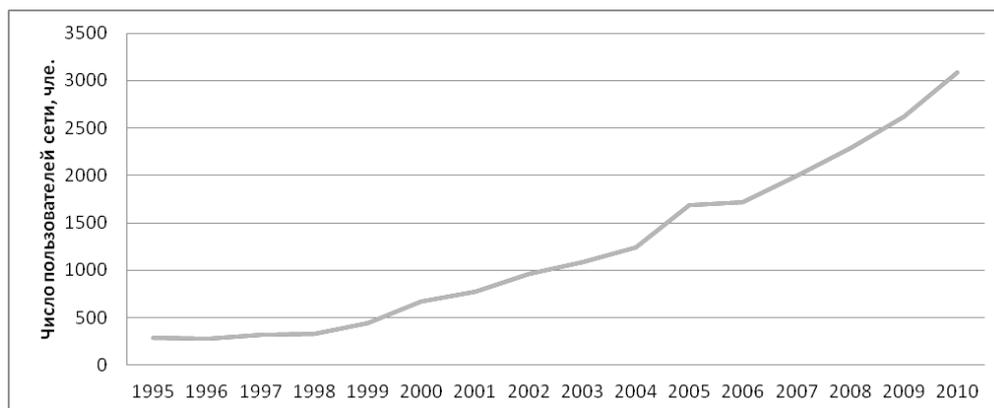

Рис. 1. Динамика регистрации в интернет-сети «ВКонтакте» выпускников ТГУ разных лет выпуска

По данным сети «ВКонтакте» были исследованы следующие массивы данных:

- пробные выборки по первым 182 результатам поиска выпускников ТГУ 2006 г. (сортировка результатов «по релевантности»); а также по первым результатам поиска выпускников определенных факультетов выпуска 2008 г. (всего 173 регистрации): факультет иностранных языков (106 регистраций), психологический (22 регистрации) и юридический (45 регистраций). Кроме того, были исследованы полные данные по всем участникам сети – выпускникам ТГУ 2008 года выпуска следующих факультетов: химического (63 регистраций), радиофизического (57), института искусств и культуры (46), физико-технического (65), прикладной математики и кибернетики (76), информатики (33). Всего, таким образом, было детально изучено 513 регистраций выпускников ТГУ 2008 года выпуска.
- полные данные по всем участникам сети – выпускникам ТГУ 1996 г. для сопоставления с результатами по более поздним периодам (279 регистраций). Хотя выборка 1996 г. теоретически и не представляет репрезентативной (см. выше), результаты оказались сходными с результатами по более поздним периодам (см. ниже).

- полные данные по выпускникам следующих факультетов: химического, физико-технического, прикладной математики и кибернетики и института искусств и культуры 2007 и 2009 годов выпуска (всего 589 регистраций).

По результатам указанных пробных исследований было установлено, что из года в год выделяется устойчивое «ядро»¹⁰, «поставляющее» абитуриентов ТГУ, благодаря чему можно ограничиться небольшим временным рядом; для дальнейших исследований был выбран период 2007–2009 гг. Выпускники более поздних не рассматривались, т.к. к моменту исследования у выпускников 2010 и 2011 годов было сравнительно мало времени для трудоустройства на постоянное место работы (результаты предыдущих лет показывают, что именно в первые 2–3 года после выпуска происходят частые смены места работы).

В итоге, в разные годы томичи составили от 40% (1996 г.) до 46,6% (2007 г.) всех охваченных исследованием выпускников ТГУ, указавших место окончания школы; школу в северных городах Томской области и ХМАО (Стрежевой, Колпашево, Когалым, Кедровый, Нижневартовск) окончили, соответственно, 3–7%, в городах Кемеровской области (преимущественно в Анжеро-Судженске, Междуреченске и др.) – 5–13%, в Казахстане (Ка-

¹⁰ В конце 2000-х годов резко увеличилась доля Бийска и Улан-Удэ, несколько упала доля крупных городов (Алма-Ата, а также Новосибирск, Новокузнецк; данный аспект рассмотрен ниже), но в целом, спектр городов, «поставляющих» абитуриентов ТГУ, сохранился.

раганда, Петропавловск, Усть-Каменогорск, Кокшетау, Щучинск, Алматы и др.) – 7–9%. Крупными «поставщиками» абитуриентов в ТГУ стабильно являются город-спутник Томска Северск (2–9%). В конце 2000-х годов в ТГУ направлялись также крупные потоки абитуриентов из наукограда в Алтайском крае Бийска. 1–2% абитуриентов стабильно поступает из Улан-Удэ и Абакана.

Карьерные траектории выпускников различных факультетов, а также выпускников очных и заочных отделений, напротив, имеют существенные различия. Поэтому для дальнейшего исследования использовались выборки по определенным факультетам. При этом были отобраны факультеты, где, по данным официального сайта ТГУ, отсутствовали заочные отделения: химический, физикотехнический, институт искусств и культуры и прикладной математики и кибернетики.

В сентябре 2011 г.¹¹ были также получены недетализированные данные (т.е. результат поискового запроса без изучения анкет конкретных человек) по участникам сети, являющимися выпускниками школ определенных городов (в 2004–2006 гг.) и окончившим в 2010 г. определенные вузы (матрица вуз–город). Такие данные позволяют рекогносцировочно оценить, какие города входят в «зону поставок» абитуриентов в определенные вузы, а также сферу влияния вуза: локальную, региональную или национальную.

По результатам предварительных исследований были сформулированы основные методические принципы анализа карьерных траекторий выпускников вуза по данным Интернет-сети «ВКонтакте».

Методические принципы изучения карьерных траекторий по материалам социальной интернет-сети. Возможны два вида исследований: использование поисковых запросов или полных данных анкет зарегистрированных пользователей. Во втором случае ручная работа с конкретными анкетами позволяет получить более точную, «очищенную» информацию за счет отбраковки случайных и бракованных анкет (повторы, а также регистрации лиц, не являющихся студентами данных вузов¹²). Основным результатом исследования – качественный: деталь-

ный анализ анкет позволяет выявить зону миграционного тяготения, например, вуза «с точностью до деревни» – таким образом, данный метод хорош для локальных исследований, а также для качественных исследований конкретных миграционных потоков. В настоящем исследовании использовалась ручная обработка анкет; возможна, по видимому, и автоматизированная обработка – при этом, однако, количество отбракованных сомнительных анкет и, следовательно, степень «очистки» результатов будет меньше. Второй метод – анализ результатов поисковых запросов: основным результатом является количество результатов запроса. С его помощью можно быстро оценить, есть ли, например, в определенном вузе страны уроженцы определенного города. При этом без изучения конкретных анкет невозможно оценить количество «бракованных» (как уже указывалось, таковых бывает 10–22%) – таким образом, данный метод предпочтительнее использовать как рекогносцировочный, для предварительных оценок, как дополнительный к другим исследованиям. Большое преимущество такого метода: в скорости работы и широких возможностях автоматизации с применением специальных программ.

С помощью метода изучения конкретных анкет возможны различные исследования, причем могут быть использованы данные трех степеней достоверности:

1. Наиболее удобна и обладает высокой достоверностью оценка территориальных «зон сбора абитуриентов» определенным вузом. Для этого подбираются зарегистрированные пользователи, являющиеся выпускниками определенного вуза (в зависимости от задач исследования с вводом конкретного реального или потенциального года выпуска или без него). Затем детально изучаются анкеты всех людей, найденных системой, и по ним фиксируются географические пункты окончания школ. Раздел «родной город» использовать нежелательно, т.к. под «родным городом» многие участники сети подразумевают не место рождения, но субъективное ощущение родины¹³. В нашем исследовании данные графы «родной город» учитывались – но отдельно, как «фоновые» данные низкой

¹¹ По состоянию на декабрь 2011 г. поисковая система сети «ВКонтакте» изменена: получить данные одновременно по вузу и школе стало невозможно без применения специальной программы.

¹² Это видно по текстам сообщений, противоречащим указанным в регистрации данным.

¹³ Об этом свидетельствуют формулировки типа «Родной город: теперь уже Томск». «Родной город: нет такого».

достоверности. В проведенных исследованиях по выпускникам определенных факультетов ТГУ место окончания школы указывали от 37% (химический факультет, 2007–2009 годы выпуска) до 58% (факультет искусств и культуры, те же годы) всех выпускников.

2. Возможно исследование «форланда» вуза, то есть зоны преимущественного распределения выпускников. Данный вид исследования, однако, хуже обеспечен данными. Наиболее достоверными представляются данные о месте работы и данные в разделе «дом» – однако их заполняет в среднем около 15% участников сети (по разным факультетам от 8 до 22%). Однако именно эти данные в силу конкретности представляются наиболее достоверными.

Источником информации о городе трудоустройства является также раздел «контакты» – он заполнен чаще. При этом, как правило, если есть данные по месту работы, то заполнен и раздел «контакты»; практически во всех изученных случаях данный раздел содержит данные, совпадающие с данными по месту работы (если указаны). Таким образом, раздел «контакты» при ограниченных объемах исследования может служить основным – но при необходимости получения данных о конкретных предприятиях трудоустройства, разумеется, необходимо привлечение данных раздела «работа».

Наконец, абсолютное большинство участников сети заполняет общий раздел «город» – однако такие данные в наименьшей степени пригодны для оценки места трудоустройства, так как могут содержать данные о временном местопребывании (например, в отпуске), хотя в большинстве случаев, по-видимому, в данном разделе опять же идет речь о месте жительства и работы в настоящий момент. Тем не менее, мы рассматривали данные раздела «место» как фоновые данные для сравнений низкой достоверности.

3. Сопоставление траектории миграции конкретных лиц до поступления в вуз и после его окончания позволяет выявлять и классифицировать конкретные карьерные траектории выпускников определенного вуза. К сожалению, данный вид исследования в наименьшей степени обеспечен информацией (некоторые участники указывают только школу, некоторые – только место работы) и наиболее трудоемок, зато дает неоценимые сведения для изучения перето-

ков знания. В силу небольшого числа исходных данных выявленные на материалах конкретных лет карьерные траектории желательнее подтверждать оценочными исследованиями (см. ниже) за более длительные промежутки времени.

Выводы. Современная социальная Интернет-сеть «ВКонтакте» – удобный источник информации для изучения перетоков человеческого капитала, в значительной мере восполняющий нехватку официальной статистики, а в силу экономичности в некоторых случаях более удобный, чем социологические опросы. Материалы сети «ВКонтакте» аналогичны информации учетных карточек отделов кадров предприятий; правда, сеть охватывает почти исключительно молодежную аудиторию (преимущественно старше 1980–1983 года рождения). Последнее обстоятельство делает ее пригодной именно для изучения миграционных траекторий выпускников вузов. Возможные темы исследований:

- карьерные траектории выпускников школ определенной территории;
- «хинтерланд» и «форланд», или зона влияния определенного вуза как центра «производства» человеческого капитала;
- восполнение качественной информации о конкретных миграционных потоках молодежи (например, изучение «качественного» состава молодых мигрантов между двумя городами);

Материалы сети ВКонтакте могут использоваться как для самостоятельных исследований, так и для уточнения и детализации данных о молодежных миграционных потоках. В зависимости от применяемой методики можно получать результаты разного уровня детальности и достоверности – и, соответственно, использовать их в рамках различных исследований как «рекогносцировочные» или окончательные.

**Томский государственный университет
как центр «производства» человеческого
капитала: зона набора абитуриентов**

Задачи. Изучение данных в социальной Интернет-сети позволяет точно выявить зону притяжения абитуриентов определенным вузом (своего рода «хинтерланд» вуза); в данном случае изучены места происхождения студентов ТГУ 2007–2009 годов выпуска.

Рассматривались выпускники следующих факультетов:

- химический (165 регистраций, 150 «чистых» анкет за вычетом случайных и бракованных регистраций)
- институт искусств и культуры (140 регистраций, 83 «чистых» анкеты)
- физико-технический (238 регистраций, 176 «чистых» анкет)
- прикладной математики и кибернетики (253 регистрации, 200 «чистых» анкет).

Всего, таким образом, детально изучено 796 регистраций, из которых отобрано для дальнейшего исследования 609 анкет.

Выбранные факультеты не имели заочных отделений (по данным на 2011 год). При этом подготовка на факультете прикладной математики и кибернетики, а также института искусств и культуры потенциально допускает трудоустройство практически в любом городе (изучение анкет показывает, что многие выпускники данных факультетов устраиваются, соответственно, программистами или системными администраторами, преподавателями музыки или дизайнерами). Напротив, подготовка на химическом и физико-техническом факультетах частично связана с ограниченным спектром мест трудоустройства: ориентация на трудоустройство по определенной специальности могла повлиять на выбор специальности уроженцами городов определенной специализации. Далее условно будем называть химический и физико-технический факультеты техническими, факультет прикладной математики и кибернетики, а также институт искусств и культуры – гуманитарными.

Основным источником данных о зоне набора абитуриентов служит информация об оконченных школах (указало 267 чел.), дополнительным – данные раздела «родной город».

Зона «набора» абитуриентов ТГУ в целом. Полученные данные позволяют сделать вывод о существовании общих, не зависящих от факультета тенденций набора абитуриентов ТГУ (см. таблицу ... выше). В частности, из года в год в ТГУ поступают выпускники школ крупных (преимущественно с населением более 100 тыс. чел., за несколькими исключениями¹⁴) городов, нахо-

дящихся в радиусе около 1000 км от Томска – однако прямой зависимости от расстояния нет. В частности, регулярно поступают в ТГУ выпускники школ из расположенных далее 1000 км Усть-Каменогорска и Караганды, из еще более дальнего Улан-Удэ. В то же время в числе студентов ТГУ (изученная выборка) значительно меньше студентов из более близкого Кемерово, Барнаула, из расположенного чуть ближе 1000-км расстояния Омска. Из северных городов в ТГУ регулярно поступают выпускники школ Когалыма – но никогда (в пределах выборки) из Сургута в том же ХМАО.

В целом, можно сделать вывод, что выпускники школ городов, в которых присутствуют собственные университеты и другие крупные вузы (Кемерово, Барнаул, Новокузнецк) присутствуют среди выпускников ТГУ значительно реже, чем выпускники школ городов с ограниченными возможностями получения высшего образования: Киселевск, Прокопьевск, Междуреченск, Бийск, Экибастуз, Кокшетау, Караганда. Очевидно, Томск «перехватывает» абитуриентов у региональных образовательных центров.

Здесь очевидно, что начальный этап перетоков человеческого капитала (выбор вуза) связан с преодолением абитуриентом психологического барьера. Выпускники школ крупных университетских городов предпочитают учиться «дома» – даже если их «домашний» вуз уступает тому же ТГУ по качеству образования (о чем можно судить по Национальному рейтингу вузов). Напротив, выпускники школ периферийных центров, ориентированные на получение высшего образования хорошего качества, априори вынуждены покидать родной город. Для них с точки зрения отношения «к дому» вузы разных городов оказываются эквивалентны – поэтому, очевидно, часть выпускников осуществляет выбор вуза по критерию качества предоставляемого образования.

В результате, в ведущих вузах страны оказывается выше доля уроженцев «второстепенных», периферийных городов (например: Междуреченск, Бийск, Прокопьевск) по сравнению с региональными столицами, не являющимися национальными центрами образования (Барнаул, Кемерово, Новокузнецк). За счет этого важнейшие национальные образо-

¹⁴ Зафиксировано по несколько человек, прибывших в Томск для учебы из Стрежевого, Колпашево, города Мыски (Кемеровская область); из пригородов Томска.

вательные центры выигрывают в разнообразии базового жизненного опыта абитуриентов – и как следствие – в разнообразии человеческого капитала. Напротив, региональные образовательные центры, ориентированные на местных уроженцев, получают более однородную (и как возможное следствие – менее креативную) студенческую среду.

Зоны «набора» абитуриентов разными факультетами ТГУ. Несмотря на наличие

общих тенденций в формировании зон «набора» абитуриентов ТГУ в целом, между отдельными факультетами прослеживаются определенные различия. В первую очередь, выделяются различия в доле студентов-томичей (см. табл. 2): на гуманитарных факультетах томичей более половины, тогда как на технических – около трети (химический) или вовсе чуть больше одной десятой (физико-технический).

Таблица 2

«Зоны набора» абитуриентов различных факультетов ТГУ (выпуски 2007–2009 гг.)

Город, указанный как место окончания школы	Выпускники факультетов за период, чел.				Выпускники факультетов за период, доля от указавших место окончания школы, %			
	Институт искусств и культуры	Прикладной математики и кибернетики	Химический	Физико-технический	Институт искусств и культуры	Прикладной математики и кибернетики	Химический	Физико-технический
Всего указали	58	85	55	69	100	100	100	100
Томск	34	46	21	11	58,6	54,1	38,2	15,9
Города южной части Томской области*	8	11	3	3	13,8	12,9	5,5	4,3
Города Севера Томской области**	1	3	4	4	1,7	3,5	7,3	5,8
Кемеровская область	5	6	9	14	8,6	7,1	16,4	20,3
Казахстан	1	6	5	12	1,7	7,1	9,1	17,4
Республика Хакасии	1	1	–	2	1,7	1,2	0,0	2,9
Республика Бурятия	–	–	–	6	0,0	0,0	0,0	8,7
Бийск (Алтайский край)	1	2	3	11	1,7	2,4	5,5	15,9
Новосибирская область	3	–	–	1	5,2	0,0	0,0	1,4
Красноярский край	2	3	–	–	3,4	3,5	0,0	0,0
Иркутская область	–	1	–	1	0,0	1,2	0,0	1,4
Всего учтено городов	55	78	42	55	94,8	91,8	76,4	79,7

* Моряковский Затон, Кривошеино, Светлый (черта Томска), Тегульдэт, Уртам, Асино, Молодежный, Первомайское, Рассвет.

** Колпашево, Белый Яр, Стрежевой, Кедровый.

Внутри самой Томской области «северяне» (выпускники школ Колпашево, Стрежевого и др.) поступают, в основном, на технические факультеты, южане (в первую очередь, выпускники школ Северска, а также Асино, пригородов самого Томска и др.) – на гуманитарные. Выпускники школ Северска поступают, в основном (в нашей выборке), на факультет прикладной мате-

матики и кибернетики, где составляют более 9% студентов.

Выпускников школ Казахстана и Кемеровской области больше на технических факультетах (особенно на физико-техническом), Абакана и Улан-Удэ – наоборот, на гуманитарных.

В основном, на гуманитарные факультеты поступают выпускники школ других уни-

верситетских городов (Новосибирск, Красноярск); данная тенденция сохраняется и по выборкам других лет.

Наконец, наблюдаются единичные «всплески» поступлений из отдельных городов. Например, на физико-техническом факультете обучалось 8 выпускников школ Междуреченска, из которых 2 человека 2007 года выпуска, 1 – 2009, остальные 2008 г.) Это может быть связано как с поступлением «за компанию» (т.е. в рамках действий, предопределенных социальными сетями), так и, гипотетически, с целевыми программами подготовки (как минимум, один из междуреченцев вернулся на работу в родной город, в ООО «Распадский уголь»; другой, впрочем, устроился инженером-исследователем в Саров, во ФГУП РФЯЦ-ВНИИЭФ; по остальной информации нет). Возможно, играет роль и наличие перспективы трудоустройства по профилю обучения в родном городе. Так, например, на физико-техническом факультете в исследуемый период обучалось 6 человек из Бурятии (Улан-Удэ и Тарбагатай); как минимум, половина¹⁵ из них вернулась на работу в Улан-Удэ на авиационный завод (по профилю подготовки). Аналогична и ситуация с Бийском (11 выпускников, 3 вернулись в Бийск, 4 «осели» в Томске), которая будет рассмотрена специально.

Выводы. Вероятность поступления в Томский университет выпускника школы некоторого города зависит не только от расстояния от данного города до Томска, но и от специфики условий в месте обучения. В первую очередь, в ТГУ поступают выпускники школ средних и крупных городов, в которых нет своего университета широкого профиля и вообще широких возможностей для получения высшего образования. Поступление в Томск выпускников школ из областных центров с собственной образовательной базой очень ограничено.

Зоны «набора» абитуриентов разных факультетов не совпадают: наиболее широка «зона набора» абитуриентов на технические факультеты (особенно физико-технический), тогда как гуманитарные факультеты обучают, в первую очередь, местных уроженцев.

Одним из факторов выбора технических факультетов ТГУ в качестве места обучения, предположительно, является экономическая специализация города проживания абитуриента – поскольку она определяет потенциальную возможность трудоустройства по профилю обучения в родном городе.

Частный случай. Бийск и Барнаул в «хинтерланде» ТГУ: специфика формирования миграционных потоков

Обратим внимание на то, что в ТГУ практически на всех факультетах значительную группу составляют выпускники школ города Бийска -- при этом выпускники других городов Алтайского края (Барнаул, Рубцовск) представлены значительно реже. В целом по общей выборке 2007–2009 годов (1102 регистрации, включая пробные выборки 2008 г.) тем или иным способом («родной город», «школа») на бийское происхождение указали 19 человек – тогда как на Барнаул как контактную информацию – только один студент психологического факультета заочной формы обучения (он же – единственный указавший на Рубцовск как родной город). Преобладание бийчан над барнаульцами среди студентов ТГУ подтверждалось и ретроспективным поиском по другим годам выпуска.

Объяснение данного феномена может быть дано только на микроуровне – с учетом индивидуальных образовательных стратегий уроженцев Бийска, Барнаула или других алтайских городов: транспортная доступность Томска из них примерно одинакова. Здесь возможны три гипотезы.

Первая гипотеза связана с признанием сложности преодоления для молодого человека психологического барьера поступления в вуз в чужом городе. При этом определяющим фактором выбора вуза признается желание сохранить место жительства. Согласно данной гипотезе, именно желание обучаться по месту жительства заставляет выпускников школ Барнаула НЕ поступать в ТГУ, предпочитая, видимо, местный Алтайский государственный университет и другие барнаульские вузы. Выпускники же школ Бийска априори¹⁶ вынуждены покидать родной

¹⁵ Один из выпускников позже уехал в Иркутск.

¹⁶ Мы рассматриваем выпускников, ориентированных на получение университетского образования, поэтому условно не будем рассматривать бийские вузы (Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина (бывший пединститут), Бийский технологический институт (филиал Алтайского государственного технического университета им. Ползунова) и местные филиалы некоторых московских вузов) как сильных конкурентов ТГУ и АлтГУ.

Распределение бийчан по факультетам ТГУ

Факультет	Количество бийчан ¹⁸ среди выпускников ТГУ 2007–2009 гг., чел.	Количество выпускников бийских школ, указавших на работу в Бийске после окончания ТГУ в 2007–2009 гг., чел.
Химический	3	0
Физико-технический	11	3
Институт искусств и культуры (ИИИК)	1	1
Прикладной математики и кибернетики	2	0

город: фактор выбора вуза по месту жительства теряет свое значение. В этих условиях для бийчан вузы Барнаула и Томска оказываются как бы в равных конкурентных условиях – и выбор нередко делается в пользу более престижного ТГУ (существенно опережающий АлтГУ и Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова в рейтинге вузов); часть бийчан поступает в вузы Барнаула.

Вторая гипотеза связана с уровнем образования и мотивацией абитуриентов. Возможно, выпускники школ города-наугограда Бийска, в среднем, лучше подготовлены и больше мотивированы на поступление в престижный вуз, чем их сверстники из Барнаула.

В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что среди выпускников ТГУ 1996 года, напротив, преобладали барнаульцы (4 человека¹⁷ из Барнаула и лишь 1 из Бийска в выборке из 279 регистраций) – в те годы уровень подготовки абитуриентов разных городов был, как представляется, более равным. Впрочем, возможно, что и страх поездки в другой город был в те годы ниже – не говоря уже о скудости выборки участников сети 1996 года выпуска.

Третья гипотеза связана с фактором возможности вернуться на работу в свой город. Такая возможность подкрепляется специфическими неформальными институциональными условиями (семейные традиции, неформальные возможности родителям устроить детей на работу на свое предприятие, в свой институт), а также материальными факторами (наличие семейной жилплощади в родном городе). В этом случае предполагает-

ся, что абитуриенты из Бийска предпочитают ТГУ как центр подготовки по уникальным специальностям, связанным с профилем бийских предприятий и учреждений – тогда как у абитуриентов из Барнаула нет ориентации на специфические томские специальности.

В пользу данной гипотезы свидетельствует неравномерность распределения бийчан по факультетам ТГУ (см. табл. 3).

Заметим, однако, что выбор определенных специальностей бийчанами (даже если допустить, что он мотивирован желанием далее работать в родном городе) далеко не всегда приводит к трудоустройству в родном городе. Из 17 бийчан – выпускников исследуемых факультетов ТГУ 2007–2009 гг., в Бийск вернулось только 4 (в том числе трое с «профильного», по-видимому, физико-технического университета), тогда как указали, что «осели» в Томске 10 человек, в т.ч. 7 выпускников физтеха (еще один бийчанин уехал в Нефтеюганск, еще по двум нет данных).

Таким образом, ориентация на определенную специализацию, связанную с местом жительства, влияет, главным образом, на выбор вуза (допустим, через родительский «нажим» на абитуриента), тогда как на стадии выбора места работы данный фактор уже теряет свое значение.

В итоге, каждая из названных гипотез, по-видимому, играет определенную роль в определении карьерных траекторий. При этом третья гипотеза в наибольшей степени определяет карьерные траектории обучающихся по техническим (при этом узким) специальностям.

Выводы. Выбор конкретных карьерных траекторий выпускников школ определенного

¹⁷ В т.ч. 2 указали Барнаул как родной город и 2 – как город в разделе «контакты», т.е. отнесение их к барнаульцам условно.

¹⁸ Указавшие на окончание школы в Бийске или Бийск как «родной город»

города определяется совокупностью факторов, в числе которых выделяются:

- образовательная инфраструктура в месте окончания школы (наличие престижных вузов и качество полученного образования)
- институциональные условия в месте окончания школы (потенциальные возможности устроиться на работу в родном городе)
- территориальное размещение мест приложения труда и обучения по узким техническим специальностям (особенно актуально для наукоградов, узких специалистов для которых готовят в вузах других городов).

Образовательные контакты формируют иную территориальную структуру, чем информационные контакты городов в целом – причем она оказывается в меньшей степени зависимой от административных границ, чем событийный ряд региона в целом.

Томский государственный университет как центр «производства» человеческого капитала:

зона «сбыта» специалистов

В целом, зона трудоустройства выпускников отражает ожидаемую «перекачку» человеческого капитала из менее крупных городов в более крупные, а также из Казахстана в Россию (число возвратов в Казахстан очень мало). Выпускники ТГУ трудоустраиваются в крупные города, откуда почти не бывает абитуриентов (Тюмень, Новосибирск, Красноярск, Омск, Кемерово), в том числе ожидаемо в Санкт-Петербург и Москву (в Петербурге оказывается немного больше «технарей», в Москве – «гуманитариев»).

В частности, в изученной выборке около 2/3 выпускников химического факультета ТГУ (в изученные годы данные о трудоустройстве указало 63 чел.) остались в Томске, 8% трудоустроились в Новосибирске, 5% – в Норильске (персональный опрос проживающих в Норильске выпускников ТГУ через систему «личных сообщений» сети «ВКонтакте» показал, что столь высокая доля трудоустройства их в Норильск обусловлена системой целевого набора выпускников профильных факультетов ТГУ в компанию «Норильский никель»). 7% оказалось в различных городах Кемеровской области, 5% – в

городах Севера Тюменской области (Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, Когалым).

Как указывалось, подготовка на химическом и физико-техническом факультетах связана с приобретением узких специальных компетенций (например, химия высокомолекулярных соединений, космическая физика и т.д.) – спектр возможных мест трудоустройства выпускников здесь заведомо ограничен.

Среди выпускников физико-технического факультета (167 чел.) 60% осталось в Томске, около 5% трудоустроились в Кемеровской области (Кемерово, Киселевск, Междуреченск), чуть менее 2% – в Новосибирске и Тюмени, 1% – на Севере Западной Сибири (Стрежевой, Колпашево). Обращает на себя внимание высокая концентрация выпускников физтеха в некоторых конкретных городах: в Бийске (около 5%), Снежинске Челябинской области (2,5%); отдельные выпускники трудоустраиваются также в такие удаленные от ТГУ города, как Саров и Улан-Удэ, а также подмосковные Переславль-Залесский, Ногинск, Черноголовку. В Петербурге оказалось чуть более 4% выпускников физтеха ТГУ, в Москве 3%, за рубежом – чуть более 1%.

Доля выпускников факультета прикладной математики и кибернетики ТГУ, оставшихся в Томске (из 179 чел.) значительно выше – 76%, уехавших за рубеж (в том числе в Амстердам, специализирующийся на высокотехнологичных производствах город Реховот под Тель-Авивом, Окленд под Сан-Франциско) – самая высокая из всех исследованных факультетов (3,4%). В Петербурге их, как и выпускников физтеха, около 4%, в Москве около 3%. Почти 3% трудоустроено в Новосибирске, столько же – в различных городах Красноярского края (Красноярск, Железногорск, Минусинск, Ачинск). При этом буквально единицы оказываются в ближайших городах Кемеровской, Томской области, Алтайского края; в Казахстане. Можно предположить, что выпускники факультета в большой степени ориентированы на наиболее престижные места работы.

Выпускники физико-технического факультета в значительной степени ориентируются на «интеллектуальные города» (Снежинск, Саров, Черноголовка), включая собственно Томск (2/3 выпускников), а также Санкт-Петербург (доля выпускников факультета, оказывающихся в Петербурге

характерно выше доли таковых в Москве), – но в то же время по сравнению с другими факультетами велик их процент трудоустройства в соседних с Томском регионах (это возвратившиеся в родные города уроженцы Кемерово, Киселевска, Междуреченска, Бийска, Колпашево и т.п.).

В отличие от «технарей», почти все выпускники института искусств и культуры могут трудоустроиться практически в любом городе страны (имея специальность дизайнера, преподавателя музыки и т.п.). Соответственно, выпускники института искусств и культуры ТГУ (126 чел.) в максимальной степени трудоустраиваются в самом Томске (80%), и никогда не попадают на Север. Зон концентрации их в других районах не выявлено: по 1–2 человека нашло работу в Северске, Бийске, Красноярске, Новосибирске, Кемерово, Омске, Москве, Петербурге, Алматы. Здесь обращает на себя внимание преобладание в списке крупных городов, региональных центров (доля трудоустроившихся в них выпускников других факультетов ниже); выпускники факультета есть в крупных городах различных районов страны (Самара, Воронеж, Екатеринбург). Одна из выпускниц ИИК 2008 г., к моменту исследования работающая в Томске, успела поработать в Санкт-Петербурге (а до поступления в Томск – в Москве, Краснодаре и Красноярске); другая – музыкант, уроженка Бердска – успела к 2011 г. поработать в Новосибирске и Ступино (а до поступления в Томск также в Чебоксарах).

Последняя биография довольно типична для уроженца малого или среднего города. Здесь мы приходим к важному наблюдению: наиболее активными «переносчиками» знаний *по стране* оказываются уроженцы провинциальных городов (окончившие вуз не по месту рождения). Данная тенденция сложилась еще в советское время (см. меня по Старому Осколу) – и подтверждается нашим исследованием: практически всегда в северные города, например, направляются выпускники школ Казахстана или Кемеровской области. Аналогично, в числе выпускников ТГУ, попавших в Северск и Снежинск, в нашей выборке не оказалось томичей (подробнее см. ниже). Напротив, за рубеж уезжа-

ют как сами томичи, так и уроженцы других городов (в нашей выборке, например, – Красноярска и Анжеро-Судженска).

Частный случай: формирование потоков носителей специфических специализаций по факультетам.

Обратим внимание на довольно специфические «пункты назначения» выпускников некоторых факультетов ТГУ. Так, в частности, сразу 5 выпускников химического факультета ТГУ оказалось в Норильске, 4 выпускника физико-технического факультета – в Снежинске (один из них успел также поработать в Сарове) и еще один в Сарове. Конечно, доля распределившихся в данные города невысока. Тем не менее, гипотетическая вероятность «попадания» хотя бы нескольких выпускников вуза в один из удаленных от вуза городов страны – *и при этом неродных* – очень мала: как показано выше, абсолютное большинство выпускников трудоустраивается по месту учебы, прежнему месту жительства, в столицах (Москва, Петербург) или отправляется за границу; отклонения от данных сценариев уникальны. Для объяснения таких уникальных отклонений логично предположить действие неких неслучайных факторов, направляющих выпускников вуза в определенные (неродные и нестоличные) города. По-видимому, здесь действует или аналог системы распределения (запросы предприятий определенных городов на выпускников) – т.е. некие формальные институты – или сетевые социальные связи. Данное предположение хорошо согласуется с выводами исследования институциональных факторов трудоустройства россиян в 90-е годы: установлена доминирующая роль социальных связей при трудоустройстве, причем выбор рабочего места в рамках социальных сетей осуществляется нередко даже в ущерб экономически более выгодным вариантам¹⁹.

В настоящий момент мы не располагаем информацией, позволяющей сделать выбор в пользу или аналога системы распределения, или неформальных институтов (допустим, знакомства преподавателей вуза). Однако, мы проверили постоянство действия данных факторов (одного или обоих) путем целевого поиска в исследуемой сети²⁰. Был

¹⁹ Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 210–251.

²⁰ Был доступен в поисковой системе сети «ВКонтакте» летом-осенью 2011 г.

введен поисковый запрос: найти выпускников каждого из факультетов (химический и физико-технический), указавших в качестве города проживания (раздел «город») Норильск, Саров и Снежинск.

Среди выпускников физтеха в Снежинске оказалось всего 18 человек (годы выпуска с 1999 до 2011 г.), и еще 9 – в Сарове. Тем самым, можно констатировать, что существуют *институциональные каналы, «направляющие» выпускников физтеха* ТГУ в Снежинск и, в меньшей степени, в Саров, действуют устойчиво. Среди выпускников химического факультета в Норильске оказалось 9 человек (годы выпуска с 2005 по 2009) – тем самым, относительно устойчиво работают и аналогичные институциональные «коридоры» отправки студентов-химиков в Норильск²¹. Для сравнения: в Сарове оказался один выпускник химического факультета, в Норильске («целевом» городе распределения выпускников-химиков) – один выпускник физтеха.

Обратим внимание на происхождение «направленных» из Томска в Саров, Снежинск и Норильск: в изученной выборке нет данных, фиксирующих направление в данные «целевые» города уроженцев Томска. В выборке 2007–2009 годов в Снежинске оказались выпускники школ Караганды, Абазы (Хакасия) и Колпашево (в качестве места рождения последнего ука-

зан Тирасполь); в Сарове – выпускник школы Междуреченска (Кемеровская область), в Норильске – Кокшетау.

Таким образом, отнюдь не наблюдается логично ожидаемого карьерного цикла «миграция – поступление – целевая подготовка – возвратная миграция – трудоустройство». Уроженцы «профильных» городов (например, Норильска) поступают в ТГУ и нередко остаются там после окончания учебы. На их место из ТГУ направляются уроженцы других мест (чаще из периферийных городов Кемеровской области и Казахстана).

Таким образом, наблюдается не очень мощный, но устойчивый институционально обусловленный горизонтальный обмен мигрантами между несколькими далеко расположенными городскими центрами. При этом характерна роль специализации города: она направляет карьерную траекторию местных уроженцев на самом первом этапе, определяя выбор вуза «по профилю» города. По сути, функционируют специфические «профессиональные сети» городов, которые воспроизводятся вновь и вновь. Между данными городами осуществляются регулярные перетоки специалистов, направляемые специфическими институциональными (формальными²², а возможно, и неформальными) каналами.

²¹ Опрос распределившихся в Норильск через систему личных сообщений сети «ВКонтакте» показал, что трудоустройство в Норильск действительно было связано со специальными программами привлечения молодых специалистов в «Норильский никель».

²² Данные о географической зоне трудоустройства выпускников ТГУ согласуются, в целом, со списком партнерских предприятий ТГУ: <http://www.tsu.ru/content/up/reestr.php>

ИНДЕКС КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И АНАЛИЗ ЕГО ДИНАМИКИ НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Bereznyak I.S.

QUALITY OF LIFE INDEX AND ANALYSIS OF ITS DYNAMICS ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENSK REGION

Аннотация. В статье проводится расчет квартального индекса качества жизни населения Смоленской области, анализируется динамика индекса и отдельных его составляющих за пять лет. Приводится рейтинг Смоленской области как по индексу качества в целом, так и по величине отдельных его компонентов среди всех субъектов РФ. Проводится территориальное сравнение рассчитанных индексов с соответствующими показателями соседних областей и со средними значениями индекса по РФ в целом.

Abstract. In this paper we calculate the quarterly index of quality of life in the Smolensk region, examines the dynamics of the index and its individual components over five years. Provides ratings of the Smolensk region as an index of quality in general, and on the value of its individual components among the subjects of the Russian Federation. Conducted a comparison of calculated spatial indices with those of neighboring areas and with the average index in Russia in general.

Ключевые слова: качество жизни, показатели качества жизни, составляющие индекса качества жизни, качество жилищных условий, величина и распределение доходов, миграционная привлекательность региона, линейное масштабирование, темпы роста, коэффициент координации.

Key words: quality of life, quality of life that make up the index of quality of life, quality of housing conditions, the magnitude and distribution of income, migration attractiveness of the region, the linear scaling, growth rates, the coefficient of coordination.

Проблема повышения качества жизни граждан является в настоящее время ключевой не только для развития России в целом, но и для отдельных её регионов. Повышение качества жизни, наряду с улучшением демографической ситуации и здоровья населения, является основополагающим социальным приоритетом стратегического развития всех субъектов России, становится одним из важнейших факторов конкурентоспособности региона.

Само понятие «качество жизни» используется в последнее время достаточно широко, но, к сожалению, не имеет общепризнанной формализованной структуры и стандартного набора индикаторов, позволяющих достоверно его оценить и всесторонне исследовать. Приоритеты зависят не только от потребностей отдельных людей, но и тесно связаны с уровнем развития стран и регионов, поэтому критерии оценки качества жизни не совпадают для развитых и развивающихся стран.

С экономической точки зрения, качество жизни, как мера эффективного распределения ограниченных социально-экономических ресурсов в обществе, показывает, насколько современное государство выполняет свою основную функцию – распределяет ограниченные ресурсы. Между тем, понятие «каче-

ство жизни» следует отличать от терминологически и содержательно близкого понятия «уровень жизни». Главное отличие между ними – в объемах понятий. Уровень жизни представляет собой показатель, отражающий благосостояние населения и основан на подсчете объема доходов граждан и степени удовлетворения базовых потребностей (еда, одежда, жилье, лекарства и т.д.). Фактически он является производным показателем экономического развития. В сравнении с ним качество жизни – гораздо более широкий показатель, включающий в себя оценку благосостояния в числе прочих критериев качества жизни, но также учитывающий и еще целый ряд показателей удовлетворения разного рода потребностей (здравоохранение, социальное обеспечение, транспорт, связь и коммуникации, обеспеченность учреждениями культуры и т.д.).

Перечень компонентов качества жизни, используемых в международных сопоставлениях и национальных оценках развитых стран, включает показатели:

- доходов населения; бедности и неравенства
- безработицы и использования рабочей силы

- динамики демографических процессов
- образования и обучения
- здоровья, продовольствия и питания
- состояния жилища (населенных пунктов), инфраструктуры, связи
- наличия ресурсов и состояния природной среды
- политической и социальной стабильности (безопасность)
- культуру, социальные связи, семейные ценности
- политические и гражданские институты (демократия и участие).

Оценки качества жизни сложны не только из-за многомерности этого понятия. Для разных групп населения представления о качестве жизни различны, и они выявляются через субъективные оценки. В западных исследованиях сочетаются объективные (статистические) и субъективные измерения, основанные на регулярных массовых опросах населения или оценках экспертов. Такие компоненты, как социальные связи, семейные ценности, политическая и социальная стабильность могут оцениваться только субъективно, так как объективных критериев не существует. Для регионов России использование субъективных оценок пока невозможно – для этого нужны регулярные социологические обследования, репрезентативные для каждого субъекта РФ. Приходится использовать объективные (статистические) данные, хотя с их помощью можно измерить далеко не все компоненты качества жизни.

В ряде случаев показателем качества жизни выступает индекс развития человеческого

потенциала (ИРЧП), разработанный ООН. ИРЧП рассчитывается как среднеарифметическая величина трех индексов: индекса ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекса достигнутого уровня образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, каждый из которых выступает как результирующая множества факторов. Главным недостатком этого показателя является его слабая универсальность. Кроме этого, для его расчета необходима величина ВВП, информация о котором (в разрезе субъектов федерации), согласно Федеральному плану статистических работ, публикуется в конце февраля за год, предшествующий предыдущему (то есть в феврале 2010 г. опубликованы данные за 2008 г.), что существенно снижает своевременность рассчитанного ИРЧП.

В настоящее время осуществляются попытки разработки методики расчета индекса, который бы объективно позволял оценить качество жизни не только России в целом, но и отдельных её регионов.

В проекте Независимого института социальной политики индекс, методика которого разработана сотрудниками географического факультета МГУ, сконцентрирован в первую очередь на проблемах переходного периода развития России (будучи назван «кризисным» индексом качества жизни). Он является интегральным показателем, который рассчитывается как среднее арифметическое из четырех частных индексов, один из которых – индекс здоровья – вычисляется как среднее из показателей долголетия (ожидаемой продолжительности жизни) и младенческой смертности:

$$\text{«Кризисный» индекс качества жизни} = \frac{A + B + C + \frac{D + E}{2}}{4}, \quad (1)$$

где A – индекс отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму; B – индекс доли населения с доходами выше прожиточного минимума; C – индекс уровня занятости населения; D – индекс ожидаемой продолжительности жизни; E – индекс младенческой смертности.

Методика расчета индекса качества жизни, включающего большее число компонентов, по сравнению с рассмотренным выше, была разработана лабораторией математических методов политического анализа и про-

гнозирования факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ежегодный индекс качества жизни (QL) является линейной функцией восьми переменных:

$$QL = \frac{H + I + M + C + B + S + L + J}{8} \quad (2)$$

где $H = \frac{A + D + R}{3}$ (подиндекс жилищных условий),

$I = \frac{W + G + P}{3}$ (подиндекс распределения доходов)

Квартальный индекс качества жизни (QL_q) является линейной функцией шести переменных и вычисляется по формуле:

$$QL_q = \frac{W + M + B + C + S + J}{6} \quad (3)$$

Основными компонентами индекса являются:

Качество жилищных условий населения (Н). Это компонентный подиндекс, образуемый путем усреднения трех величин:

- наличие коммуникаций (А). В качестве операциональной переменной взят удельный вес общей жилой площади, оборудованной водопроводом
- состояние жилищного фонда (D), измеряемое через удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда. При этом показатель состояния жилищного фонда обратно пропорционален доле ветхого и аварийного жилья
- обеспеченность населения жильем (R), мерой которой выступает общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя.

Величина и распределение доходов (I). Это также компонентный подиндекс, образуемый усреднением нескольких величин:

- размер индивидуальных доходов (W), взятое как отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, установленному в регионе
- равенство в распределении доходов (G) – величина, обратная индексу концентрации доходов Джинни. Данный индекс оценивает близость наблюдаемого распределения доходов среди населения к равномерному. Чем ближе значение индекса к 1 (или 100%), тем менее равномерно распределены доходы и, соответственно, выше уровень социальной дифференциации
- отсутствие бедности (P). Операциональным индикатором данной величины является доля населения с денежными доходами ниже величины

прожиточного минимума («за чертой бедности»), взятая в обратной пропорции.

Миграционная привлекательность региона (M). В основе данного показателя – стандартные коэффициенты миграционного прироста, представляющие собой разность между числом прибывших и убывших на 10 000 человек населения территории.

Уровень выживаемости детей в возрасте до одного года (обратный смертности в возрасте до одного года) (C). Это один из важнейших и общепризнанных в мире показателей качества жизни, учитывающий сразу две составляющие: качество медицинских услуг и здоровье родителей. Очевидна обратная связь между младенческой смертностью и качеством жизни региона.

Безопасность личности (B). Данный показатель обратно пропорционален такому традиционному индикатору, как уровень преступности – число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения.

Развитость рынков услуг (S) представляет собой объем платных услуг на душу населения (общий объем денежных средств, уплаченных самим потребителем или организацией, в которой он работает, за оказанную ему или членам его семьи услугу, разделенный на численность населения региона).

Продолжительность жизни (L, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении). Это общепринятый в мировой статистике показатель, вычисляемый на основе таблиц смертности. Наряду с младенческой смертностью, его можно считать одним из «интегральных» показателей качества жизни: он присутствует практически во всех методах его измерения и не требует специального обоснования.

Доступность рабочих мест (J). Данный показатель является обратным по отноше-

нию к уровню безработицы, рассчитываемому как отношение численности безработных к численности экономически активного населения (в процентах).

Очевидно, что вышеперечисленные показатели имеют неодинаковую размерность, то есть, измерены в разных единицах. Для формирования общего индекса (2) и (3) необходимо привести их к некоторому сопоставимому виду. С этой целью в данном

$$X_i^{(ls)} = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (4)$$

Максимумы и минимумы для каждого показателя установлены эмпирически таким образом, чтобы: 1) обеспечить возможность динамических сравнений, 2) наилучшим образом отразить различия между российски-

проекте использован метод линейного масштабирования. Его суть состоит в том, чтобы отобразить значения каждого показателя в интервале от 0 до 1, сохраняя все пропорции между отдельными значениями. Таким образом, сохраняются все структурные характеристики исходного показателя. В применяемой формуле масштабированное значение $X_i^{(ls)}$ получается в результате деления разности наблюдаемого X_i и минимального значения переменной на ее размах:

ми регионами. Задачи обеспечения возможности международных сравнений на данном этапе развития проекта не ставилось. Таблица минимумов и максимумов приведена ниже (табл. 1).

Таблица 1

Показатель	Минимум	Максимум
удельный вес общей жилой площади, оборудованной водопроводом	20	100
удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда	0	40
общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	4	35
отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму	0,5	7
индекс концентрации доходов Джинни	–	–
доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	–	–
коэффициент миграционного прироста	-360	130
коэффициент младенческой смертности	0	40
уровень преступности	0	6 000
объем платных услуг на душу населения	700	100 000
средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении	50	85
уровень безработицы	0	70

Рассмотрим все компоненты и величину квартального индекса качества жизни, рассчитанного по рассмотренной методике, на примере Смоленской области. Также проанализируем динамику этого показателя (табл. 2) и рейтинг области по качеству жизни для всех субъектов федерации (табл. 3).

Проведенный анализ показывает, что за рассматриваемый период индекс качества жизни по Смоленской области несколько вырос, но рост его происходит крайне неравномерно. Наибольший рост показателя наблюдается в 1 квартале 2008 года, по сравнению с 1 кварталом 2007. Именно в это время про-

изошло и наиболее значительное повышение как индекса в целом (+12,76%), так и отдельных его составляющих (особое внимание следует обратить на прирост размера индивидуальных доходов населения (+76,79%) и развитость рынка услуг (+27,81)). В 1 квартале 2009 происходит резкое снижение всех составляющих (за исключением безопасности личности), а как следствие, и индекса в целом. Именно в этом периоде снижение индекса наиболее значительно (-4,37%). Анализируя средние темпы прироста квартального индекса качества жизни и отдельных его компонентов, следует отметить, что

Таблица 2

Компоненты индекса качества жизни	1 кв. 2006	1 кв. 2007	1 кв. 2008	1 кв. 2009	1 кв. 2010	Средний темп прироста
Уровень выживаемости детей до года (С)	0,77	0,698	0,81	0,728	0,858	
Темп прироста, %		-9,35%	16,05%	-10,12%	17,86%	2,74%
Размер индивидуальных доходов населения (W)	0,194	0,224	0,396	0,365	0,343	
Темп прироста, %		15,46%	76,79%	-7,83%	-6,03%	15,31%
Миграционная привлекательность региона (M)	0,56	0,559	0,577	0,568	0,553	
Темп прироста, %		-0,18%	3,22%	-1,56%	-2,64%	-0,31%
Доступность рабочих мест (J)	0,907	0,927	0,949	0,924	0,923	
Темп прироста, %		2,21%	2,37%	-2,63%	-0,11%	0,44%
Развитость рынка услуг (S)	0,164	0,169	0,216	0,179	0,182	
Темп прироста, %		3,05%	27,81%	-17,13%	1,68%	2,64%
Безопасность личности (B)	0,402	0,408	0,418	0,455	0,48	
Темп прироста, %		1,49%	2,45%	8,85%	5,49%	4,53%
Квартальный индекс качества жизни	0,4995	0,4975	0,561	0,5365	0,5565	
Темп прироста, %		-0,40%	12,76%	-4,37%	3,73%	2,74%

Таблица 3

Компоненты индекса качества жизни	1 кв. 2006	1 кв. 2007	1 кв. 2008	1 кв. 2009	1 кв. 2010	Среднее значение
Уровень выживаемости детей до года	28	68	24	70	15	41
Изменение рейтинга		-40	44	-46	55	3,25
Размер индивидуальных доходов населения	55	55	23	28	50	42,2
Изменение рейтинга		0	32	-5	-22	1,25
Миграционная привлекательность региона	45	54	46	46	53	48,8
Изменение рейтинга		-9	8	0	-7	-2
Доступность рабочих мест	63	47	26	45	19	40
Изменение рейтинга		16	21	-19	26	11
Развитость рынка услуг	59	62	48	67	68	60,8
Изменение рейтинга		-3	14	-19	-1	-2,25
Безопасность личности	7	58	66	61	76	53,6
Изменение рейтинга		-51	-8	5	-15	-17,25
Квартальный индекс качества жизни	54	63	42	66	63	57,6
Изменение рейтинга		-9	21	-24	3	-2,25

наибольший вклад в рост обобщающего показателя внёс размер индивидуальных доходов населения (+15,31%). Но анализируя более детально этот показатель можно видеть, что после резкого увеличения в 2008 году, этот показатель неуклонно снижается, причем его темпы снижения превышают темпы снижения других компонентов ин-

декса. Это свидетельствует о том, что отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, установленному в регионе, становится всё меньше. Отрицательный средний темп прироста имеет только миграционная привлекательность региона (положительный темп прироста наблюдался только в 2008 году).

Таблица 4

Название субъекта федерации	1 кв. 2006	1 кв. 2007	1 кв. 2008	1 кв. 2009	1 кв. 2010	Среднее значение
Москва	0,76872	0,77413	0,80528	0,79615	0,80288	0,789432
Санкт-Петербург	0,66689	0,67988	0,70521	0,70505	0,74604	0,700614
Московская область	0,60231	0,64505	0,66897	0,66052	0,68794	0,652958
Смоленская область	0,4995	0,4975	0,561	0,5365	0,5565	0,5302
Республика Калмыкия	0,46961	0,4421	0,47402	0,44688	0,49259	0,46504
Республика Ингушетия	0,28514	0,45609	0,502874	0,50807	0,49255	0,4489448
Республика Тыва	0,40047	0,44753	0,46414	0,43297	0,47542	0,444106

Таблица 5

	1 кв. 2006	1 кв. 2007	1 кв. 2008	1 кв. 2009	1 кв. 2010	1 кв. 2011
Смоленская область	49,29	49,14	55,54	53,07	55,08	56,98
Брянская область	53,58	54,36	56,59	55,88	56,59	57,52
Калужская область	50,37	54,54	57,91	57,71	58,33	59,56
Псковская область	49,4	52,65	54,96	56,86	55,07	58,06
Тверская область	51,77	52,42	56,74	55,66	56,28	58,31

Анализируя рейтинг Смоленской области как по индексу качества в целом, так и по величине отдельных его компонентов можно сделать неутешительные выводы о том, что, несмотря на свою близость к столичному региону, область стабильно находится в 30% регионов с худшими показателями качества жизни (за исключением 1 квартала 2008 года). Рейтинг включает в себя 83 субъекта РФ, за исключением Чеченской республики.

Анализируя показатели 1 квартала 2010 года можно видеть, что рейтинг области снизился по показателям размера индивидуальных доходов населения (-22 позиции), безопасности личности (-15 позиций), миграционной привлекательности региона (-7 позиций) и развитости рынка услуг (-1 позиция). Таким образом, из 6 составляющих квартального индекса качества жизни, по 4 произошло снижение рейтинга Смоленской области среди всех субъектов федерации. Наиболее низкий рейтинг у показателя безопасности личности (76 позиция и 83) и развитости рынка услуг (68 позиция и 83). Наиболее высокий рейтинг у показателя доступности рабочих мест (19 позиция). Анализируя квартальный индекс качества жизни в целом, можно сделать вывод о том, что даже в 50% регионов с лучшими показателями качества жизни Смоленская область не попадала ни разу за все это время. Про-

водя сравнение с субъектами с наилучшими и наихудшими показателями качества жизни, можно сделать неутешительный вывод, что Смоленская область гораздо более существенно отличается от первых трех субъектов в рейтинге, чем от трёх наихудших (табл. 4).

Проанализируем динамику показателя качества жизни Смоленской области по сравнению с соседними областями (за исключением Московской). Рассмотрим показатели Калужской, Брянской, Псковской и Тверской областей за первые кварталы 2006–2011 годов. Для удобства сопоставления все показатели переведены в целые числа (табл. 5).

Анализируя полученные значения можно видеть, что Смоленская область в течение всего рассматриваемого периода имеет более низкие значения, чем все соседние области, квартального показателя качества жизни. Сравним значение этого показателя в динамике с наивысшими значениями за соответствующий период соседних областей. Для этого рассчитаем относительные показатели координации показателя качества жизни Смоленской области с наивысшим показателем среди всех соседних областей за соответствующий период (табл. 6).

Из приведенных расчетов видно, что отставание Смоленской области по показателю качества жизни стабильно составляет 5–10% по сравнению с областью-лидером.

Таблица 6

Относительный показатель координации	I кв. 2006	I кв. 2007	I кв. 2008	I кв. 2009	I кв. 2010	I кв. 2011
	0,919933	0,90099	0,959074	0,919598	0,944283	0,956682

Таблица 7

	I кв. 2006	I кв. 2007	I кв. 2008	I кв. 2009	I кв. 2010	I кв. 2011
Смоленская область	54	63	43	66	62	57
Брянская область	26	33	33	48	51	53
Калужская область	43	32	28	30	33	31
Псковская область	53	44	47	37	63	48

Таблица 8

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Калужская область	59,87	60,53	60,34	61,08	63,58	64,58	65,69
Брянская область	58,93	58,65	58,57	60,89	61,8	62,63	62,74
Тверская область	57,00	58,91	57,18	59,26	60,85	62,30	61,80
Смоленская область	57,72	57,43	56,34	58,15	60,18	61,49	61,29
Псковская область	56,23	57,62	56,46	56,57	60,43	61,18	61,07
Российская Федерация	60,99	61,72	61,40	62,26	64,07	65,17	65,59

Такие же выводы можно сделать, анализируя рейтинги Смоленской и соседних с ней областей среди всех субъектов федерации (за исключением Чеченской республики) по показателю качества жизни (табл. 7).

Проанализируем также значения годовых показателей качества жизни, включающих большее число составляющих, чем квартальные, Смоленской и соседних с ней областей (табл. 8). Для сравнения в таблице также приведены средние годовые показатели качества жизни для Российской Федерации.

Из приведенной таблицы видно, что и по годовому показателю качества жизни Смоленская область находится в аутсайдерах об-

ластей-соседей и имеет показатели значительно ниже общероссийских.

Расчет и анализ показателя качества жизни Смоленской области показывает, что необходима разработка научно-обоснованной социально-экономической политики в регионе с учетом социально-экономических параметров, влияющих на динамику качества жизни населения. В рассматриваемом периоде наблюдается всё большее отличие показателей качества жизни в благополучных регионах, по сравнению со Смоленской областью, проявляются все новые социальные последствия переходного периода, обостряются уже существующие социальные проблемы, требующие безотлагательного решения.

Библиографический список

1. Политика доходов и качество жизни населения/Под ред. Н.А. Горелова. – СПб.: Питер, 2003. – 653 с.
2. Официальный сайт Независимого института социальной политики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.socpol.ru/>
3. Смоленская область в цифрах. 2009 /Крат. стат. сб. – Смоленск: Смоленскстат, 2009.
4. Официальный сайт Института демографических исследований. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.demographia.ru
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.gks.ru
6. Официальный сайт Института Региональной информации. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.inreginfo.ru>
7. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Смоленской области <http://sml.gks.ru>

А.А. Мальцев (Екатеринбург)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ОБЪЕКТ ЭВОЛЮЦИИ
КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ*

Maltsev A.A.

INTERNATIONAL TRADE AS THE SUBJECT OF CLASSICAL SCHOOL
OF POLITICAL ECONOMY EVOLUTION

Аннотация. На основе широкого экономико-исторического материала рассмотрена эволюция классической школы политической экономики на фоне изменений условий хозяйствования. Проанализировано соотношение абсолютистского и релятивистского подходов в экономическом анализе. Доказана синхронизация смены экономических воззрений с последовательным углублением общественных отношений.

Abstract. On the basis of the broad historical view the evolution of classical school of political economy against the background of business activities change is being studied. The correlation of absolutist and relativist approach in economic analyses is analyzed. Synchronization of economic views change with the social orders intensification has been proved.

Ключевые слова: экономическая мысль, классическая школа политической экономики, релятивистский подход.

Key words: economic thought, classical school of political economy, relativist approach.

Рубеж тысячелетий в плане развития общественной мысли ознаменовался обострением старого спора между сторонниками двух методологических подходов: абсолютизма и релятивизма. При этом доминирующие в современной экономической науке приверженцы абсолютистской методологии рассматривают развитие экономической науки исключительно в терминах «последовательного движения вперед – от ошибки к истине, или, по крайней мере, от сумеречного и ограниченного видения к отчетливому и всеобъемлющему пониманию (окружающей реальности – А.М.)» [1]. Впрочем, предпринимавшиеся попытки проанализировать развитие экономической мысли с позиции релятивизма – то есть в увязке с изменением «духа времени» /Zeitgeist/ – часто подвергались справедливой критике за чрезмерное заострение внимания лишь на политико-идеологическом фоне эпохи, оказывавшем влияние на теоретические построения экономистов [2]. Выход из данного методологического тупика, с нашей точки зрения, возможен при вплетении в ткань релятивистского подхода технико-технологического фактора в социально-историческом контексте. Проследить эволюцию экономических учений в контексте изменений условий хозяйствования на всем ее протяжении за ограниченностью размеров статьи не представляется возможным, поэтому обратимся

к этапу формирования классической школы политической экономики, когда, по мнению многих известных специалистов, экономика начала приобретать статус «признанной области научного знания» [3].

Прежде всего, уточним ключевые характеристики «тогдашней» хозяйственной среды. Завершение промышленного переворота, создание единой транспортной системы превратили английскую экономику в единое целое и упростили встраивание отдельных ее регионов в мировое хозяйство. К 1860 г. по удельному весу в мировом промышленном производстве (19,9%) [4], торговле продукцией обрабатывающей промышленности (50%) [5] Великобритания утвердилась на первом месте в мире. Параллельно модифицировалась и товарная структура английского экспорта, где доля обработанных изделий за 1750–1856 гг. возросла с 53 [6] до 81% [7]. Закономерно, что индустриализация внешней торговли в еще большей степени усилила экспорториентированный характер развития Соединенного Королевства, в частности, за 1780–1801 гг. доля экспорта в ВВП увеличилась с 9,4 до 15,7%, в промышленном производстве – с 21,8 до 34,4% [8].

В таком раскладе перед британской экономикой вставала задача наращивания вывоза промышленных товаров не только в свои колонии и страны «третьего мира», но и в раз-

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по лоту № 16.740.11.0696 «Компаративный анализ модернизационных стратегий в мировой экономической практике».

витые в промышленном отношении страны Северной Америки и Европы и подконтрольные им территории. Однако открытие для английского экспорта рынков других стран требовало взаимных уступок и, прежде всего, упрощения доступа иностранцев к британским колониям. Кроме того, ускорение (2,9% среднегодового роста за 1830–1870 гг.) [9] темпов развития промышленности обострило проблему сырьевого обеспечения английского индустриального преобладания, когда необходимость импорта все возрастающих объемов сырья и полуфабрикатов (их удельный вес в структуре импорта за 1794–1860 гг. «подскочил» с 41,0 до 57,0%) [10] ставила в повестку дня задачу постепенного снижения ставок ввозных пошлин. Иными словами, Великобритании требовалось демонтировать последний бастион меркантилизма внешне-торговый протекционизм – и осуществить переход к системе свободной торговли, позволявшей с выгодой для своей экономики налаживать экономические связи с другими государствами. В свою очередь, экономической мысли конца XVIII – первой половины XIX столетий пришлось выработать новый теоретико-методологический аппарат, призванный описать переход от системы меркантилизма к политике фритредерства, значившей для Британии, по словам Й.А. Шумпетера, «нечто значительно большее, чем особый способ решения вопросов внешней торговли» [11].

Его формирование также происходило под воздействием открытий в области естествознания, в результате чего центр научных интересов общественной мысли западноевропейских стран начал смещаться от традиционной духовно-политической проблематики к экономическим аспектам развития общества. Подобная перестановка акцентов трансформировала метод познания окружающей реальности: социальную метафизику с ее «неопределенностью и двусмысленным характером» [12], «вещами в себе, где теряют свое значение все законы этого мира явлений» [13] постепенно вытеснил позитивизм, доказывающий несовершенство «естественного порядка, непрерывно требующего человеческого вмешательства» [14] и постулирующий приоритет опирающегося на эмпирическое обоснование научного знания над всеми другими его формами. В методологическом плане данные наработки заложили фундамент доктрины экономического либерализма,

концептуализировавшей процессы перехода западных стран на индустриальную траекторию роста и подчеркивавшей превосходство технико-институционального уклада индустриализма над «отсталыми» хозяйственными практиками предшествующих эпох.

Обоснование необходимости освобождения зарождавшейся рыночной экономики от позднефеодального патернализма началось с трудов представителей «либерального меркантилизма» и французских просветителей-физиократов. Мыслителям шотландского возрождения /Scottish Enlightenment/ и философам-утилитаристам удалось соединить воедино социально-этическую проблематику с задачами экономического строительства, интегрировав их в про-рыночную политико-экономическую программу [15]. Ее философское содержание заключалось в вытеснении холистского учения меркантилистов с его приоритетом общественных интересов над частными [16] индивидуалистическим подходом, утверждавшим, что «высшая точка зрения, которой регулируются все отношения в обществе, – это интересы частных лиц» [17]. Отсюда вытекал принципиальный вывод экономического характера: основной пружиной, приводящей в движение хозяйственный механизм, становится конкуренция между индивидами, движимыми эгоистическими мотивами поведения, «приумножающая», тем самым, богатства общества. Соответственно, роль государства в новых условиях хозяйствования «переформатировалась» на максимально оперативное блокирование попыток ограничения свободной конкуренции, то есть поддержание в работоспособном состоянии рыночного механизма, объединяющего «разрозненно действующих эгоистов в упорядоченную систему, обеспечивающую общее благо» [18].

Вместе с тем, реализация подобной теоретической схемы представлялась возможной только в условиях «зачистки» институциональной системы от рудиментов феодализма, составлявших «остов» меркантилизма, и ослаблении позиций «праздного класса» /leisure class/, экономическими и внеэкономическими способами удерживавшего командные высоты в экономике [19]. Распутать тугой узел методологических проблем, «заточив» теоретико-концептуальный каркас под практические нужды складывавшегося хозяйственного уклада, удалось А. Смиту в его знаменитом

«Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.). Не задерживаясь на социально-философских аспектах творчества шотландского ученого, попытаемся выяснить, какие инструменты приращения «богатства наций» предложил родоначальник классической политической экономии.

Во-первых, основным фактором роста общественного благосостояния, с точки зрения А. Смита, объявлялся труд, создающий новые материальные продукты: «...труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает...» [20]. Примечательно, что подобная трактовка источника богатства сближала шотландского экономиста, скорее, с поздними меркантилистами, чем с, казалось бы, гораздо более близкими ему в идейно-политическом отношении физиократами, противопоставлявшими «производительный класс» земельных собственников – «стерильному» /sterile/, или непроизводительному классу ремесленников, финансистов и купцов [21]. Во-вторых, по аналогии с большей частью меркантилистов, отстаивавших идеи бережливости [22], а не со своим идейным вдохновителем Д. Юмом, оправдывавшим роскошное потребление [23], А. Смит усматривал ключ к процветанию в накоплении: «бережливость (повышение нормы накопления – А.М.), увеличивая фонд, предназначенный на содержание производительных работников, ведет к увеличению числа тех рабочих, труд которых увеличивает стоимость предметов, к которым он прилагается...» [24]. В-третьих, важнейшим источником богатства народов, по А.Смиту, выступало разделение труда, концепция которого пронизывала все творчество шотландского ученого, во многом испытав на себе влияние таких представителей меркантилизма как У. Петти (1623–1687 гг.) и Б. Мандевиль (1670–1733 гг.) [25]. Однако именно здесь классик сделал принципиальную оговорку, предположив, что прогресс в разделении труда может быть реализован лишь при наличии соответствующих рынков сбыта: «если возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности, или, другими словами, размерами рынка» [26]. Помимо этого, А. Смит раздвинул границы разделения труда с национального на международный уровень, доказав, что благодаря внешней торговле

«ограниченность рынка (внутреннего – А.М.) не препятствует разделению труда в любой отрасли ремесел или мануфактур. ...Открывая более обширный рынок для той доли продукта их труда, которая превышает потребности внутреннего потребления, она (внешняя торговля – А.М.) поощряет их развивать свои производительные силы и увеличивать до максимальных размеров свой годовой продукт и таким образом увеличивать действительный доход и богатство общества» [27]. Для Великобритании, обладавшей абсолютными преимуществами в индустриальной сфере, единственным просматривавшимся вариантом расширения рынков представлялся «экспорт своих промышленных товаров в обмен на сырье без меркантилистских ограничений на торговлю» [28].

В этом свете, устоявшееся в современной экономической литературе мнение, выставляющее Адама Смита сторонником канонизации максимы – *laissez faire, laissez passer* и жестким антагонистом меркантилистской системы, с нашей точки зрения, представляется не совсем корректным. Скорее, предвосхищая гипотезу Й.А. Шумпетера – «Zeitgeist содержит элементы, происходящие из исторически предшествующих структур» [29], шотландский экономист пытался донести до современников идею о том, что меркантилистская политика, полностью отвечавшая задачам прошлого, в новых условиях начала оказывать на британскую экономику «под тормаживающее» влияние. Так, А. Смит одобрял Навигационные акты, введенные для защиты «молодой» английской промышленности от голландской конкуренции, квалифицируя их как «пожалуй, одно из самых мудрых мероприятий Англии по регулированию торговли» [30]. При этом, к концу XVIII столетия сохранение «духа монополий» и «меркантилистической зависти» вступало в противоречие с выявленной классиком закономерностью: «подобно тому, как свобода внутренней торговли между различными провинциями одного большого государства представляется не только лучшим средством против дороговизны, но и самым действенным средством для предотвращения голода, так подобное же значение имела бы свобода вывозной торговли между различными странами...» [31]. Таким образом, если не выдерживать рассуждения шотландского ученого из контекста времени, то трудно не согласиться

с современными исследователями, характеризующими А. Смита как «непонятого / misunderstood/ меркантилиста» [32] и «поборника протекционизма, стандартной политической меры государств развития», рекомендовавшего «...полагаться на «невидимую руку рынка» только тогда, когда это не противоречит главной государственной задаче в сфере экономики – индустриализации» [33].

Какие же практические уроки вынесла Англия из учения А. Смита? Обеспечив высокие темпы роста экспорта промышленной продукции (по расчетам современных экспертов, в 1780–1801 гг. экспорт обеспечивал 46,2% прироста английского валового промышленного производства) [34], Британия первой решила задачу встраивания в первый технологический уклад [35], заняв к 1830 г. первое место в Европе по объему промышленного производства (9,5% мирового итога) [36]. Однако его дальнейшее наращивание все больше наталкивалось на ограничения внешнего и внутреннего порядка.

С одной стороны, континентальная блокада, установленная в 1806 г. наполеоновской Францией, закрыла для британских судов практически все европейские порты, а в 1807 г. власти США ввели эмбарго не только на ввоз английских изделий, но и вывоз американских товаров в Соединенное Королевство. Как итог, за 1805–1811 гг. английский экспорт в Европу упал на 85,5% (с 10,3 до 1,5 млн фунтов), в Соединенные Штаты – на 83,3% (с 11,0 до 1,8 млн фунтов). В довершение ко всему, последовавший за наполеоновскими войнами (1803–1815 гг.) экономический спад в большинстве европейских стран и Северной Америке привел к сокращению спроса на английские изделия: в 1826 г. объем британского экспорта (35,3 млн фунтов) [37] уступал результату 1805 г. (41,1 млн фунтов) [38].

С другой стороны, конкурентоспособность английского экспорта подрывала высокая зарплатоемкость промышленной продукции. К 1800 г. заработная плата квалифицированного рабочего в Лондоне превышала аналогичный показатель в Париже в 1,8, в Амстердаме – в 2,2 раза, а среднегодовые темпы прироста заработной платы в промышленности (0,96% в 1750–1800 гг.) [39] практически совпадали с динамикой промышленного производства (1,24%) [40]. Решение проблемы повышением уровня

механизации труда, естественным образом оборачивавшееся высвобождением трудовых ресурсов, все чаще сопровождалось всплеском «восстаний против машин», как это произошло в 1812 г., когда луддиты уничтожили 10% трикотажных машин /stocking frame/, имевшихся в стране [41].

Возможный вариант нивелирования негативных последствий удешевлением продовольствия, на которое приходилось 75% расходов английского рабочего класса [42], блокировался активным противодействием английских лендлордов, сконцентрировавших в своих руках к началу XIX столетия 25% земельного фонда в Англии и Уэльсе [43], 50% – в Шотландии [44]. Воспользовавшись прекращением поставок пшеницы из Европы в годы наполеоновских войн, латифундисты за 1807–1812 гг. подняли цены на зерно внутри страны с 66 до 126 шиллингов за квартал [45]. В 1814 г. снятие континентальной блокады вернуло цены на довоенный уровень в 65 шиллингов [46], вызвав серьезную озабоченность земельной аристократии возможным ужесточением конкуренции и потерей монопольного положения на внутреннем рынке. Поэтому используя особенности британской избирательной системы, когда право голоса увязывалось с земельной собственностью, латифундисты в 1815 г. пролоббировали принятие Хлебного закона / Corn Law, просуществовавшего – с поправками – до 1846 г. Закон запрещал ввоз пшеницы при цене на английском рынке ниже 80 шиллингов за квартал, а также устанавливал запретительные импортные пошлины на другие виды зерновых [47].

Несложно догадаться, что принятие подобных откровенно протекционистских и «антииндустриальных» законодательных актов не могло не вызвать негодование промышленников. Набиравшие силу представители нового времени опасались, что «рост цен на продукты питания потребует увеличения расходов на заработную плату рабочим, а это будет мешать ... конкурировать с производителями из Франции, Швейцарии, Германии и Нидерландов, обладавшими решающим преимуществом в дешевизне труда...» [48]. Столкновение экономических интересов двух институциональных укладов не обошло стороной и академическую среду.

Одним из главных идеологов экономических интересов лендлордов стал Т. Мальтус

(1766–1834 гг.), выдвинувший в противовес «про-индустриальным» концепциям А. Смита о приоритете производства над обращением и закону рынков Ж.-Б. Сэя (1767–1832 гг.), по которому производство само генерирует себе спрос, свою доктрину недопотребления / *doctrine of underconsumption*. Ее исходный посыл: совокупный спрос со стороны большинства потребителей – крестьян и рабочих всегда недостаточен для приобретения всех произведенных ими продуктов, что, несомненно, ведет к увеличению уровня бедности и росту социального недовольства. Поэтому для сокращения дефицита совокупного спроса и смягчения последствий кризисов перепроизводства необходимы «люди благородного происхождения» / *noble*, не производящие дополнительные единицы продукции, но обладающие доходами и создающие спрос на «предметы роскоши, искусства, а также культуру и образование...» [49]. Именно эту функцию Т. Мальтус отводил латифундистам, источником доходов которых выступала земельная рента, якобы снижавшаяся из-за того, что под воздействием роста населения, опережавшего динамику производства в сельском хозяйстве, землевладельцам приходилось вовлекать в обработку все менее плодородные почвы. Поэтому единственным вариантом компенсации земельной аристократии увеличивавшихся затрат, с точки зрения профессора политической экономии Ост-Индского колледжа, выступало поддержание монополично высоких цен на сельскохозяйственную продукцию. Закономерно, что при этом всячески приветствовалось введение хлебных законов.

Впрочем, далеко не все даже близкие друзья Т. Мальтуса разделяли подобные доводы. Так, Д. Рикардо (1772–1823 гг.) исходил из диаметрально противоположного предположения, согласно которому «роли рабочего и капиталиста в рыночной системе являются легитимными», тогда как лендлорд представлялся ему «злодеем / *villain*» [50], чьи интересы «всегда противоположны интересам остальной части общества» [51]. В обоснование этого достаточно спорного тезиса основоположник теории «сравнительных преимуществ» выстроил стройную и логичную концепцию: рост народонаселения, стимулируя спрос на зерно, в условиях концентрации земельной собственности в руках крупных землевладельцев и отсутствии конкуренции

с иностранными производителями ввиду ограничений на ввоз продовольствия позволял латифундистам безбоязненно взвинчивать цены. Отсюда, что называется «по цепочке» страдали интересы промышленников, вынужденных увеличивать заработную плату рабочим, с вытекавшим удорожанием промышленных товаров, затруднявшим их распространение внутри страны и за ее пределами. Разделяя идею Т. Мальтуса об убывающей отдаче в сельском хозяйстве, автор «Начал политической экономии и налогового обложения» усматривал в нехватке плодородных земель главный риск увеличения «аппетитов» земельной аристократии, грозивший еще большим перекосом в распределении доходов в пользу лендлордов, снижением нормы прибыли в других секторах экономики, останавливавшим всякое накопление, когда «весь продукт страны, за вычетом платы рабочим, станет собственностью землевладельцев и сборщиков десятины и налогов», [52] и, в конечном счете, торможением общеэкономического роста.

Защищая экономические интересы представителей нового технико-экономического уклада, Д. Рикардо настаивал на отмене как высоких ввозных пошлин на зерно и промышленные изделия, так и экспортных премий, являвшихся, по его мнению, причиной «отлива капитала в такие отрасли производства, в которые он при естественном ходе вещей не направился бы...» [53]. Ученый доказывал необходимость введения системы свободной торговли тем, что «... утилизируя наиболее действительным образом все те силы, которые дает нам природа, этот принцип приводит к самому эффективному разделению труда между разными нациями, определяя, что вино должно производиться во Франции и Португалии, а различные металлические изделия и другие товары ... – в Англии». Развивая идеи А. Смита, Д. Рикардо обосновывал взаимовыгодность уже не просто налаживания внешнеэкономических связей между различными государствами, а более глубокой межстрановой кооперации, призванной связать «узами общей выгоды и постоянных сношений все цивилизованные нации в одну всемирную общину» [54]. Соответственно, менялась целевая функция внешней торговли. Основоположник классической школы политической экономии видел ее в прида-

нии стоимости «излишкам, обменивая их на продукты, которые могут удовлетворить часть потребностей и увеличить наслаждения» [55]. Спустя сорок лет продолжатель его дела рассматривал внешнеторговый обмен как основной способ недопущения остановки маховика экономического роста повышением нормы прибыли в промышленности вследствие удешевления стоимости продуктов питания и одежды для рабочего класса: «если, вместо того чтобы возделывать свой собственный хлеб или изготавливать платье и другие предметы потребления рабочего, мы откроем новый рынок, откуда можно получать эти товары по более дешевой цене, то заработная плата упадет и прибыль повысится» [56]. Наверное, лучше всего основную идею теории сравнительных преимуществ сформулировал К. Маркс: «...вместо того, чтобы тратить свой капитал и свой труд на обработку совершенно бесплодной почвы, ... Англия образовала бы один большой фабричный город, а вся остальная Европа превратилась бы в ее сельскую провинцию» [57].

Реализуя теоретические наработки классиков, Великобритания стала пионером среди европейских государств в деле тарифного «разоружения» и ускорения встраивания в международное разделение труда. Важнейшими вехами на пути утверждения политики свободы торговли стали снятие английским правительством в 1825 г. запрета на эмиграцию квалифицированных рабочих, отмена в 1842 г. эмбарго на вывоз из страны станочного оборудования [58], «обнуление» в 1846 г. тарифных ставок на ввоз сырья и продовольствия и отмена в 1849 г. навигационных актов. Этот ряд фритредерских мер замыкало подписание в 1860 г. англо-французского торгового договора (договор Кобдена-Шевалье), по которому Франция отказывалась от запретительных ставок на ввоз английских готовых изделий, ограничив их «потолок» уровнем 30%, а Британия на 80% снижала импортный тариф на французские вина и аннулировала ввозные пошлины на изделия из шелка, шерсти, кружева, др. [59] Кстати, договор послужил Франции образцом для ратификации 11 соглашений, содержащих оговорку о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, фактически со всеми европейскими государствами [60]. Если учесть, что к началу 1870-х гг. число

внутриевропейских преференциальных торговых соглашений достигло 50, то становится понятно, почему современные экономисты называют «фритредерскую эпидемию 1860-х гг.» [61] причиной появления «европейской зоны свободной торговли» и «первого общего рынка» [62].

«Коллективные усилия» по либерализации международной торговли обернулись снижением средневзвешенной ставки импортного тарифа [63] за 1820–1875 гг. в Великобритании с 55 до 0%, в Швеции и Франции – с запретительного уровня до 3 и 12%, соответственно [64]. Основным бенефициаром политики свободной торговли стало Соединенное Королевство, на долю которого в 1870 г. приходилось 32% мирового промышленного производства [65], 24% суммарного мирового экспорта [66], 46% глобального экспорта обработанных изделий [67], а английский ВВП на душу населения (3191 дол.) в 3,7 раза превышал среднемировой итог (867 дол.) [68]. Причем экспорт по-прежнему выступал одним из главных «локомотивов» британской экономики. Так, за 1820–1870 гг. среднегодовые темпы прироста английского экспорта (5,0%) [69] в 2,4 раза превышали динамику прироста ВВП (2,05%) [70]. В итоге экспортоспособность британского ВВП возросла с 3,1 до 12,2% [71], а промышленности, составлявшей основу английского экспорта, – с 34,4% в 1801 г. [72] до 45% в 1870 г. [73].

На основе изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, анализ эволюции экономической мысли конца XVIII – начала XIX столетий убедительно свидетельствует о большом потенциале релятивистской методологии, увязывающей изменение общественно-экономической мысли с модификацией окружающей реальности. В отличие от абсолютизма релятивизм не позволяет классифицировать теории прошлого «в терминах “лучше” или “хуже”», а тем более вешать на них ярлык «неверных мнений умерших людей» [74]. Это позволяет более точно вскрыть закономерности развития мирового хозяйства в их хронологическом развертывании, точнее определить место страны на шкале времени и, в конечном счете, выработать адекватный сегодняшним реалиям практический инструментарий.

Во-вторых, отличительной чертой классической школы политической экономии

стала закладка фундамента доктрины экономического либерализма, концептуализировавшей процессы перехода западных стран на индустриальную траекторию роста и подчеркивавшей превосходство технико-институционального уклада индустриализма над «отсталыми» хозяйственными практиками предшествующих эпох.

В-третьих, классики первыми предложили рассматривать рост внешнеторгового обмена в качестве основного способа недопущения остановки маховика экономического роста через удешевление стоимости продуктов питания и одежды для рабочего класса и повышения нормы прибыли в промышленности.

Библиографический список

1. Stark W. The History of Economics in Its Relation to Social Development // The History of Economics. Vol. 5. L.: Routledge. 2001. P. 1.
2. Типичными примерами подобного подхода выступают, например, книга Н.И. Бухарина «Политическая экономика рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Репринтное воспроизведение издания 1925 года. – М.-Л.: Орбита, 1988, в которой исследователь попытался объяснить истоки теории предельной полезности появлением «непроизводительного» класса рантье, или монография Дж. Робинсон «Экономическая философия», где дается определение экономике как «смеси идеологии и науки» // Robinson J. Economic Philosophy. Harmondsworth: Penguin, Pelican Books. 1964. P. 28, др.
3. См., напр.: Hunt E.K. History of Economic Thought: A Critical Perspective. N.Y.: M.E. Sharpe. 2002. P. 3; История экономических учений. – М.: Инфра-М, 2010. – С. 42; др.
4. Crafts N., Venables A.J. Globalization and Geography: An Historical Perspective. LSE. 2001. P. 29.
5. The Global Economy // NGFL Wales Business Studies A Level Resources. 2009. September. Issue 2. P. 1.
6. Рассчитано по: Munro J. The Economic History of Later-Medieval and Early-Modern Europe. University of Toronto. 2010. P. 38.
7. Jong J de. Great Britain, the Industrial Revolution and the World Economy, 1780–1914 // Leidschrift. 2003. September. Jaargang 18. Nummer 2. P. 103.
8. Jong J de. Ibid. P. 103.
9. Мокуг J. Ibid. P. 6.
10. Jong J de. Ibid. P. 103.
11. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Перевод с английского под ред. В.С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – Т. 2. – С. 523.
12. Badiou A. Metaphysics and the Critique of Metaphysics // The Warwick Journal of Philosophy. 2000. No. 10. P. 179.
13. Метафизика / http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/704/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A4%D0%98%D0%97%D0%98%D0%9A%D0%90
14. Конт О. Дух позитивной философии // Добренев В.И., Беленкова Л.П. Тексты по истории социологии XIX-XX веков. – М.: Наука, 1994. – С. 21.
15. См., подробнее: Dow A., Dow S. Theories of Economic Development in the Scottish Enlightenment. HETSA Annual Conference. Brisbane. 11–13 July 2007.
16. Parker W.D. Methodological Individualism vs. Methodological Holism: Neoclassicism, Institutionalism and Socioeconomic Theory / http://www.socioeconomics.org/pdf/neoclassicism_institutionalism.pdf
17. Зомбарт В. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 129.
18. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли). – М.: Наука, 1993.
19. Mitchell R. E. Thorstein Veblen. Pioneer in Environmental Sociology // Organization and Environment. 2001. Vol. 14. No. 4. P. 394.
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: ЭКСМО. 2009. – С. 339.
21. Spiegel H.W. The Growth of Economic Thought. Durham, L. 1991. P. 187.
22. Такие представители меркантилизма, как Н. Барбон / N.Barbon (1640-1698 гг.) и Б. Мандевиль (1670–1733 гг.) / B. de Mandeville подчеркивали важность роскоши в экономическом развитии // См. подробнее: Peck L. L. Luxury and War: Reconsidering Luxury Consumption in Seventeenth-Century England // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 2002. Vol. 34. No. 1.
23. Brewer A. Luxury and Economic Development: David Hume and Adam Smith // Scottish Journal of Political Economy. 1998. Vol. 45. Issue 1.
24. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: ЭКСМО, 2009. – С. 345.
25. См., подробнее: Vaggi G., Groenewegwn P. A Concise History of Economic Thought: From Mercantilism to Monetarism. N.Y.: Palgrave MacMillan. 2003. P. 29-33; http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Bernard_de_Mandeville; др.
26. Смит А. Указ. соч. С. 79.
27. Смит А. Указ. соч. С. 435.

28. Frank A. G. That the Extent of Internal Market Is Limited by International Division of Labour and Relations of Production // *Economic and Political Weekly*. 1976. Vol. 11. No. 5/7. P. 171.
29. Шумпетер Й.А. Указ. соч. С. 517.
30. Смит А. Указ. соч. С. 450.
31. Смит А. Указ. соч. С. 476, 478, 515.
32. Kattel R., Kregel J.A., Reinert S. (Eds.) *Ragnar Nurkse (1907-2007): Classical Development Economics and Its Relevance for Today*. L.: Anthem Press. 2009. P. 23.
33. Райнерт Э. Повторение пройденного // *Эксперт*. – 2011. – № 1. – С. 59.
34. O'Rourke K. H., Williamson J.G. From Malthus to Ohlin: Trade, Growth and Distribution Since 1500. NBER Working Paper. W8955. 2002. P. 24.
35. См., подробнее: Глазьев С.Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. – М.: НИР. 2007. – С. 100.
36. Kennedy P. *The Rise and Falls of Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000*. N.Y.: Random House. 1987. P. 149 / [http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/trachtenberg/courses/kennedy\(shares\).html](http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/trachtenberg/courses/kennedy(shares).html)
37. Heckscher E.F. *The Continental System: An Economic Interpretation*. N.Y.: Cosimo. 2006. P. 245.
38. Neal L. A Tale of Two Revolutions: International Capital Flows, 1789–1819 // *Bulletin of Economic Research*. 1991. No. 43:1. P. 62.
39. Рассчитано по: Allen R.C. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Explorations in Economic History*. 2001. Vol. 38. P. 416.
40. Mokyr J. Accounting for the Industrial Revolution. P. 6.
41. Grint K., Woolgar S. *The Machine at Work: Technology, Work and Organization*. Oxford: Polity Publishers / Blackwell Publishers. 1997. P. 53.
42. Martin H. *Challenging History: Britain in the 19th Century*. Cheltenham: Thomas Nelson and Sons. 1996. P. 244.
43. Overton M. *Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economy, 1500-1850*. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. P. 168.
44. Devine T.M. *The Scottish Nation 1700–2000*. L.: Penguin Books. 2000. P. 448-449.
45. <http://www.historyhome.co.uk/c-eight/france/consys.htm>
46. <http://www.historyhome.co.uk/c-eight/distress/distress.htm>
47. Schonhardt-Bailey C. *Free Trade: The Repeal of the Corn Laws*. L.: Thoemmes Continuum. 1995. P. 88.
48. Prentice A. *Historical Sketches and Personal Recollections of Manchester Intended to Illustrate the Progress of Public Opinion From 1792 to 1832*. L., Manchester: Charles Gilpin, Bishopgate Street/ J.T. Parks, Market Street. 1851. P. 68-70.
49. T. Robert Malthus' Contributions to Economics (1766-1834) / <http://www.economictheories.org/2008/06/malthus-economic-theory-principle-of.html>
50. Snodgrass M.E. *Cliffs Notes On Heilbroner The Worldly Philosophers*. Nebraska: Cliffs Notes Inc. 1990. P. 19.
51. Шумпетер Й.А. Указ. соч. Т.2 С. 725.
52. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Эксмо, 2009. – С. 148.
53. Рикардо Д. Указ. соч. С. 280.
54. Рикардо Д. Указ. соч. С. 157.
55. Смит А. Указ. соч. С. 435.
56. Рикардо Д. Указ. соч. С. 156.
57. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 4. С. 405.
58. Daudin G., Morys M., O'Rourke K. Europe and Globalization, 1870–1914. OFCE. № 2008-17. P. 7.
59. Lampe M. Effects of Bilateralism and the MFN Clause on International Trade – Evidence for the Cobden-Chevalier Network, (1860-1875). Centre for Quantitative Economics. 2009 / 2. P. 6.
60. Stein A. The Hegemon's Dilemma: Great Britain, the United States, and International Economic Order // *International Organization*. 1984. Vol. 38. No. 2. P. 355-386.
61. Lazar D. The Free Trade Epidemic of the 1860s and Other Outbreaks of Economic Discrimination // *World Politics*. 1999. Vol. 51. No. 4. P. 447.
62. Lampe M. Ibid. P. 3.
63. Данные по машинотехнической продукции.
64. Chang H-J. *Kicking away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. L.: Anthem Press. 2003. P. 17.
65. <http://www.fsmitha.com/h3/h49soc.htm>
66. Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD. 2001. P. 361-362.
67. Jong J de. Ibid. P. 106.
68. Maddison A. Ibid. P. 264.
69. Рассчитано по: Maddison A. Ibid. P. 361.
70. Maddison A. Ibid. P. 262.
71. Рассчитано по: Maddison A. Ibid. P. 261, 361; Sherlock J., Reuvid J. (Eds.) *The Handbook of International Trade: A Guide to the Principles and Practice of Export*. L.: GMB Publishing Ltd. P. 18.
72. Jong J de. Ibid. P. 103.
73. Brown M.V. *Imperialism Revisited / Chilcote R.H. (Eds.) The Political Economy of Imperialism: Critical Appraisals*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers Inc. 2000. P. 52.
74. Цит. по: Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th Edition. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 2,1.

ИСТОРИКО–ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Р.А. Силантьев (Москва)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Silantyev R.A.

CONFESSIONAL CARTOGRAPHY IN THE CONTEXT OF REGIONAL STUDIES

Аннотация. В статье дается очерк истории отечественной конфессиональной картографии. Автор статьи рассматривает конфессиональную картографию как один из инструментов региональной политики.

Abstract. The article gives a sketch of the history of domestic confessional cartography. The author considers the confessional cartography as a tool of regional policy.

Ключевые слова: конфессиональная картография, атлас, интерактивная карта, география религий.
Key words: confessional cartography, atlas, interactive map, geography of religions.

Изначально конфессиональная картография считалась отраслью этнической картографии, получив признание как самостоятельная наука только в постсоветский период. Ее основателем стал выдающийся русский ученый профессор МГЛУ и академик РАЕН, дважды лауреат Государственной премии и заслуженный деятель науки РФ П.И. Пучков, который сумел дополнить географию религий этой важной прикладной дисциплиной.

Определенные разработки в области конфессионального картографирования велись и в царской России. Так, П.И. Пучков отмечает, что наивысшим достижением дореволюционной тематической картографии в России является «Атлас Азиатской России», опубликованный Переселенческим управлением в 1914 году. Кроме карт к атласу был приложен обширный текст в трех томах.

Этот атлас включает «Карту распределения населения Азиатской России по вероисповеданиям», выполненный в цвете (масштаб 1: 12 600 000). Области распространения религий на карте соответствуют распределению населения по народностям и обозначены различным цветом. Русское население – христианство (православие) – дано розовым цветом. Этим же цветом обозначено население лютеранского и католического вероисповедания. Отдельно показаны области

распространения православия также среди якут, бурят Иркутской губернии и у минусинских татар. Население киргизской степи и Туркестана – киргизы, сарты, узбеки, казахи, туркмены, а также татары Сибири, – исповедующие ислам, отмечены коричневым цветом. Желтым цветом окрашена область буддизма – это буряты Забайкалья и Иркутской губернии и пришлое китайское население. Север и северо-восток – районы слабого распространения православия среди шаманизма окрашены зеленым с розовым.

«Предшественницей» картографического подразделения Института этнологии и антропологии РАН, которое под руководством П.И. Пучкова и составляло конфессиональные карты, можно считать группу карт народов, организованную в начале 1940-х годов картографом З.Е. Черняковым при Историческом факультете Московского государственного университета. В 1943 г. была организована московская группа картографии Института этнографии, в состав которой была включена и группа карт народов. В институте на ее базе была создана лаборатория этнической статистики и картографии, позже вновь преобразованная в группу этнических карт. Картографическое подразделение института поочередно возглавляли такие видные ученые, как П.И. Кушнер, П.Е. Терлецкий, С.И. Брук и П.И. Пучков¹.

Особенно большую роль в становлении этого подразделения института сыграл С.И. Брук. Именно в годы, когда он возглавлял лабораторию этнической статистики и картографии, составляемые там этнические карты были признаны высшим стандартом в мировой картографии, а отечественные этническая география и этническая демография превратились в четко обозначенные научные дисциплины. В первой половине 1960-х годов лабораторией этнической статистики и картографии было подготовлено два фундаментальных труда, внесших весомый вклад в развитие этнографической науки в нашей стране: монография «Численность и расселение народов мира» (М., 1962) и «Атлас народов мира» (М., 1964).

С 1950-х годов картографическое подразделение института стало регулярно готовить для издания настенные учебные карты народов СССР и плотности населения СССР, с 1960-х годов – настенные учебные карты народов мира, а с 1970-х годов – карты плотности населения мира. В 1968 г. были, кроме того, составлены и изданы этнические карты частей света.

Большое значение имел изданный в 1978 г. теоретический труд «Проблемы этнической географии и этнической картографии» (отв. ред. С.И. Брук). Заметный след в деятельности лаборатории этнической статистики и картографии оставили такие работавшие в ней ученые, как Б.В. Андрианов, М.Я. Берзина, Я.Р. Винников, В.И. Козлов, В.В. Покшишевский. В лаборатории раскрылся талант таких специалистов в области этнической картографии, как Л.С. Винокурова, М.П. Воронкова, К.В. Малинина, А.С. Рапова и С.И. Ягуст.

В 1990 г. лаборатория этнической статистики и картографии была преобразована в отдел этнической демографии и картографии, заведующим которого был назначен П.И. Пучков. В 1998 г. к отделу была присоединена религиоведческая группа и на этой базе создан Центр по изучению религий и этноконфессиональному картографированию во главе с П.И. Пучковым. В 2001 г. Центр был разделен на сектор религиоведения и группу этнической и конфессиональной картографии².

За время работы отдела этнической демографии и картографии, Центра по изучению религий и этноконфессиональному картографированию и группы этнической и кон-

фессиональной картографии, его сотрудники продолжали обеспечивать основную часть потребностей страны в составлении и подготовке к изданию этнических карт. Велась в указанном подразделении и значительная работа по исследованию проблемы соотношения этноса и религии, изучению этнического и конфессионального состава населения мира, изучению христианства и его отдельных направлений и течений, ислама, иудаизма, новых религиозных движений и шаманизма.

Особый импульс был дан развитию конфессионального картографирования, которое в нашей стране многие годы игнорировалось. П.И. Пучковым были составлены первые в нашей стране после 1917 г. карты конфессий России, начало которым было положено картой «Религии народов России», подготовленной для энциклопедии «Народы России» (М., 1994).

В 1995 г. под руководством П.И. Пучкова была издана 4-листная настенная карта «Народы России и сопредельных стран» (масштаб 1:4 000 000), детальнейшим образом характеризующая конфессиональный состав населения нашей страны.

В 2000 г. вышла в свет составленная П.И. Пучковым карта «Религии мира», по своей подробности не имеющая аналогов в мировой картографии. Тогда же был подготовлен к печати уникальный «Атлас населения Российской Федерации», содержащий 54 этнические, конфессиональные, демографические и другие карты. К сожалению, он до сих пор не издан.

В 2004 г. была выпущена составленная под руководством П.И. Пучкова настенная карта «Религии Российской Федерации» (масштаб 1:9 000 000), а через год ее электронную версию разместил портал «Интерфакс-Религия» – крупнейшей средство массовой информации, освещающее религиозную тематику в пределах СНГ.

Последним трудом П.И. Пучкова в этой области стал Атлас культур и религий народов России (первое издание – 2008 год, второе издание – 2010 год), в котором были опубликована уточненная карта религиозного состава населения России и представлен большой текстовый блок с описанием отмеченных на ней религиозных традиций³.

После кончины П.И. Пучкова 27 октября 2008 года работы в области конфессиональной картографии продолжили его ученики.

В 2009 году доцентом МГЛУ Р.А. Силантьевым и главой групп «HitRoadteam» Е.Г. Филатовым была создана первая интерактивная карта всех зарегистрированных религиозных общин России, на которой благодаря новым технологиям удалось нанести более 25 тысяч объектов – храмов, монастырей, мечетей, синагог и храмов других религий с краткой информацией о каждой из них – названием в соответствии с реестром Министерства юстиции и адресом.

В том же году Р.А. Силантьев и Е.Г. Филатов издали первый полностью конфессиональный атлас – «Атлас исламского сообщества России», в котором содержалась максимально полная информация об этническом и религиозном составе исламской общины России, а также ее административно-территориальном делении и краткой истории. На почти 50 картах атласа были нанесены все зарегистрированные в Российской Федерации мусульманские организации и немалая часть незарегистрированных – всего более 5000 объектов. Соавтором этого атласа посмертно стал П.И.Пучков, разработавший саму концепцию таких работ.

В 2010 и 2011 году в свет вышли первый и второй том двухтомного Атласа религий России за авторством Р.А.Силантьева и Е.Г.

Филатова, в котором были отмечены почти все зарегистрированные в России религиозные организации – около 20 000 объектов. Особенностью этого атласа стало большое число врезок с картами отдельных населенных пунктов (свыше ста), значительное число условных обозначений, обширный текстовый блок, в котором приводятся сведения о наиболее значимых централизованных религиозных организациях России.

В настоящее время начата работа над Атласом Русской Православной Церкви, в котором будут указаны все храмы, монастыри и иные объекты Московского Патриархата в пределах России и за рубежом.

В настоящее время конфессиональная картография динамично развивается. Новейшее программное обеспечение интерактивных карт позволяет указывать на них не только точные географические координаты храмов, но и размещать их фотографии вкупе с подробной справочной информацией. Точное позиционирование храмов на электронных картах позволяет легко переносить их на бумажные носители, оперативно составляя карты по отраслевому или региональному признаку. Имеющиеся конфессиональные карты и атласы уже могут стать основой для дальнейших научных исследований.

Атласы и карты, рекомендуемые автором

1. Атлас религий России (в соавторстве с Е.Г.Филатовым). – М., 2010. 70 п.л.
2. Атлас исламского сообщества России (в соавторстве с П.И.Пучковым и Е.Г.Филатовым). – М., 2009. 18 п.л.
3. Атлас культур и религий. Раздел «Ислам». – М., 2007. 0,5 п.л. (общий объем атласа – 20,8 п.л.). Второе издание. – М., 2009.
4. Интерактивная карта всех религиозных общин России (доступна к просмотру на портале «Интерфакс-Религия» www.interfax-religion.ru). – М., 2009. http://old.iea.ras.ru/structure/cartography_group.html

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Е.С. Гусева (Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ПОДМОСКОВЬЯ ЗА 20 ЛЕТ РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ¹

Guseva E.S.

RURAL AREAS FUNCTIONS TRANSFORMATION WITHIN THE MOSCOW REGION DURING LAST 20 YEARS

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности развития традиционных сельских функций (сельское хозяйство, рекреация, природоохранная и селитебная функции) в сельской местности Московской агломерации. На основе ключевого исследования в Ступинском районе Московской области дается характеристика структурных изменений перечисленных функций и выделяются факторы этого процесса.*

***Abstract.** The article examines the peculiarities of rural areas functions transformation within Moscow agglomeration. Following functions are analyzed: agriculture, recreation, nature reserve and housing. Structural transformation and driving factors are revealed based on Stupino municipality case study.*

***Ключевые слова:** сельская местность, Московская агломерация, функциональный подход.*

***Key words:** rural areas, the Moscow agglomeration, functions' transformation.*

Социально-экономические процессы, происходящие в пределах Московской агломерации, не раз становились объектом исследования географов [3, 9, 11]. Сельская местность Подмосковья как самостоятельный объект исследования менее изучена, но и её изменения также нашли отражение в ряде работ [4, 5, 12]. Процессы последних лет – интенсивная субурбанизация [6, 14], конфликты землепользователей, трансформация естественных ландшафтов – формируют повышенный интерес к проблеме сельских территорий, но вместе с тем высокая концентрация объектов и явлений осложняет изучение сельской местности.

Один из наиболее распространённых подходов к изучению сельской местности – функциональный. Функции места можно определить как процессы, происходящие внутри элемента системы, обеспечивающие его связь со «внележащими» данностями (другими элементами той же территориальной системы, элементами других территориальных систем), влияющие на формирование, сохранение или трансформацию территориальной структуры системы. Сово-

купность функций места формирует функциональную организацию территории.

Функции места, характерные для сельских территорий в составе агломерации, несколько отличаются от стандартного набора функций, определяющих сельскую местность. В работах С.А. Ковалева [7] и А.И. Алексева [1] были определены традиционные функции сельской местности, которые включают: производство сельскохозяйственной продукции и частично ее переработку; лесное хозяйство и заготовку леса; промысловую охоту и рыболовство; добывающую и обрабатывающую промышленность небольших масштабов; эксплуатацию транспортных коридоров; рекреацию; природоохранную (экологическую) и «воспроизводительную» функции.

Все указанные функции сельской местности выделяются и сегодня, отдельные из них значительно трансформируются, также появляются новые функции, ранее для сельской местности не свойственные.

К примеру, функции «промышленное производство» и «эксплуатация транспортных коридоров» значительно меняются по

¹ Исследования поддержаны грантом РФФИ 10-06-00278-а.

своему содержанию. В сельской местности возникает всё большее число объектов, которые никак не связаны с данной сельской территорией, а являются своего рода «выплесками» близлежащих городов. Сельская местность активно индустриализуется: увеличивается доля промышленности в структуре местного валового продукта, растёт роль индустриального сектора в сфере занятости местных сельских жителей. Хотя в пригородной зоне Москвы, как и любого другого крупного города, данный процесс имел место и ранее, сегодня масштабы наполнения сельской местности несельскими функциями интенсифицировались.

На территории современной Московской области промысловая охота и рыболовство в самостоятельном виде практически не встречаются, оба этих вида деятельности входят в состав рекреации. Собственно рекреация включает в себя несколько разнообразных направлений, среди которых доминирует отдых на собственных или арендуемых земельных участках (сады, огороды, дачи, арендуемые дома в сельской местности), менее развитым и утратившим свои позиции с советского времени является организованная рекреация (санатории, дома отдыха, пансионаты, т.д.).

В данном исследовании демографические аспекты функционирования сельской местности не рассматриваются. Поэтому в рамках «воспроизводственной функции» исследуется лишь селитебная функция [1], которая является внешней по отношению к местным жителям и определяет процессы субурбанизации в регионе.

Выявление закономерностей трансформации функций сельской местности Московской области на современном этапе развития региона является важной задачей для понимания природы многочисленных конфликтов функций и выявления механизмов их решения. Целью данной работы является выявление территориальных закономерностей трансформации функций в сельской местности Московской агломерации на внутрирегиональном и внутрирайонном уровнях за двадцатилетний период рыночных преобразований.

Основой для статьи послужили статистические материалы и результаты полевых наблюдений автора. Были использованы статистические данные по Московской области, в целом по муниципальным образованиям и

отдельно по городам области за 1991, 2009, 2010 гг. Источниками информации стали комплексные и отраслевые работы по исследованию Московского столичного региона [16, 11]. Были проанализированы материалы программ по развитию Московской области [15] и региональные законы [13].

Материалы полевого этапа исследования были получены в ходе практики студентов кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в Ступинском районе в июне 2010 г., а также в результате поездок автора летом 2011 г. в ряд районов Московской области. Пример муниципалитета-ключа (Ступинского района) необходим для понимания особенностей структурных изменений рассматриваемых функций, а также для выявления основных факторов этого процесса. Ступинский район располагается в южном векторе Подмоскovie, среди районов третьего, полупериферийного пояса агломерации, где сталкиваются как традиционные сельские функции, вытесняемые на полупериферию, так и новые, расширяющие свое влияние все дальше от центра агломерации.

Численность населения муниципалитета составляет 119,4 тыс. чел. На территории района располагается лишь один крупный центр – г. Ступино (67 тыс. чел.). Южной границей района является река Ока. Она же разделяет города Ступино и Каширу (Каширский район), формирующих агломерацию второго порядка в рамках Московской агломерации [10]. Анализ трансформации сельских территорий Ступинский района, характеризующего как типичными, так и нестандартными для районов Подмоскovie чертами (табл. 1), позволяет выявить вариативность трансформаций сельской местности в зависимости от локальных особенностей муниципалитетов.

Для анализа трансформации функций были отобраны четыре традиционные для сельской местности функции: производство сельскохозяйственной продукции; рекреация; природоохранная и селитебная функции. Для каждой функции был найден индикатор, который максимально полно отражает уровень её развития на территории.

В связи со специализацией муниципалитетов на производстве разных видов сельскохозяйственной продукции, для оценки сельскохозяйственной функции был введен индекс аграрного производства. Он вклю-

Таблица 1

Типичные и индивидуальные черты развития Ступинского района

Типичные черты муниципалитета третьего пояса Подмосковья	Уникальные черты Ступинского района
<p>Значительный накопленный промышленный потенциал. Сравнительно высокая инвестиционная привлекательность.</p> <p><i>Район является лидером региона по объему промышленного производства (в 2009 г.), одним из лидеров по уровню инвестиций на душу населения. В пределах Ступино-Каширской агломерации за 1990-2010 гг. сформировался крупный кластер пищевой и строительной индустрии. Подобная ситуация связана с историей развития в 1990-е гг., когда администрация Ступинского района сумела первой среди муниципалитетов области привлечь значительные иностранные инвестиции и разместить на своей территории предприятие компании MAPC.</i></p>	<p>Своеобразная «промышленная ориентация» руководства муниципалитета.</p> <p><i>Привлечение инвестиций в промышленность района является основным направлением деятельности администрации, в то же время развитие «классических» отраслей сельской местности (сельского хозяйства, рекреации) осуществляется по остаточному принципу.</i></p>
<p>Высокая плотность инфраструктурного освоения. Благоприятное ЭГП района.</p> <p><i>Район насыщен различными транспортными осями. Они же выступают в качестве основных пространственных осей: ось север-юг – Каширское шоссе и Московская железная дорога Павелецкого направления; ось запад-восток – магистраль А-108 (т.н. «бетонка»). Близость к аэропорту Домодедово стала стимулом развития логистического комплекса района.</i></p>	<p>Большая по протяженности территория района, в результате чуть заниженная, по сравнению со средней по области, плотность освоения.</p> <p><i>Плотность сельского населения в Ступинском районе составляет 22 чел. на кв. км против 28 по области. Доля городского населения также значительно ниже средней по области и составляет 71% (80% в области).</i></p>
<p>Наличие агломерации второго порядка на территории района.</p> <p><i>В зоне влияния Ступино-Каширской агломерации второго порядка формируется собственная интенсивная зона землепользования, связанная с высокими темпами развития агломерации за рассматриваемые годы.</i></p>	<p>Наличие на территории района особых природных объектов – р. Оки и территории, граничащей с Приокско-Террасным заповедником (расположенным в соседнем Серпуховском районе).</p> <p><i>Подобное положение способствует интенсификации развития природоохранной функции, что уже нашло отражение в градостроительных документах района и поселений.</i></p>

чает в себя показатели производства шести основных категорий аграрной продукции: валовое производство зерновых, овощей и картофеля, мяса, молока и яиц. По всем рай-

онам области было рассчитано шесть нормированных значений – для каждого показателя сельскохозяйственного производства – по формуле:

$$P_{norm} = \frac{(P_i - P_{min})}{(P_{max} - P_{min})}$$

где P_{norm} – нормированное значение рассчитываемого показателя, P_i – значение в данном районе, P_{min} – минимальное значение среди значений всех районов, P_{max} – максимальное значение среди значений всех районов.

Далее для каждого района рассчитывалось среднее арифметическое значение нормированных показателей.

Уровень развития селитебной функции оценивался через показатель ввода жилья на

одного человека в муниципальных образованиях области, рассчитанный с вычетом значения ввода жилья по городам. В результате показатель включает в себя ввод жилья по сельской местности и пгт. Превышение удельного пока-

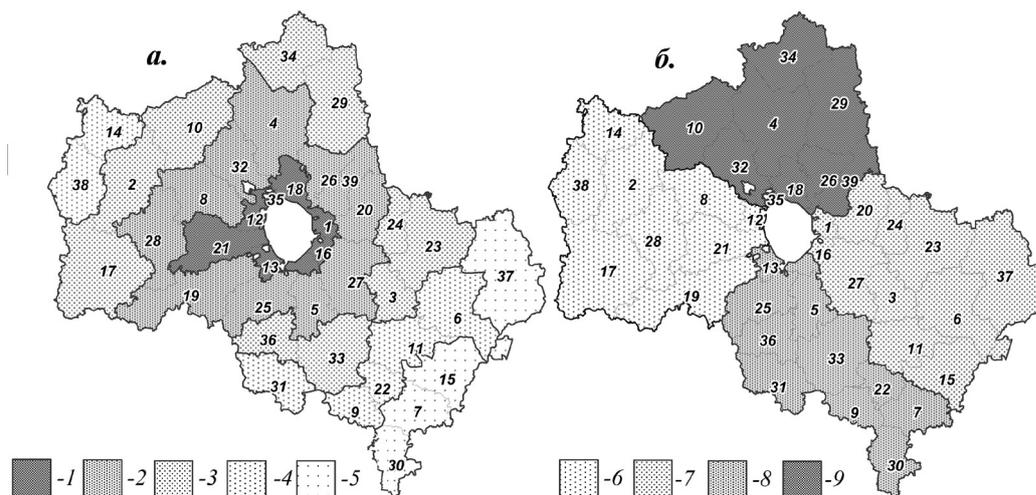

Рис. 1. Группировка районов Московской области по поясам удаленности и географическим секторам

На карте обозначены: а – пояса агломерации: 1 – ближайший, 2 – ближний, 3 – средний, 4 – дальний, 5 – удаленный юго-восточный; б – сектора агломерации: 6 – западный, 7 – восточный, 8 – южный, 9 – северный

Здесь и далее цифрами на карте обозначены районы: 1 Балашихинский (ГО Балашиха), 2 Волоколамский, 3 Воскресенский, 4 Дмитровский, 5 Домодедовский (ГО Домодедово), 6 Егорьевский, 7 Зарайский, 8 Истринский, 9 Каширский, 10 Клинский, 11 Коломенский, 12 Красногорский, 13 Ленинский, 14 Лотошинский, 15 Луховицкий, 16 Люберецкий, 17 Можайский, 18 Мытищинский, 19 Нарофоминский, 20 Ногинский, 21 Одинцовский, 22 Озерский, 23 Орехово-Зуевский, 24 Павлово-Посадский, 25 Подольский, 26 Пушкинский, 27 Раменский, 28 Рузский, 29 Сергиево-Посадский, 30 Серебряно-Прудский, 31 Серпуховской, 32 Солнечногорский, 33 Ступинский, 34 Талдомский, 35 Химкинский (ГО Химки), 36 Чеховский, 37 Шатурский, 38 Шаховской, 39 Щелковский

Источник: [9]

зателя ввода жилья над средним по области о внешней ориентации этой функции.

Для рекреации индикатором стала плотность мест в объектах рекреации на 1 кв. км, для природоохранной функции – доля ООПТ (особо охраняемых природных территорий) в общей площади муниципального образования. Предполагается, что обе эти функции, несмотря на юридическую привязку отдельных предприятий, преимущественно размещаются в сельской местности.

Во всех случаях индикатор рассчитывался в целом для районов, включая города, расположенные на их территории. Все индикаторы были посчитаны для 1991 и 2009 гг. (исключение составляет рекреация, данные по которой были доступны лишь на 1984 и 2004 гг.).

Анализ пространственного размещения функций осуществлялся по поясам и секторам Московской агломерации (рис. 1). Подобный подход к пространственному зонированию территории Подмосковья регулярно используется при изучении Московского региона [9].

Результаты исследования. Рассмотрим пространственные различия в развитии отдельных функций на территории сельской местности Подмосковья и их особенности на территории Ступинского района.

Сельскохозяйственная функция. Значительные преобразования произошли в сфере сельскохозяйственного производства.

Изменения коснулись как количества муниципалитетов-лидеров и их пространственного положения, так и величины разрыва между лучшими и худшими. В 1991 г. в области имелось большое число мощных сельскохозяйственных районов. Наиболее сильные располагались частично в первом поясе, большая часть их приходилась на второй пояс с клином в третий пояс на юго-востоке – в зону наиболее плодородных почв Подмосковья (рис. 2).

Наименьшими показателями характеризовались ближайшие к Москве и восточные и северо-восточные муниципалитеты. Разрыв между наиболее сильным и слабым районом составлял 70%.

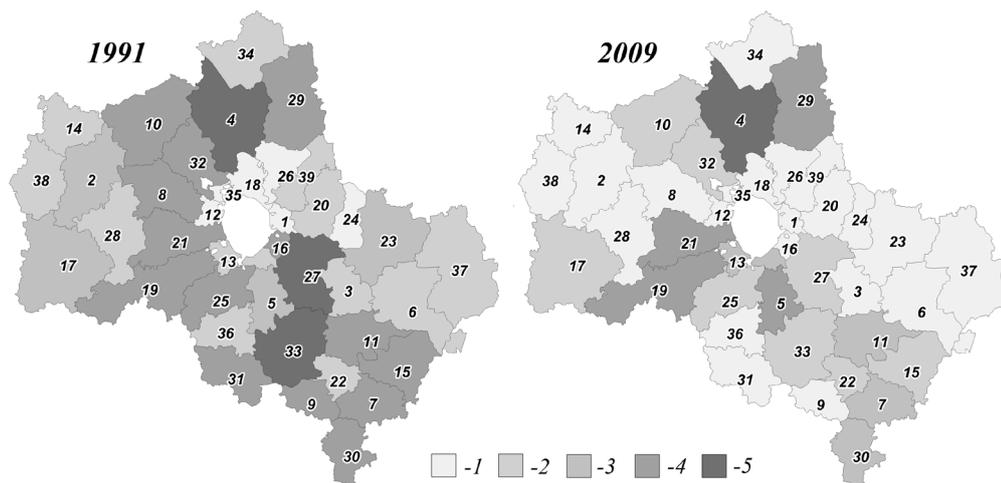

Рис. 2. Динамика индекса аграрного производства по муниципалитетам Московской области

На карте обозначены следующие диапазоны индекса: 1 – 0,0-0,15, 2 – 0,16-0,25, 3 – 0,26-0,30, 4 – 0,31-0,45, 5 – свыше 0,46

Источник: данные ГКС, 1991, 2009 гг., расчеты автора

С 1991 по 2009 гг. в целом по области произошло снижение всех основных сельскохозяйственных показателей: производство молока и мяса сократилось на 40% и 55% соответственно, яиц – на 87%, валовой сбор зерновых снизился на 55%. В то же время, произошел рост производства овощей и картофеля, на 2% и 35% соответственно.

Существенные изменения коснулись пространственного размещения аграрного производства. Резко сократилось число лидеров. Лишь один район, помимо ряда лидеров 1991 г., был включен в их состав – ГО (городской округ) Домодедово. В абсолютном большинстве муниципалитетов области произошло снижение индекса. Муниципалитеты-аутсайдеры преимущественно располагались в ближайшем к Москве поясе и в составе восточного сектора области. Сократился разрыв между сильнейшими и слабейшими, в 2009 г. он составил 47%.

За последние 20 лет в ближайшем к Москве поясе муниципалитетов значительно ослабла сельскохозяйственная функция. Сохранившийся у первого пояса индекс 0,12 во многом обусловлен объемом производства в Одинцовском районе, который по своим характеристикам выходит за пределы своего пояса (табл. 2). На фоне общего снижения производства сохранилась и усилилась ведущая роль второго пояса. Пятый пояс, в пер-

вую очередь за счет наиболее благоприятных природных условий, также повысил свою роль в сельскохозяйственном производстве области. Наибольшее снижение показателей производства наблюдается в четвертом поясе.

Среди секторов области, опять же на фоне общего снижения производства, максимальное сокращение произошло в восточном векторе, наибольший рост – в северном. Доля в аграрном производстве области муниципалитетов и запада, и юга несколько возросла, причем запада в большей степени.

Значение сельскохозяйственной функции как внешней функции сельской местности муниципалитетов области снизилось. В наибольшей степени сокращение роли сельского хозяйства характерно для ближайших к Москве и особенно восточных муниципалитетов. Существенный рост роли аграрной функции характерен для второго и пятого поясов, а также для северного сектора муниципалитетов.

Интересен пример Ступинского района. Рассматриваемый муниципалитет в 1991 г. входил в число сельскохозяйственных лидеров области, но на протяжении 1990–2009 гг. в районе произошло значительное снижение объемов производства всех основных сельскохозяйственных культур, кроме овощей.

В наибольшей степени кризис затронул молочное скотоводство. Масштабы падения объемов сельскохозяйственного про-

Динамика индексов развития функций сельской местности по поясам и секторам агломерации

	Индекс аграрного производства		Плотность объектов рекреации, мест/кв.км		Ввод жилья в сельской местности, м ² /чел	
	1991	2009	1984	2004	1991	2009
Пояса						
Первый	0,24	0,12	90,1	24,0	0,46	8,10
Второй	0,32	0,19	26,1	5,9	0,21	2,18
Третий	0,27	0,14	7,0	1,7	0,22	1,30
Четвер- тый	0,28	0,12	3,8	2,0	0,29	0,80
Пятый	0,35	0,22	1,6	0,7	0,18	0,84
Сектора	1991	2009	1984	2004	1991	2009
Север	0,24	0,18	35,1	10,2	0,31	2,45
Юг	0,34	0,19	14,2	3,8	0,24	2,71
Запад	0,26	0,16	21,3	4,8	0,30	2,56
Восток	0,31	0,10	20,0	4,8	0,23	1,93

Источники: данные ГКС, 1991, 2009 г., база данных по городам России, 1991 г. [15, 16], расчеты автора

изводства были «смягчены» ростом производительности, в первую очередь в том же молочном скотоводстве. Темпы роста производительности в области опережают темпы района, но незначительно (прирост производительности в области составил 36% против 14% в районе), что подтверждает полупериферийность района в составе агломерации. Единственной отраслью, характеризующейся положительным приростом площади засеваемых площадей, является овощеводство. В то же время урожайность в отрасли снизилась, что говорит об общем упадке сельского хозяйства и АПК.

На развитие сельского хозяйства в Ступинском районе оказали влияние как общие факторы, действующие по всей области, так и локальные. Общие факторы, которые способствовали сокращению производства – кризис сельского хозяйства в постсоветский период (в том числе «ведомственный» кризис, связанный с разрушением связей между сельхоз предприятиями и предприятиями-шефами, расположенными в городах) и высокая конкуренция со стороны остальных видов землепользования. Факторы, которые способствовали сохранению производства – высокий и постоянный потребительский спрос, а также личностный фактор (приоритеты деятельности руководителей сельхоз предприятий). В Ступинском районе к

перечисленным факторам добавились природные особенности (пойма р. Оки), наличие которой способствовало интенсификации овощеводства. Затрудняет современное развитие сельского хозяйства своеобразная «промышленная» ориентация администрации муниципалитета – большая нацеленность на получение инвестиций в сфере промышленности и логистики, чем в сфере сельского хозяйства.

В результате, в переходный период стала более выраженной сельскохозяйственная специализация района. Возросла доля овощеводства, увеличилась роль района в областном производстве молока, но при этом не сократилась доля района в других производствах других видов продукции, что говорит об усилении позиций сельского хозяйства Ступинского района.

На локальном уровне формируется следующая пространственная картина трансформации сельскохозяйственной функции: происходит «вымывание» сельского хозяйства вдоль центральной транспортной оси в результате конкуренции с другими видами землепользования; в то же время формируется южный очаг роста сельского хозяйства – пойма р. Оки; на востоке района (полупериферия и периферия) сельское хозяйство интенсивно развивается, в то время как на западе района наблюдается низкая сельско-

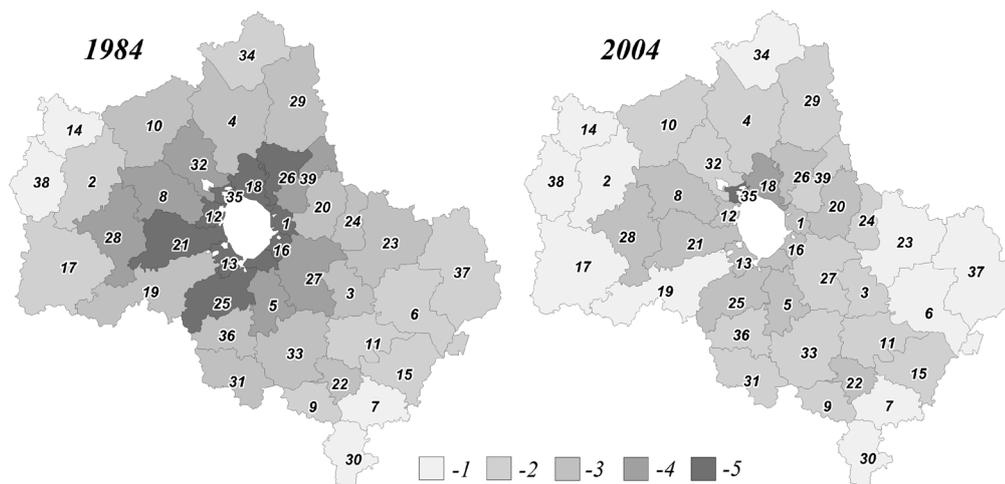

Рис. 3. Обеспеченность рекреационными объектами, мест/кв.км, по муниципалитетам Московской области

На карте обозначены: 1 – 0-1,39 мест/, 2 – 1,4-5 мест/, 3 – 5,1-20 мест/, 4 – 21-30 мест/, 5 – свыше 30 мест/
Источник: [15, 16]

хозяйственная освоенность и достаточно высокие темпы падения производства.

Рекреационная функция. Схожая с динамикой сельскохозяйственной функции ситуация наблюдается в рекреационном комплексе области. В целом по отрасли с 1984 по 2004 г. фиксируется снижение на 74% рассматриваемого показателя – плотности мест в рекреационных предприятиях на 1 кв. км. Все муниципалитеты, за исключением Коломенского района (показатель в котором вырос на 9%) также испытали значительное сокращение присутствия рекреационной функции.

В 1984 г. очень существенным был разрыв между муниципалитетами-лидерами и аутсайдерами – разница в обеспеченности составляла более 100 раз. Абсолютными лидерами по обеспеченности были муниципалитеты первого пояса, а также ряд районов второго и даже третьего поясов (рис. 3).

С удалением от центра убывала и обеспеченность рекреационными объектами – минимальные показатели сплошь приходились на районы четвертого и пятого поясов. Четко прослеживалась неоднородность по векторам – наиболее развита рекреационная функция была в районах севера области, наименее – в районах юга, примерно одинаково – на востоке и западе области.

В 2004 г., на фоне общего снижения показателя, список лидеров в целом сохранил-

ся (рис. 3). Список аутсайдеров (с обеспеченностью менее 2 мест/кв.км) расширился – к районам преимущественно четвертого и пятого поясов добавились также муниципалитеты третьего пояса. В то же время, муниципалитеты четвертого и пятого поясов в максимальной степени сохранили обеспеченность рекреационными объектами на уровне 1984 г. За счет значительного снижения показателей аутсайдеров разрыв между муниципалитетами не сократился, а даже увеличился.

Территориальная структура рекреационного комплекса не претерпела кардинальных изменений: доминирующая роль первого пояса муниципалитетов сохранилась, произошло небольшое снижение роли второго пояса, положение четвертого и пятого ненамного улучшилось. Среди секторов области ещё больше возросла роль северного вектора, ухудшилось положение востока и запада, южный вектор остался аутсайдером.

В Ступинском районе рекреация получила несколько иное развитие, чем в целом по муниципалитетам третьего пояса. Природные особенности района, как река Ока, близость к Приокско-Террасному заповеднику, способствовали повышенному интересу к рекреационному комплексу района. С другой стороны, они лимитировали развитие рекреации из-за ограничений на землепользование в водоохранной зоне р. Оки и охранной зоне

заповедника, а также в связи с высокой конкуренцией в пределах поймы Оки с сельским хозяйством.

В 1980-е гг. Ступинский район характеризовался развитой сетью рекреационных предприятий. Большая часть объектов рекреации (26 из 32) приходилась на городское поселение Ступино и сельское поселение Семеновское – то есть на зону влияния Ступино-Каширской агломерации и экологически благоприятную западную часть района. Сегодня около половины объектов не функционирует, максимальное сокращение плотности рекреационных объектов пришлось на южную и западную части района. Часть предприятий со сменой собственника изменили свою специализацию, сократив количество мест и перейдя в более высокий ценовой сегмент предложения.

В Московской области сокращению сети рекреационных предприятий способствовало нарушение связей между предприятиями-собственниками и подшефными им объектами рекреации и резкое сокращение спроса на услуги организованной рекреации в 1991–2000 гг. Сегодня возрастающий спрос способствует восстановлению сети. В Ступинском районе специфическим стимулом восстановления стало особое географическое положение, однако удаленность от Москвы сдерживает активное развитие организованной рекреации.

В итоге, несмотря на сокращение количества предприятий, сохранилась ориентация рекреации на южные и западные части муниципалитета. На локальном уровне в наилучшем положении оказались объекты рекреации, расположенные вблизи главных транспортных путей или в непосредственной близости к г. Ступино.

Природоохранная функция сельской местности имеет важнейшее экологическое значение для крупной городской агломерации. На сегодняшний день площадь ООПТ составляет 5,5% от общей территории Московской области. На территории региона функционирует три ООПТ федерального значения, 155 государственных природных заказников и 73 памятника природы.

До 1990 г были организованы 89% ООПТ (по площади), функционирующих на территории Московской области. К 1990 г. в наибольшей степени экологическая функция была характерна для Можайского, Лотошин-

ского и Шатурского районов – в этих районах площадь ООПТ формировала свыше 50% территории, свыше 10% приходилось на ООПТ в Балашихинском, Клинском и Рузском районах. Подобная картина связана с размещением крупнейших ООПТ области – национальных парков «Лосиный остров» и «Завидово». Крупные ООПТ располагаются в ряде районов третьего и четвертого поясов области. ООПТ отсутствуют в ГО Домодедово и Химки, Люберецком и Каширском районах. Имеет место рост роли природоохранной функции при движении от центра к периферии. При этом наблюдается секторная неоднородность: в северных и южных муниципалитетах области размещается существенно меньше ООПТ, чем в западных и восточных.

В 1990 г. был создан ряд новых природоохранных территорий. Большая их часть была организована в третьем и втором поясах, в первом поясе не было создано ни одного ООПТ. 50% всех созданных ООПТ пришлось на северную часть Московской области, по 20% на восток и запад. Но ввиду незначительной площади новых ООПТ география природоохранной функции сельской местности Подмосковья за период 1991–2009 гг. практически не трансформировалась. Сохранился и несколько усилился центр-периферийный градиент – площадь ООПТ возрастает при движении на периферию. Второй пояс остается наименее охваченным природоохранной деятельностью.

Ступинский район характеризуется одной из наименьших в области площадью особо охраняемых территорий. В связи с близостью к Приокско-Террасному заповеднику западная часть района исторически является менее освоенной. Сегодня происходит рост интереса со стороны администрации к организации природоохранных зон в рамках этой территории. Уже осуществляется фиксирование данной категории в схеме территориального планирования Ступинского района и генеральных планах поселений. В результате значительные по площади участки западной части района резервируются под природоохранную функцию. Основным фактором этого процесса, так же, как и в области, становится необходимость (пока часто формальная) формирования экологического каркаса области в связи с увеличивающейся нагрузкой на сельскую местность Подмосковья.

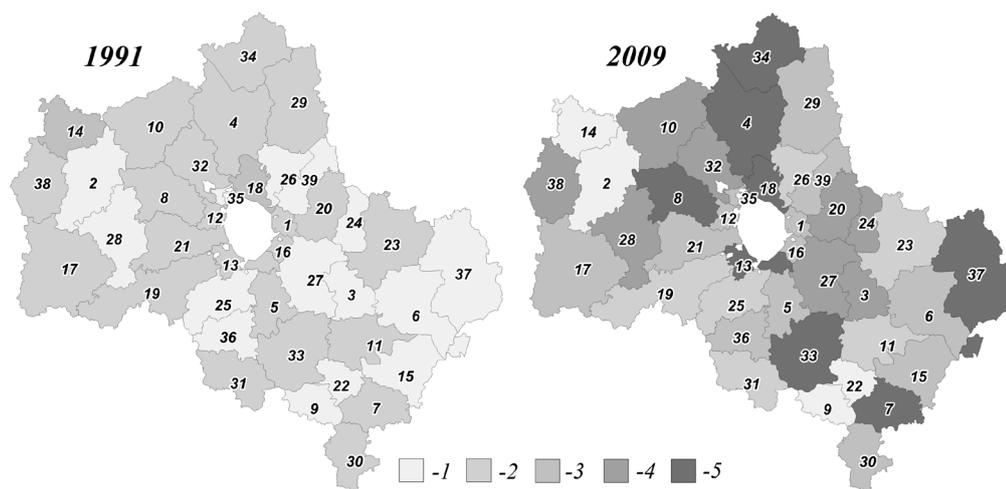

Рис. 4. Ввод жилья в сельской местности и пгт., м²/чел., по муниципалитетам Московской области

На карте обозначены: 1 – 0,1–0,15 м²/чел., 2 – 0,16–0,5 м²/чел., 3 – 0,51–1,2 м²/чел., 4 – 1,21–3 м²/чел., 5 – свыше 3 м²/чел.

Источник: Данные ГКС, 1991, 2009 гг., база данных по городам России, 1991 г.

Селитебная функция сельской местности Подмосковья, в отличие от сельскохозяйственной и рекреационной, развивалась опережающими темпами в 1991–2009 гг. Объем ввода жилья в сельской местности (с учетом пгт) в среднем по области возрос в 9 раз – с 0,24 м²/чел. до 2,2 м²/чел. Помимо количественных показателей, изменилась суть явления – спрос на жилье в сельской местности Подмосковья определяется преимущественно горожанами, часто подобное жилье имеет статус сезонного [8].

В 1991 г. лидером по вводу жилья в сельской местности являлся Мытищинский район (0,71 м²/чел.), помимо него, среди лидеров находились районы всех поясов агломерации (рис. 4). Среди аутсайдеров располагались большинство районов восточного сектора области и удаленные районы других секторов. Разница между худшим и лучшим районом составила 0,7 м²/чел. Внешняя селитебная функция сельской местности в наибольшей степени была характерна для ближнего к Москве пояса, следующим за ним шел четвертый пояс, и лишь потом второй и третий. Среди векторов практически равную роль играли муниципалитеты севера и запада области, восток и юг также характеризовались схожими значениями.

В 1991–2009 гг. резко вырос объем ввода жилья в сельской местности, вместе с

ним увеличилась дифференциация между муниципалитетами: в лидирующем Мытищинском районе было построено 13,4 м²/чел. (2009 г.), в то время как в Серебряно-Прудском лишь 0,08 м²/чел. Среди лидеров по вводу жилья в 2009 г. были все муниципалитеты ближнего пояса, а также районы запада области (рис. 4). По сравнению с 1991 г. лишь в трех муниципалитетах произошло снижение ввода жилья. Изменение рассматриваемого показателя по поясам выстроилось в соответствии с моделью центр-периферия: на первый пояс приходятся максимальные показатели ввода жилья, с каждым следующим поясом показатели скачкообразно уменьшаются. Лишь пятый пояс оказывается впереди четвертого из-за высоких показателей ввода жилья в удаленном Луховицком районе. Среди векторов наименьшие показатели характерны для муниципалитетов востока области, в то время как три остальных сравнительно сопоставимы.

Таким образом, за 1991–2009 гг. существенно трансформировалась география строительства жилья в сельской местности Подмосковья. Усилился центр-периферийный градиент показателя ввода жилья, значение показателя в муниципалитетах первого пояса в сотни раз превышает аналогичный показатель районов остальных поясов. Южное направление стало ли-

дером строительства в сельской местности, обогнав сохраняющие сильные позиции запад и север области. Роль востока ещё больше снизилась.

На примере Ступинского района покажем, что скрывается за показателем строительства жилья в сельской местности. В рассматриваемом муниципалитете, ввиду достаточной удаленности от центра агломерации, организованных коттеджных поселков и схожих с ними объектов мало. Наиболее масштабный проект – новый город «Новое Ступино», с проектной численностью жителей 55 тыс. чел. располагается в 15 км от Ступино, начато строительство первой очереди объектов. В то же время активно развивается дачное строительство. В ряде случаев оно осуществляется в рамках проектов строительства ИЖС, поэтому разделить данные категории зачастую невозможно. Большая часть нового жилого строительства сконцентрирована вблизи крупных центров и в пределах зоны «Каширское шоссе – железная дорога». Новое дачное строительство преимущественно концентрируется в наименее освоенных прочими видами землепользования частях района – на севере района, северо-востоке и западе. Главный фактор, способствующий развитию селитбы и в области, и в районе – высокий спрос на постоянное и сезонное загородное жилье со стороны все возрастающего городского населения.

Рассмотренные выше функции имели разнонаправленные тенденции развития в 1990–2009 гг. Трансформация функций в муниципалитетах первого пояса оказывается наиболее динамичной – активно снижается роль аграрной и природоохранной функций и возрастает значение селитбной и рекреационной функций. В то же время постоянно растет нагрузка на второй и частично третий пояс, куда переносится основное функционирование сельского хозяйства и где начинает развиваться строительство жилья и восстанавливается рекреационная функция. Вместе с тем, природоохранная функция в указанных поясах представлена сравнительно слабо. В четвертом поясе её значение возрастает, прочие функции представлены в меньшей степени. В пятом поясе, ввиду специфических природных условий, интенсивно развивается сельское хозяйство, несмотря на удаленность муниципалитетов пояса от центра агломерации. Среди векторов

наиболее осваиваемым является северный: все рассмотренные функции здесь развивались динамично. Деградирующим является восток – здесь произошло снижение роли всех рассмотренных функций.

В Ступинском районе также происходит изменение функций территории. В наибольшей степени в процесс трансформации вовлечено сельское хозяйство. Подтверждением этого является статистика смены категорий земель в районе: в 2010 г. из всех запросов по смене категории земли или изменению разрешенного вида землепользования 92% операций приходилось на перевод сельскохозяйственных земель в другую категорию или изменение землепользования с сельского хозяйства на дачное строительство. Из всех этих операций 48% пришлось на ИЖС (индивидуальное жилое строительство), ещё 11% – на дачное строительство, 26% – для строительства промышленных и логистических объектов и 6% резервируется для рекреации и создания ООПТ. Земли под ИЖС располагаются преимущественно вблизи крупных транспортных магистралей. Тот же принцип наблюдается при размещении промышленности и логистики. Отдельно необходимо упомянуть особо охраняемые земли. Наряду с западом, периферийная часть востока района также значительно вовлечена в создание ООПТ. Происходит нарастание эффективности использования территории вдоль центральной оси развития (главных транспортных магистралей) и одновременное консервирование территории на периферии (востоке и западе).

Факторы трансформации функций сельской местности в Ступинском районе и схожи, и отличаются от закономерностей области в целом (табл. 3).

В Московской агломерации происходит вытеснение, часто конфликтное, «традиционных» функций сельской местности из первого и второго поясов области в третий и отчасти четвертый (то есть в полупериферию), особенно интенсивно вдоль основных лучей развития. В местах контакта «уходящих» и «развивающихся» функций, то есть в пределах второго и третьего пояса, нарастает конфликтность землепользования. На периферии формируется иная проблема: вытесняемые функции до окраин Московской области пока «не доходят» и на фоне общего упадка традиционных для сельской

*Современные факторы трансформации сельской местности
в Московской области и Ступинском районе*

Общие для области факторы трансформации сельской местности (действуют и в Ступинском районе)	Индивидуальные факторы, действующие на процессы в сельской местности Ступинского района
<i>Способствуют деградации традиционных сельских функций</i>	
Свободный рынок земли, в результате высокая конкуренция за землю, в которой традиционные сельские функции проигрывают	Своеобразная «промышленная ориентация» процесса принятия решений администрацией района замедляет процесс восстановления сельского хозяйства
Возрастающий спрос на постоянное и сезонное загородное жилье со стороны городских жителей	
<i>Способствуют росту традиционных сельских функций</i>	
Постоянный потребительский спрос на продукцию сельского хозяйства, востребованность организованной рекреации	Особые природные особенности района (пойма Оки, близость к ООПТ Приокско-Террасный заповедник) – способствуют развитию рекреации, природоохранной функции
Необходимость формирования экологического каркаса территории	Удаленность от центра агломерации пока сдерживает процессы трансформации сельской местности

местности функций происходит деградация удаленных муниципалитетов. Исключением являются районы юго-востока области с благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства.

В Ступинском районе находят отражение процессы, характерные в целом для агломерации, в частности:

- сокращение роли сельского хозяйства в сельской местности и локализация его в отдельных точках
- усиление нагрузки на сельскую местность и на транспортную и социальную инфраструктуру в связи с ростом рекреационного использования территории, чаще всего несанкционированным
- активное внедрение новых, ранее для сельской местности нехарактерных функций – промышленного производства и транспортно-логистической функции.

Вместе с тем, для сельской местности Ступинского района характерны черты трансформации сельских функций в пределах территорий третьего и отчасти второго поясов агломерации. В частности, здесь наблюдается более высокий уровень восстановления сельского хозяйства, чем в среднем по области, а также сравнительно высокая активность строительства сезонного и постоянного жилья, особенно в сравнении с более удаленными территориями.

Но к типичным процессам в сельской местности добавляются специфические,

обусловленные особенностями природы и исторического развития Ступинского района. Во-первых, необходимость охраны природного комплекса р. Оки находит свое отражение в разрабатываемой СТП Ступинского городского поселения, а также в СТП района. Во-вторых, значительная протяженность территории обуславливает формирование обширных периферийных зон в разных частях района, часть из которых (запад) характеризуется оттоком сельского населения и отсутствием новых эффективных видов землепользования, в то время как часть периферии оказывается благоприятной для развития сельского хозяйства и сохраняет свой традиционный облик.

В итоге, классические для сельской местности отрасли – сельское хозяйство и рекреация – характеризуются преимущественным трендом деградации на фоне отдельных полюсов роста. Для рекреации подобным полюсом роста стал район Ступино-Каширской агломерации, для сельского хозяйства – полупериферия и периферия восточной части района. Изменяющие сельскую местность сферы (промышленность, логистика и селитьба) – характеризовались положительной динамикой и активным пространственным развитием. Наиболее интенсивно данные отрасли осваивали территорию в пределах центрального транспортного коридора района. В результате увеличилась поляризация в интенсивности освоения центральных и

периферийных частей района. Изменилось функциональное наполнение территории – центральная часть района все дальше отходит от «классической» модели села, в то же время на периферии, как восточной, так и западной, происходит консервация сельской местности, без очевидных перспектив её развития. Подобная картина является в общем виде локальным отображением процессов, имеющих место в Московской агломерации.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Изменение функций сельской местности в староосвоенных регионах // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. – М., 1988. – С. 84–91.
2. Алексеев А.И. Многоликая деревня. – М.: Мысль, 1990.
3. Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. – Смоленск: Ойкумена, 2003.
4. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Квази-туненский ландшафт в регионах России // Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве. – М.: ИГРАН, Межд. Академия рег. развития и сотрун., 2001. – С. 104–114.
5. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г., Рунова Т.Г. Интенсификация сельского хозяйства на Европейской территории СССР // Известия АН СССР. Сер. геогр. – 1988. – № 5. – С. 5–15.
6. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. – 2009. – №4–5 (25). – С. 42–54.
7. Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
8. Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2006. – № 2. – С. 29–34.
9. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.
10. Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Агломерации второго порядка в Московском столичном регионе: развитие, границы, взаимосвязи // Вопросы географии. Сб. 131. – М.: Мысль, 1988. – С. 56–63.
11. Московский столичный регион: взаимодействие структурных элементов. Под ред. О.А. Кибальчич, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1983.
12. Нефедова Т.Г. Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. – С. 374–399.
13. Решение Мособлисполкома от 13 декабря 1990 г. № 901/35 «Об организации государственных памятников природы и заказников в Московской области».
14. Симагин Ю.А. Современный этап субурбанизации в Московском столичном регионе. – М.: НИЦ «Геовектор», 1997.
15. Схема развития туризма и рекреации на территории Московской области, 2005.
16. Территориальная организация отдыха Москвы и Московской области / Отв. ред. В.С. Преображенский. – М.: Наука, 1986.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Proskurina N.V.

GEOCULTURAL ASPECTS IN LEARNING THE NOBLE ESTATES OF THE VORONEZH OBLAST

Аннотация. В статье рассмотрены геокультурные аспекты изучения дворянских усадеб (на примере Воронежской области). Обозначены приоритетные направления исследования. Выявлены особенности и территориальная организация дворянских усадеб Воронежской области.

Abstract. The article deals with geocultural aspects in learning the noble estates (Voronezh Oblast as an example). There have been identified the main directions of the research, discovered specific features and territorial organization of estate culture in the Voronezh Oblast.

Ключевые слова: дворянская усадьба (дворянские усадебные комплексы), усадебная культура, культурные ландшафты, наследие.

Key words: noble estate (noble estate complexes), estate culture, cultural landscape, heritage.

Дворянские усадьбы являются одним из уникальных явлений русской культуры. В течение многих лет они определяли экономическое и социальное развитие страны, влияли на формирование культурных ландшафтов, являлись регионо- и культурообразующими центрами России, сохраняли и преумножали духовное наследие. Для современной России, когда актуальны вопросы патриотического воспитания молодежи, сохранения и использования историко-культурного наследия, развития туристско-рекреационной деятельности, планирования землепользования и строительства и т.д., изучение дворянских усадеб является весьма востребованным.

Как известно, формирование дворянской усадебной культуры в России связано с распространением светской европейской культуры (с конца XVII в.). Россия была знакома с Западной Европой и раньше, в XV–XVI веках, но их взаимоотношения носили лишь характер общения. С XVIII в., в результате усиления государственных взаимосвязей, общение переросло во влияние. Западно-европейская инновационная волна вызвала общесистемную переструктуризацию и поляризацию всего общероссийского геокультурного пространства [16]. В 30-е годы XVIII в. крупными геокультурными центрами распространения светской европейской культуры стали Санкт-Петербург и Москва. Со второй половины XVIII века благодаря развитию региональной печати и издательского дела, средств и путей сообщений свет-

ская культура стала проникать в уездные города и сельскую местность. Этот процесс был связан с формированием новой территориальной единицы – помещичьей усадьбы. До 1861 г. понятия «усадьба помещичья» и «усадьба дворянская» можно считать однозначными, поскольку только дворяне имели право землевладения.

Термин «дворянин» изначально обозначал «благородного человека», стоящего несомненно выше в сословной иерархии, чем представитель любого другого сословия. До середины XVIII в. представители высшего российского сословия именовались «шляхетством». Со второй половины XVIII в. «благородное сословие» стало официально называться дворянством. С 1785 г. всему дворянству были дарованы титул благородства (до Петра I принадлежавший лишь лицам царской фамилии), право иметь герб, владеть землей и крепостными, занимать средние и высшие должности в государственных органах власти и армии и т.п. (Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному дворянству, 1785г.). [17, с.72] В итоге, дворяне трансформировались в привилегированное сословие и стали все равны.

Распространение дворянской усадебной культуры на территории современной Воронежской области стало возможным лишь с середины XVIII в., когда границы русского государства далеко продвинулись на юг, была ликвидирована опасность татарских набегов и регион окончательно потерял свои госу-

дарственные военно-стратегические функции. Формирование дворянских усадебных комплексов (понятия “дворянская усадьба” и “дворянский усадебный комплекс” автор рассматривает как равнозначные) на территории области имело свои особенности.

Дворянская усадьба – это, прежде всего, самостоятельная территориально-поселенческая единица, со своей структурой, функциями, системой внутренних и внешних связей. В центральной России, Русском Черноземье, дворянские усадебные комплексы формировались как особая форма землевладения, получившая известность как “Дворянские гнезда”, “резиденции”.

К середине XVIII в. основную социальную структуру населения края составляли крестьяне. Природно-климатические условия, плодородные земли, леса, реки, близость административного центра (с 1711 г. город Воронеж стал административным центром Азовской губернии, в 1725 Азовская губерния была переименована в Воронежскую) и ряд других факторов создавали благоприятные условия для освоения Черноземного края и привлекали внимание многих землевладельцев.

Крепостническое землевладение в уездах Воронежской губернии особенно расширилось в 1720–1730 гг, после правительственного указа, разрешающего приобретать дворянам земли. Если в начале XVIII в. поместья, размещавшиеся на территории современной Воронежской области, принадлежали представителям 90 дворянских родов, то в 1760 г. в списках владельцев значилось уже 256 дворянских фамилий [17, с. 69]. Появилась совершенно новая форма поселения – “резиденция” землевладельца. На Воронежской земле были «резиденции» графов Бутурлиных – «Бутурлиновка», Воронцовых – «Воронцовка», Ростовичиных – «Анна» и др.

В Воронежской губернии усадьбы образовывались двумя способами. Во-первых, усадьбы формировались в уже существующем сельском поселении (например, Ростовичиных в сельце Анна). В данном случае получившие или купившие земли хозяева видоизменяли уже существующий архитектурно-планировочный облик, ландшафты, социально-экономическое развитие поселения. Некоторые населенные пункты, в результате преобразовательной деятельности землевладельцев, изменили

не только свою хозяйственную специализацию и повлияли на развитие окружающей территории. Так, например, граф А.Г. Орлов – Чесменский в селах Хреновое и Чесменка строит два конных завода, с которых начинается развитие коневодства в Воронежской губернии в целом.

Во-вторых, усадьба устраивалась на новом месте, подходящем для строительства усадебного комплекса, учитывалась возможность устройства прудов, парков, близость леса и прочее, а село формировалось уже при поселении землевладельца (Усадьбы Потаповых в «Семидубравном», Лосевых в Лосево, Репное и др.).

Усадебный комплекс располагался на расстоянии 2–5 верст от деревни и почтового тракта и отделялся полосой естественной растительности, речным руслом или долиной небольшого ручья. Центром усадьбы был дом землевладельца. Господские дома представляли собой просторные (иногда до 3 строений) особняки в стиле раннего классицизма с элементами ампира и барокко. Неподалеку от дома землевладельца располагались службы: дом управляющего, дома работных и дворовых людей, погреб, теплицы. Приусадебный участок включал в себя сад и огород. Здесь же находились хозяйственные строения (иногда производственные), парк с парковыми постройками (прудами, мостиками, беседками). Сельскохозяйственные и лесные угодья «окружали» жилую территорию и их площадь составляла в среднем от двух до шести гектар. В каждом усадебном комплексе, как правило, имелась церковь, куда ходили не только землевладельцы, но и жители окрестных сел и деревень. К въездным воротам в усадьбу от деревни часто вели аллеи длиной 1,5–2 версты. Иногда благоустраивался примыкающий к парку участок естественного леса, тогда общая площадь усадебного комплекса возрастала до десяти и более гектаров.

Общей особенностью размещения дворянских усадеб Воронежской губернии является их тяготение к административному центру – г. Воронежу и уездным городам – Острогожску, Борисоглебску и др. Например, усадьба Тулиновых в древнем Акатово за городской чертой Воронежа, усадьба Станкевичей в г. Острогожске, усадьбы Веневитиновых в Староживотинном, Новоживотинном, Горожанке близ города Воронежа

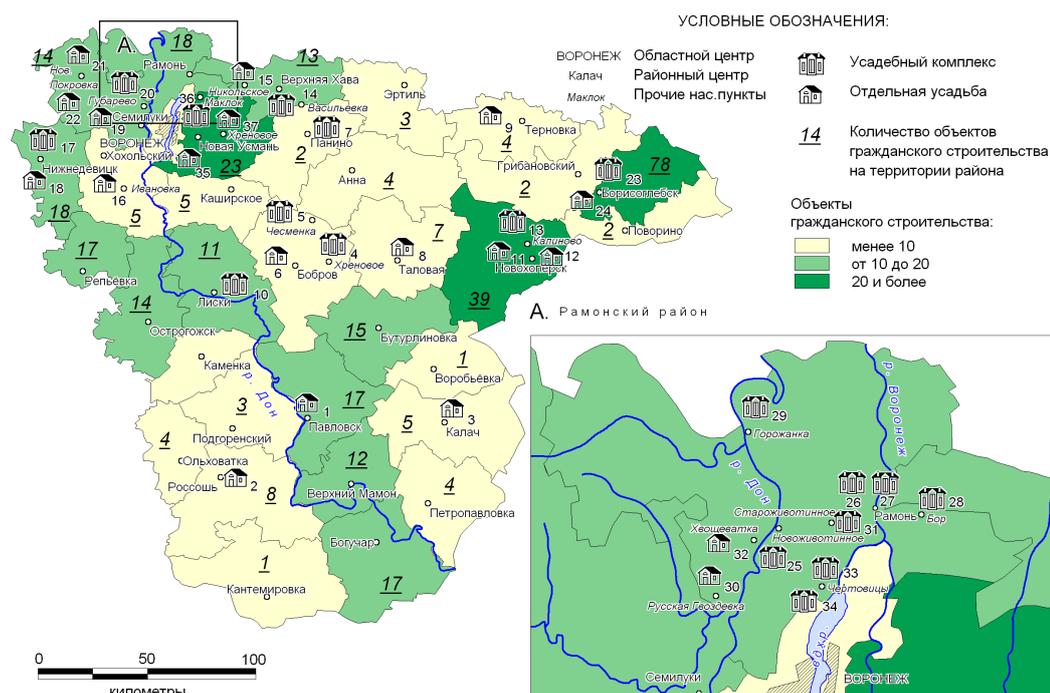

Рис. 1. Дворянские усадьбы на территории современной Воронежской области
(составлено по материалам Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область)

и другие (рис. 1). При территориальном росте близлежащих населенных пунктов к XX столетию многие бывшие помещичьи усадьбы оказались непосредственно на окраинах селений или внутри их застройки.

Дворянские усадьбы Воронежской губернии — это производственно-промышленные центры. История развития большинства дворянских усадеб Воронежского края неразрывно связана с производственной деятельностью, которая повлияла в будущем на общую специализацию региона. Именно в дворянских усадебных комплексах были заложены основы сахарного (с. Ольховатка, п. Нижний Кисляй, с. Садовое, п. Рамонь), маслобойного (п. Анна, п. Каменка, п. Новая Усмань, г. Новохоперск), мукомольного (г. Борисоглебск, г. Бутурлиновка, г. Калач) и других производств современной Воронежской области.

В Российской истории кон. XVIII — нач. XX вв. Воронежский край выделялся своими конными заводами. Устройству заводов способствовали мягкий климат, обилие пастбищных угодий, рек, озер. Многие столичные аристократы конные заводы держали в своих воронежских имениях. В ведомостях частных конных заводов губернии нач. XX в.

значатся имена принцев Ольденбургских, князей Барятинских, Волконских, Воронцовых, Орловых и др. На рубеже XIX–XX вв. на территории современной Воронежской области насчитывалось 186 частных конных заводов [5, с. 57] и большинство из них составляли единое целое с усадьбой владельца.

В пореформенный период дворянские усадьбы пережили трансформацию, приспосабливаясь к новым условиям. Часть из них к кон. XIX в. «консервировалась» в своем развитии (усадьбы в селах Губарево, Терновка, Староживотинное и др.). Большая же часть усадебных комплексов продолжили свое развитие, превратившись в крупные сельскохозяйственные «экономии» края. Это были достаточно высокоразвитые «экономии», в которых, как правило, сельскохозяйственное производство сочеталось с переработкой производственной продукции. Стремясь повысить рентабельность своих хозяйств, многие помещики закупали новые машины, использовали передовые агрохимические методы, основывали в усадьбах промышленные предприятия.

По всей территории Воронежской губернии шло строительство перерабатывающих

промышленных предприятий самой разной мощности: от крупных сахарных заводов (п. Рамонь, с. Ольховатка, с. Садовое), спиртозаводов (г. Бутурлиновка, с. Половцево), винокуренных заводов средней мощности (с. Красное), комплексов паровых мельниц (г. Борисоглебск, г. Новохоперск, с. Терновка), до небольших маслобойных, сыроваренных, крупяных и иных заводов. Так, например, Н.А. Звягинцев в своем имении «Петровское» устроил электростанцию на р. Хопер, кроме этого в усадьбе действовали паровая и водяная мельницы, конный завод. У кн. Барятинского в имении «Анна» за усадьбой вдоль балки с прудом располагались винокуренный завод, маслозавод, кирпичный завод, конный завод, объединенные общей системой дорог, водоснабжения... (Примечание автора* – указан современный статус существующих населенных пунктов (города, поселки), но речь идет о промышленности, которая формировалась именно в усадебных комплексах. Выше уже отмечалось, что в результате роста близлежащих населенных пунктов многие бывшие усадьбы оказались внутри их застройки).

Наиболее образованные и предприимчивые хозяева прилагали усилия к систематическому собиранию и осмыслению, опытной проверке и распространению проверенных личным опытом агрономических знаний. Для этого ими устраивались сельскохозяйственные выставки, частные совещания помещиков и специалистов, издавались книги и журналы агрономического содержания. Продолжением этой деятельности на территории современной Воронежской области являются научно-исследовательские центры. В имении Ольденбургских «Сорокино» были заложены основы опытно-селекционной работы по выведению сортов сахарной свеклы. В 1922 году на территории Сорокинской экономии Рамонского сахарного завода был образован Всероссийский научно-исследовательский институт сахарной свеклы и сахара (ВНИИСС). На территории современного Таловского района области в кон. XIX в. появляется сельскохозяйственная опытная станция В.В. Докучаева. Ее история начинается с 1892 года, когда в Каменной Степи начала работать Особая экспедиция под руководством профессора В.В. Докучаева. Эта экспедиция впервые в России заложила опыт по защите сельскохозяйственных растений от засух.

До настоящего времени на территории региона существуют своеобразные промышленные зоны, и даже поселки, сложившиеся в XVIII–XIX вв. («Анна» кн. Барятинских, «Масловка» и «Петровское» Звягинцевых, «Чертовицкое» гр. Толстых и др.). Эти промышленные территории (производственные корпуса) формировались в стороне от жилого дома. В советское время, когда уничтожались и разворачивались в первую очередь господские дома, эти территории оказались «менее пострадавшими» от новой власти. А во время индустриализации всей страны они даже получили дополнительный импульс экономического развития.

Дворянские усадьбы – это социо-культурные центры. Богатство и знатность крупных землевладельцев привлекали на территорию современной Воронежской области талантливых зодчих, художников, поэтов. Интенсивный приток инновационной культуры, обширное строительство, развитие инфраструктуры региона способствовало формированию собственно-традиционной формы культуры. В создании усадебного мира участвовали и просвещенные заказчики-землевладельцы, и замечательные архитекторы, художники, и крепостные мастера, и вольнонаемные рабочие. «Дворянские гнезда» были результатом общего труда, творческой мысли и, в целом, явились достоянием русской культуры. Это был мир, где преимущество отдавалось ценностям культурного и духовного развития.

Некоторые землевладельцы пытались собрать в одном месте все то, что было дорого их сердцу. Поэтому в имениях создавались прекрасные библиотеки, складывались замечательные коллекции картин, устанавливались статуи, организовывались театры. Многие дворяне полагали, что именно отсюда, из «Дворянских гнезд», должна прийти помощь народу и вели легальную культурную, образовательную, попечительскую деятельность. В «усадебных» селах Воронежской губернии землевладельцами с начала XIX в. открывались школы (с. Верхняя Тишанка, с. Никольское), устраивались больницы (с. Масловка, с. Орловка), организовывались ясли-сады (с. Александровка) и осуществлялась иная благотворительная работа. Например, кн. Барятинские финансировали строительство железной дороги к п. Анна, в 1900 г. организовали ясли-приют, а в 1901 выстроили больницу.

С усадьбами связан и такой пласт культуры Воронежской области как народный театр (усадьба Соколовых «Никольское»), крестьянский хор Е.М. Пятницкого (с. Александровка), имена самобытных художников, поэтов, писателей, музыкантов (И.Н. Крамской, Н.В. Станкевич, А.В. Кольцов и др.), многочисленные школы-мастерские народных промыслов (ковроткачество, гончарство, керамика, резьба по дереву и др.), изделия которых выставлялись и продавались на всероссийских и международных выставках. В своей творческой деятельности актеры, писатели, поэты, музыканты обращались к родному краю и воспели его красоты. Они способствовали становлению и распространению собственно-традиционной формы культуры Центрального Черноземья.

Пребывание на воронежской земле столичных землевладельцев приводило не только к социо-культурному и экономическому развитию села, где непосредственно размещалась усадьба, но и иногда давало интересные «побочные» эффекты. Так, в 1909 г. в уездном г. Острогожске было открыто отделение Императорского художественно-промышленного Строгановского училища, где крестьянских девочек обучали художественному ткачеству и шитью, а продукция вывозилась на выставки и продажу в Москву и Санкт-Петербург. Возникновению в провинциальном уездном городе отделения Строгановского училища способствовала владелица имения и конного завода в с. Марьевка, Острогожского уезда, княгиня О.А. Щербатова, внучка С.Г. Строганова – основателя Строгановского училища. Ольга Александровна со своим мужем А.Г. Щербатовым и братом С.А. Строгановым (последним и единственным наследником всего состояния Строгановых) на Марьевском конном заводе занимались разведением чистокровных арабских лошадей и часто бывали в г. Острогожске, где и решили основать свое «фамильное» учебное заведение [5, с. 59].

Социо-культурную направленность в дворянских усадебных комплексах имела и православно-религиозная деятельности, неразрывно связанная с повседневной жизнедеятельностью всех жителей усадьбы.

Нельзя не отметить ландшафтно-преобразующего значения усадебной культуры, позволяющей рассматривать «Дворянские гнезда» как своеобразные оазисы *культуры-*

ных ландшафтов. Усадьбы формировались как архитектурно-планировочные комплексы, где присутствовал определенный творческий замысел, сохранялась территориальная общность и создавалась внешняя привлекательность.

Усадебные комплексы обычно располагались в наиболее живописных местах. Обилие в Воронежском крае рек позволило землевладельцам размещать свои усадьбы по их берегам. При этом специалисты [5, с. 55–56] выделяют два композиционных приема в построении усадебных зон. Наиболее распространенный тип имеет в своей основе композиционную ось, перпендикулярную водной поверхности. Усадебный дом обращен к реке главным фасадом с террасой или балконом, а дворовым фасадом – к партеру парадного двора. От дома к реке тянется пейзажный нижний парк, а сверху, вокруг двора и служб, устраивается верхний парк и сад. Таковы усадьбы «Ольга но» на р. Воронеж (п. Рамонь), «Горожанка» на р. Дон (Рамонский район), «Репное» на р. Усмань (г. Воронеж) и ряд других.

Второй тип композиции, с осью, идущей параллельно реке, встречается реже. Парадный въезд, партер перед домом, сам дом с одним «парадным» фасадом, служебный двор с периметром хозяйственных построек, парк, сад – все это разворачивается вдоль русла реки. Таковы, например, усадьбы «Новоживотинное» на р. Дон, «Гвоздевка» на р. Трещевке (Рамонский район). В густонаселенных местах близ Воронежа усадьбы с храмами, поставленные по берегам рек, образовывали своеобразные пространственно-ландшафтные композиции. Например, усадьбы братьев Лосевых в селах Терновое и Губарево, расположенные на излучине р. Ведуги (Семилукский район) и обращенные друг к другу.

При закладке усадьбы под воздействием целенаправленной деятельности человека видоизменялись практически все компоненты ландшафта. Проводились значительные работы по изменению рельефа, например, копались пруды, насыпались холмы и прогулочные аллеи, выколаживались и «срезались» склоны. Причудливые формы приобретала и гидросеть. Помимо одиночных копаных прудов, в усадебных комплексах формировали и системы сообщающихся посредством труб копаней, а в оврагах и балках устраивали каскадные пруды. Водные объекты в усадьбах, естественные или искусствен-

ные, помимо рекреационных и экологических задач, выполняли мелиоративную или утилитарную функцию, т.е. использовались в качестве «садов» для разведения разнообразных видов рыб.

Особенностью создания парков в Воронежской губернии является распространение в усадьбах «парков – садов». Боскеты из фруктовых деревьев обсаживались лиственными породами, образующими парковые аллеи. Таковы сохранившиеся парки в усадьбах «Дача», «Никольское», «Семидубравное» и многих других. В лесостепной полосе региона парковые зоны плавно переходили в естественный лес, образуя громадные озелененные пространства (усадьбы «Анна», «Калиново», «Староживотинное», «Горожанка» и многие другие). В степной зоне усадьбы становились единственными озелененными оазисами на многие километры в округе (усадьбы «Карпинка», «Паника», «Еленовка» и др.).

Растительный покров в усадьбах изменялся в сторону увеличения видового разнообразия, причем не только за счет привозимых растений, но и в результате кропотливого труда самих землевладельцев. Многие хозяева усадеб устраивали питомники лесных и фруктовых деревьев, разводили цветы, оборудовали для опытов оранжереи. Например, М.А. Звегинцова в имении «Масловка» (Бобровский район) занималась селекцией растений, которые представляла на международных выставках. В английских и французских цветочных каталогах упоминались выведенные ею два сорта роз и садовый жасмин под названием «Звегинцовых» [1, с. 299].

Также следует отметить и деятельность Раевских – наследников генерала Н.Н. Раевского (героя войны 1812 г.). В XIX веке они были самыми крупными землевладельцами на востоке современной Воронежской области, в бывшем Новохоперском уезде. М.Н. Раевский являлся президентом Императорского общества садоводов и во всех своих имениях устраивал дендро-парки. Уникальный видовой состав растений сохранился и в современном ландшафте. В настоящее время бывшие денро-парки представляют собой уникальные памятники природы и находятся на государственной охране.

В условиях достаточно сильно расчлененного овражно-балочной сетью рельефа Воронежской губернии (Среднерусская возвышенность) растительность на территории региона,

помимо эстетической нагрузки, выполняла и противозерозионную функцию – укрепление склонов, уменьшение смыва верхних почвенных горизонтов и т.д. Так, И.А. Звегинцов в имении «Масловка» организовал вдоль песчаных донских берегов лесное хозяйство «по последнему слову науки» [1, с. 299]. Венцом агрономических новаций землевладельца явилось разведение винограда на площади в несколько десятин. Особого дохода виноградник не давал, но помещик доказал, что в Воронежской губернии можно выращивать и южные сорта винограда.

Культурные ландшафты дворянских усадеб отражали особенности природопользования, освоения и развития территории в конкретной природной обстановке на определенном историческом этапе. Закладка и развитие усадебного комплекса предопределяло увеличение как биологического разнообразия за счет привнесенных видов, так и пейзажно-разнообразия близлежащих территорий.

В настоящее время бывшие дворянские усадьбы – это наследие, историческая и культурная память России. К началу XX в. на территории современной Воронежской области было 360 дворянских усадебных комплексов только крупных землевладельцев. На сегодняшний день насчитывается около 40 усадеб, которые включены в Свод памятников истории и культуры РФ по Воронежской области и находятся на государственной охране. При этом ни глубокого комплексного изучения, ни деятельности по сохранению и использованию, ни популяризации данного феномена культуры на территории области не наблюдается.

Лишь одна усадьба на территории современной Воронежской области музеефицирована – Веневитиновых в с.Новоживотинное (частично). В пяти усадьбах размещены санатории и дома отдыха. Четыре конных завода используется по первоначальному назначению, включая усадебные жилые и административные здания. В 28 бывших усадьбах размещаются школы, больницы, специнтернаты [5–15]. Остатки некоторых усадебных комплексов используются под различные хозяйственно-бытовые нужды. В кадастре особо охраняемых природных территорий области зарегистрировано 18 усадебных парков, стоящих на государственной охране [4]. Большинство же бывших усадеб Воронежской губернии утрачено. О них напоминают лишь оставшиеся (иногда частично) от хо-

заяв деревья парков, водонапорные башни, промышленные и складские помещения и т.д., о принадлежности которых к усадебной культуре уже мало кто знает. На рис. 1 эта группа «остатков» бывших дворянских усадеб представлена как объекты гражданского строительства. Данное объединение является весьма условным и требует доработки, но автор предпринял попытку обобщить существующий потенциал имеющегося в регионе наследия дворянской усадебной культуры.

Одним из менее освоенных географами аспектов дворянской усадебной культуры является генеалогическая характеристика, неразрывно связанная с наследием региона. «Дворянские гнезда» – это известные имена, древние рода, выдающиеся династии. История Воронежского края очень богата известными дворянскими фамилиями. В именованном указателе «Перечень дворянских родов Воронежской губернии» А. Акиншин и О. Ласунский называют около 1700 дворянских родов [1], связанных с историей Воронежского края.

В настоящее время дворянская усадебная культура, к сожалению, практически утрачена и как элемент русской культуры (в широком смысле этого понятия), и как часть наследия (в более узком смысле). На сегодняшний день на территории области нет более 200 усадеб, существующих сто лет тому назад. С 1980 по 2005 гг. упразднено 160 сельских населенных пунктов [5, с. 37], из

которых около 40% были «усадебными», т.е. сформировавшимися в XVIII–XIX вв. при усадьбах землевладельцев. От существующих здесь когда-то сел и усадеб остались лишь отдельные фрагменты: аллеи, пруды, руины построек, измененные формы рельефа... Например, Высокое (здесь неоднократно бывал И.С. Никитин), Дубовицкое, Ново-троицкий, Ольхов, Яковлевка и др.

Подводя итог можно отметить, что дворянские усадебные комплексы имеют большое значение для всего геокультурного пространства Воронежской области. Они не только в прошлом сыграли важную роль в истории региона, в формировании традиционной русской культуры, но и сегодня являются потенциалом социально-экономического возрождения области. Процесс забвения (деформации) русской культуры можно остановить, лишь изучая ее. Дворянская усадебная культура с полным правом может и должна изучаться на самых разных уровнях (как в рамках общеобразовательных программ школ, вузов, так и на уровне национальных проектов по сохранению и использованию русской культуры), и самыми разными специалистами. Не являются исключением и географы. Возрождение, популяризация «памятных мест» региона, связанных с жизнью и деятельностью дворян, позволит закрепить в памяти народа этот уникальный пласт отечественной культуры и получить дополнительный импульс экономического развития.

Библиографический список

1. Акиншин, О. Ласунский. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 432 с.
2. Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е. Болховитинов // Воронежский край XVIII века в описаниях современников: сб. стат. – Воронеж: ВГУ, 1992. – С.178–180.
3. Загорский В.П. История Воронежского края от А до Я. – Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1982. – 311 с.
4. Кадастр особо охраняемых территорий Воронежской области / под ред. О.П. Негрובה. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 146 с.
5. Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Воронежской области: исследование и использование: метод. пособие. – Воронеж, 2007. – 124 с.
6. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. – М.: НИИ Культуры, 1984. – 70 с.
7. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Богучарский, Верхнемамонский районы. – М.: НИИ Культуры, 1990. – 80 с.
8. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Кантемировский, Павловский, Петропавловский, Россошанский районы. – М.: НИИ Культуры, 1990. – 130 с.
9. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Бобровский, Бутурлиновский, Воробьевский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. – Вып. 2, Ч.1 – 144 с.

10. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Каменский, Каширский, Ольховатский, Острогожский, Подгоренский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. – Вып. 2, Ч. 2 – 128 с.
11. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Аннинский, Грибановский, Калачеевский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. – Вып. 3, Ч.1. – 148 с.
12. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Лискинский, Новохоперский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. – Вып. 3, Ч. 2. – 180 с.
13. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Панинский, Поворинский, Таловский, Терновский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1993. – Вып. 3, Ч. 3. – 115 с.
14. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Верхнехавский, Хохольский, Эртильский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1997. – Вып. 4, Ч.1. – 140 с.
15. Материалы Свода памятников истории и культуры РФ. Воронежская область. Нижнедевицкий, Репьевский и Семилукский районы. – М.: Рос.ин-т культурологии, 1997. – Вып. 4, Ч. 2. – 210 с.
16. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. – Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1994. – 576 с.
17. Черников С.В. Крепостническая колонизация Воронежского края в перв.пол XVIII века // Из истории Воронежского края: сб.статей. – Вып.10. – Воронеж: МОУ ВЭПИ, 2002. – С. 64–75.

Н.В. Мкртчян (Москва)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ РОССИИ: ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1989 и 2002 гг.¹

Mkrtchyan N.V.

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE AGE COMPOSITION OF THE POPULATION OF CITIES AND REGIONS OF RUSSIA: ESTIMATION BASED ON DATA FROM CENSUS 1989 AND 2002

Аннотация. На основе сравнения данных о половозрастном составе населения городов и районов 19 регионов России на даты переписей населения 1989 и 2002 гг., проанализирована роль миграции в изменении численности населения молодых возрастов. Дается оценка зависимости миграционных потерь молодого населения от удаленности от региональных центров, влияние размера городов на их возможность притягивать молодежь.

Abstract. The role of migration in a changing young age population is analyzed in the article. The research based on a data comparison on cities' and districts' age and sex population composition of 19 Russian regions on the date of Census 1989 and 2002. The dependency estimation of young people migration losses on the distance from regional centers, the effect of cities' size on their ability to attract young people is reviewed in article.

Ключевые слова: миграция, регион, центр, периферия, возрастной состав населения, перепись.

Key words: migration, region, center, periphery, the age structure of population census.

Проблемы межпоселенной миграции в России успешно изучались в нашей стране, особенно активно – в 1960–1970-е гг. [1, 2, 3]. Внимание ученых привлекали быстрый рост городов, в т.ч. крупнейших, проблемы приживаемости новоселов, перераспределение населения между сельской местностью и городами и др. Именно благодаря миграции в России появилась сеть крупных и крупнейших городов, несмотря на истощение демографических ресурсов села, процесс концентрации населения

не завершен [4]. Прежняя поляризация между городом и деревней, не утратив своей актуальности, дополнилась не менее сильными контрастами между крупными и крупнейшими с одной стороны, и малыми и средними городскими поселениями, где люди, по терминологии Т.Г. Нефедовой, живут «между селом и городом» [5]. Эти контрасты служат ключевым фактором миграции.

Данные о миграции по отдельным городам и административным районам на феде-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 08-02-00120а «Реформа местного самоуправления и трансформация расселения населения в современной России»

ральном уровне не публикуются, их можно найти только в малотиражных справочниках, выпускаемых территориальными органами Росстата. Да и эта статистика неполностью достоверна, т.к. основана на данных о регистрации по месту жительства. Но в 1990-е гг. миграция на постоянное место жительства замещается пространственной мобильностью [6], не ведущей к смене официального постоянного места жительства, и в силу этого российская статистика ее не фиксирует. Поэтому численность населения, которое де-факто проживает в том или ином городе (пгт, районе) существенно отклоняется от оценок, основанных на данных статистики. В определенной мере исправить это несоответствие позволяют данные переписей, которые формируются без оглядки на регистрационные процедуры. Кроме того, они предоставляют возможность для сравнения структур населения на конкретные даты, и анализа на этой основе изменений, происходящих с ним за межпереписной период.

Один из способов оценки миграции с использованием данных переписей – метод передвижки возрастов, который целесообразно (и наиболее результативно) применять к контингентам молодежи, традиционно обладающей повышенной пространственной мобильностью в сравнении с другими группами населения. В.И. Переведенцев выделял три главных потока молодежи из села в город: 15–16 лет, после окончания неполной средней школы; 17–18 лет после окончания средней школы и 20–21 год, после службы в армии [3, с. 97–98]. И сейчас именно в молодом возрасте миграционная активность населения наиболее велика: в 2007–2010 гг. во внутрироссийской миграции более 40% прибывших составляла молодежь в возрасте 17–29 лет. Поток миграции молодежи в возрасте 15–16 лет в современной России практически не выражен, в этом возрасте молодые люди еще продолжают проживать в родительской семье. Немаловажно, что в молодом возрасте велика вероятность дожития за межпереписной период.

Особый интерес представляют пространственные аспекты миграции. Общие тенденции перераспределения населения в последний межпереписной период описаны во многих работах, они сводятся, на макроуровне, к перетоку с востока на запад (т.н. «западный дрейф»), к концентрации его в наиболее

миграционно привлекательных регионах, в крупнейших городах. На уровне отдельных областей, как видно из данных о динамике населения отдельных городов и районов, идет концентрация населения в региональных столицах и прилегающих районах [7, 8]. Понятно, что миграция в данном процессе играет немалую роль, но оценить ее весьма сложно.

Предлагаемая методика на основе передвижки возрастов позволяет оценить масштабы миграции молодежи за межпереписной период 1989–2002 гг. на уровне низовых единиц АТЕ: городов и административных районов. Именно этот (низовой) уровень позволяет наиболее точно понять пространственную динамику изучаемого явления, региональный масштаб предоставляет для этого слишком общие данные.

Информационной базой служили данные о половозрастном составе населения на даты переписей 1989 и 2002 гг. 19 регионов России: Костромской, Курской, Архангельской областей, Ставропольского края и Ростовской области, республик Башкортостан, Удмуртии, Чувашии и Пермского края, Тюменской области, ХМАО и ЯНАО, республики Алтай, Алтайского края, Омской и Томской областей, республике Бурятия и Иркутской области, Приморского края. Данные были получены на основе малотиражных статистических сборников, выпущенных территориальными органами Росстата по итогам переписи 2002 г., а также на основе информации, собранной в ходе исследований в отдельных регионах.

Общее число низовых АТЕ, по которым имеется информация, составило 763, что составляет более четверти от общего числа территориальных образований данного уровня в России.

Методика предполагает ряд допущений, которые на данном этапе работы с данными избежать не представлялось возможным. Во-первых, мы не учитываем вероятности дожития для когорт, которые составляют порядка 97–99% в зависимости от возрастной группы и пола, на наш взгляд, этим можно пренебречь. Во-вторых, величина сдвига с использованием однолетних возрастных группировок составляет 14 лет, тогда как между переписями прошло 13,75 лет. Как известно, даты переписей не совпадали. В-третьих, в 8 из 19 регионов «передвижка» производилась на основе данных не по однолетним, а по

пятилетним возрастным группам, что также в некоторой мере нарушает сопоставимость данных. В-третьих, далеко не вся миграция молодежи нашла отражение в данных переписи: часть из них, со слов родителей, была переписана в месте прежнего жительства, возможен был и двойной учет, поэтому данный способ оценки миграции позволяет не столько оценить точный масштаб миграции, сколько понять разницу между отдельными городами и районами в динамике контингентов молодежи, выделить из них отдающие и привлекающие молодежь.

Кроме того, «за скобками» остается вопрос о разном влиянии международной и внутристрановой миграции на динамику рассматриваемых возрастных контингентов, которое в рассматриваемое время в отдельных регионах могло быть различным.

Гипотеза исследования состояла в том, что существует определенная закономерность в динамике контингентов молодежи в зависимости от административного значения города (региональный центр и другие), размера городов, удаленности городов и административных районов от регионального центра. Такой взгляд на проблему – не первая попытка авторов рассмотреть динамику населения отдельных муниципальных образований, контингентов молодежи в свете теории центрo-периферийных взаимодействий [8]. Влияние миграции на численность населения молодых возрастов рассматривается как самостоятельный объект изучения, так и в качестве «лакмусовой бумажки» центрo-периферийных взаимодействий в российских регионах.

Динамика контингентов детей и молодежи в зависимости от удаленности от региональных центров

Для каждого из вышеназванных регионов (за исключением Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, где число районов невелико и соседство с региональным центром малозначимо в условиях огромной величины многих районов) города и районы распределялись на типы в зависимости от удаленности от регионального центра следующим образом: «нулевая» удаленность – сам региональный центр и пристольный район (в отдельных случаях – два-три района, примыкающие к региональной столице); далее года районы группировались на соседей 1-го,

2-го... 5-го и более порядков пристольного района.

Притягивают молодежь центры и пристольные районы, их ближайшие соседи (1-го порядка) сохраняют на неизменном уровне контингент 15–19-летних, но начинают немного терять население в возрасте 20–24 лет. Масштабы убыли по обоим выделенным возрастам нарастают к городам и районам – соседям третьего порядка. В следующей группе по удаленности отмечено небольшое уменьшение оттока – здесь чаще всего располагаются крупные (в масштабе региона) города, которые, находясь на определенном удалении от регионального центра, становятся локальными центрами притяжения молодежи из нескольких соседних городов и районов. Пример – г. Глазов в Удмуртии, г. Алатырь в Чувашии, г. Бийск в Алтайском крае, г. Волгодонск в Ростовской области и т.п. В более отдаленных от центра районах потери молодежи вновь увеличиваются.

Чтобы в какой-то мере нивелировать влияние межрегиональной и международной миграции на центрo-периферийные взаимодействия, рассмотрим отдельно динамику контингентов детей и молодежи в регионах, за переписной период притягивающих и теряющих молодежь. К первой группе относятся Ставропольский край, Чувашия, Алтайский край, Приморский край, Ростовская и Тюменская области, ко второй – все остальные регионы. Города и районы сгруппируем по удаленности от регионального центра на три группы – ближайшие (удаленность города или столицы района от региональной столицы – 30 км в регионах Европейской части и 50 км – в Азиатской части страны), среднеудаленные (от 30–50 до 50–100 км соответственно) и сильноудаленные (рис. 1).

Выявленная выше зависимость динамики контингентов молодежи от удаленности по отношению к региональному центру проявляется довольно четко: даже в регионах, притягивающих молодежь, периферийные районы и города теряют около 20% 20–24-летних, а в отдающих молодежь регионах потери в этой зоне превышают 30%. Но региональные центры все равно стягивают молодое население, даже в группе отдающих регионов.

Причины, почему отток молодежи из наиболее отдаленных городов и районов выше, чем из ближайших к региональным столицам, очевидны: чем дальше они от

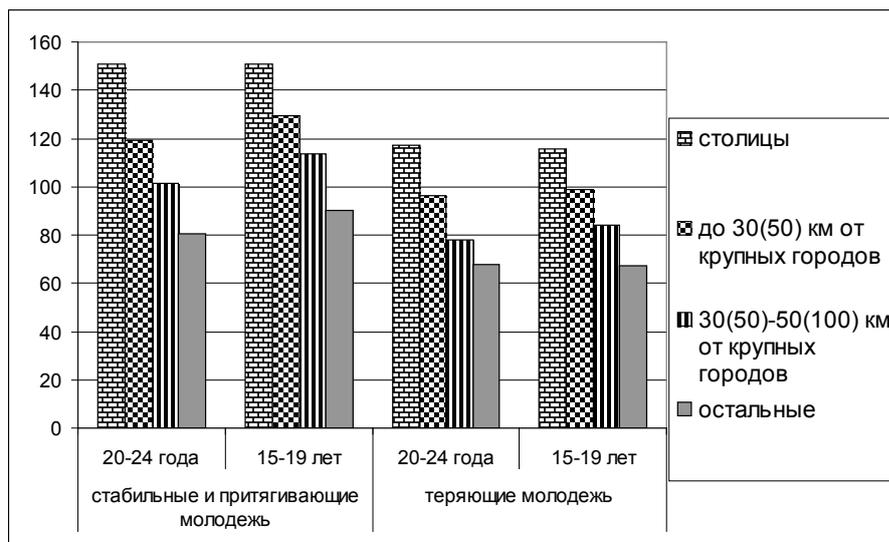

Рис. 1. Центр и периферия: отношение численности 20–24-летних и 15–19 летних в 2002 г. к соответствующим детским возрастам в 1989 г., %

крупного города, тем меньше возможности совершения маятниковых (суточных) поездок на учебу или работу, тем чаще молодому человеку необходимо менять место жительства, хотя бы на время.

Какие по размеру города способны притягивать или удерживать молодежь

Как было показано выше, региональные центры либо притягивают молодежь, либо, в отличие от внутрирегиональной периферии, удерживают данный контингент населения на стабильном уровне (например, Пермь, Архангельск). Но, помимо столиц, в регионах есть и другие центры притяжения молодежи, да и сами центры различаются между собой, в т.ч. по числу жителей, наиболее крупные из них имеют больше шансов привлекать молодежь не только из своего, но и из соседних регионов. В регионах, теряющих молодежь, даже города 100-тысячники не могут ее удерживать; в миграционно-привлекательных регионах слабый отток к возрасту 20–24 лет отмечен в городах с населением от 50 до 100 тыс. человек, а также в самых малых городах.

Наши расчеты также показывают, что в последний межпереписной период стабильно удерживали молодежь города с населением свыше 250 тыс. человек, причем даже в регионах, теряющих население этих возрастов за счет миграции, т.е. независимо от результатов миграции по всему региону.

Но данная закономерность не универсальна. Для иллюстрации более подробно покажем ситуацию с динамикой контингентов молодежи в Пермском крае за последний межпереписной период [9]. По нашим расчетам, Пермский край за 1989–2002 гг. потерял за счет миграции около 10 тыс. 15–19-летних (т.е. лиц, которым на дату переписи 2002 г. должно было быть 15–19 лет) и 24 тыс. 20–24-летних. Это составляет 60% общих миграционных потерь Прикамья за межпереписной период, т.е. именно потери молодежи определяли в основном миграционную убыль населения края.

При этом несколько территорий, притягивающих молодежь: (Пермь и Пермский район – 1100 тыс. человек (2002 г.), Соликамск и Соликамский район – 127 тыс., Краснокамск – 75 тыс. и Чайковский – 84 тыс., получили чистый приток молодежи в возрасте 15–19 лет – 14 тыс., 20–24 лет – порядка 7 тыс. человек. Соответственно, с учетом внутрикраевой миграции, отток молодежи из других территорий края был большим и составил 24 тыс. 15–19-летних и 31 тыс. 20–24-летних.

В табл. 1 представлены города и районы, привлекающие молодежь, и оценочные масштабы прироста численности населения в возрастах 15–19 и 20–24 лет в них, которые сложились благодаря миграции. Также приведены данные по некоторым территориям, наиболее интенсивно теряющим молодежь.

Таблица 1

Оценка масштабов притока и оттока молодежи в отдельных городах и районах Пермского края в период 1989–2002 гг.

Территории (группы территорий) края	Возрастные группы	Оценка числа жителей в соответствующем возрасте от итогов переписи 1989 г., тыс. человек	Фактическая численность по данным переписи 2002 г., тыс. человек	Отклонение, раз (гр.4/гр.3)
1	2	3	4	5
Города и районы, принимающие молодежь	15-19	143,0	157,4	1,101
	20-24	134,4	139,1	1,035
В т.ч.:				
Пермь и Пермский район	15-19	94,6	104,6	1,105
	20-24	91,0	95,4	1,049
Краснокамск	15-19	5,9	6,3	1,059
	20-24	5,4	5,2	0,968
Соликамск и Соликамский район	15-19	10,2	11,3	1,101
	20-24	9,0	10,1	1,120
Чайковский	15-19	9,0	11,6	1,296
	20-24	7,2	8,5	1,178
Города и районы, интенсивно отдающие молодежь				
Гремячинск	15-19	2,1	1,1	0,531
	20-24	1,3	0,9	0,649
Кизел	15-19	4,6	2,8	0,612
	20-24	3,3	2,0	0,599
Сивинский район	15-19	2,4	1,5	0,626
	20-24	1,6	1,2	0,729
Еловский	15-19	1,7	1,1	0,652
	20-24	1,1	0,8	0,699

Рассчитано по данным Пермьстата.

Большинство районов и городов Пермского края теряют молодежь, масштабы потерь колеблются в основном в пределах 10–30%. Но, как видно из таблицы, есть территории, где они еще выше. Также видно, что даже миграционно привлекательные внутри края территории не могут оттянуть на себя целиком отток молодежи: принимая большую часть 15–19 летних, они притягивают менее четверти 20–24-летних, остальные выезжают за пределы края.

На примере некоторых выбранных нами регионов рассмотрим, какие города – по числу жителей и удаленности от региональных центров – притягивали молодежь. В табл. 2 для четырех регионов России представлены города (исключая центры регионов), в которых численность молодых людей в возрасте 20–24 лет превышает численность соответствующей детской

когорты на дату предыдущей переписи или находится на неизменном уровне.

В регионах, помимо городов-столиц, есть обычно несколько центров, притягивающих молодежь. В Башкортостане – Салават, Стерлитамак и Мелеуз на юге, Октябрьский и Белебей – на западе. Бирск к северу от Уфы и Сибай – на юго-востоке также могут претендовать на роль центров, но их население невелико, что не добавляет им устойчивости (удержали ли они молодежь в 2000-е, покажет перепись населения 2010 года). На наш взгляд, республике не хватает 1–2 центров на севере и 1 центра – на юге.

Пермский край имеет три центра, все с населением свыше 100 тыс. человек, и все они расположены на значительном расстоянии от столицы – на севере и юге. Вряд ли возможно формирование центра притяжения на востоке области, ни один из депрессив-

Таблица 2

Некоторые характеристики городов, притягивающих или удерживающих молодежь (исключая центры соответствующих регионов)

Название города	Численность населения в 2002 г., тыс. человек	Удаленность от регионального центра, км	Отношение числа 20-24-летних к 6-10-летним, %
Республика Башкортостан			
г. Благовещенск	33	42	101,9
г. Бирск	40	102	138,8
г. Стерлитамак	264,4	130	117,5
г. Салават	158,6	178	107,3
г. Белебей	60,9	180	101,4
г. Октябрьский	108,6	188	101,9
г. Мелеуз	63,2	205	103,3
г. Сибай	60,1	464	120,2
Пермский край			
г. Березники	175,3	136	99,8
г. Чайковский*	109,8	260	116,0
г. Соликамск	102,5	368	104,8
Алтайский край			
г. Новоалтайск	73,5	12	125,4
г. Алейск	28,6	125	103,9
г. Бийск	232,9	163	109,6
г. Белокуриха	14,5	193	119,5
г. Рубцовск	163,1	281	113,3
Иркутская область			
г. Братск	259,3	490	99,8

* включая население одноименного района.

ных городов, там находящихся, не имеет для этого соответствующего потенциала.

В Алтайском крае выделяются Рубцовск на юго-западе, и Бийск на юго-востоке (правда, здесь картину сильно путает большой приток из соседнего Казахстана, который, в 1990-е гг. мог превосходить приток из городов и сел края). Отсутствие значимого центра притяжения на северо-западе края (Каменьна-Оби притягивал только 15–19-летних, – видимо, численность населения недостаточна) – причина оттока молодежи из этой части края в соседнюю Новосибирскую область.

В большой по размеру Иркутской области в качестве центра может рассматриваться единственно Братск, и ему удастся только удерживать молодежь – роста нет. В результате молодежь едет в Иркутск и города столичной агломерации, а с запада области – в Красноярск [10].

В ряде областей: Курской, Архангельской, Костромской – вообще нет центров, за

исключением региональных столиц. Зато в Ставропольском крае большинство городов прирастают молодежью, а в Ростовской области – почти половина, но это в основном из-за притока извне.

Наличие центров, кроме официальных столиц регионов, способных притягивать молодежь, на наш взгляд, позитивно для регионального развития, т.к. создает дополнительные, промежуточные возможности для миграции. Если их нет, то это не значит, что по окончании школ молодые люди остаются у себя в районах и малых городах. Пути у них два: 1) столица своего региона; 2) столица другого региона (Москва, наряду с этим), зачастую – сильный центр соседнего региона.

«Омлаживающий» эффект миграции на возрастную структуру населения региональных столиц

Основными реципиентами миграции молодежи являются региональные столицы.

Доля возрастных групп 15-19 и 20-24 лет в общей численности населения регионов и их столиц, по данным переписи населения 2002 г.

Регионы	Доля в общей численности населения, %			Столицы регионов	Доля в общей численности населения, %		
	15-19	20-24	15-24		15-19	20-24	15-24
Костромская область	8,3	7,2	15,6	Кострома	9,6	8,5	18,1
Курская	7,9	6,7	14,6	Курск	9,5	8,6	18,1
Архангельская	9,1	8,1	17,2	Архангельск	9,9	9,4	19,3
Ставропольский край	10,0	8,2	18,2	Ставрополь	14,9	11,0	25,9
Ростовская область	9,0	7,9	16,9	Ростов	9,4	9,2	18,7
Республика Башкортостан	9,3	7,3	16,6	Уфа	10,3	8,9	19,2
Удмуртская республика	9,1	7,9	17,0	Ижевск	9,6	9,0	18,6
Республика Чувашия	9,0	7,3	16,4	Чебоксары	11,1	9,2	20,3
Пермская область	9,1	7,7	16,8	Пермь	9,4	8,7	18,1
Тюменская область	10,6	8,6	19,2	Тюмень	11,9	10,3	22,2
ХМАО	8,9	8,7	17,6	Ханты-Мансийск	10,1	10,3	20,4
ЯНАО	8,2	7,8	16,1	Салехард	9,6	9,1	18,7
Республика Алтай	9,7	8,2	17,8	Горно-Алтайск	14,3	10,1	24,4
Республика Бурятия	10,4	8,8	19,2	Улан-Удэ	11,9	10,3	22,3
Алтайский край	9,1	8,2	17,3	Барнаул	11,3	10,2	21,5
Красноярский край	9,2	8,5	17,7	Красноярск	10,7	10,4	21,1
Иркутская область	9,4	8,5	17,9	Иркутск	11,4	10,3	21,7
Омская область	9,6	8,3	17,9	Омск	10,2	9,3	19,5
Томская область	11,3	10,0	21,3	Томск	14,2	12,9	27,1
Приморский край	9,4	8,7	18,1	Владивосток	9,9	9,5	19,4

Хотя приток молодежи сказывается на возрастной структуре населения каждого центра, что заметно по возрастной структуре населения (табл. 3), это влияние существенно разнится. Разница в доле населения в возрасте 15–24 лет между столицей и регионом в целом колеблется от 1,3 п.п. (Приморский край) до 7,7 п.п. (Ставропольский край), и это при том, что рождаемость в крупных городах ниже, чем в сельской местности.

Интересно, что самые небольшие отклонения – в регионах, где центром является город с населением миллион и более – Ростов-на-Дону, Пермь и Омск. Статусы города-миллионера важны, но не определяют. Для молодежи важнее возможности для учебной миграции, и в этом плане выигрывают Томск и Ставрополь. Кроме того, имеет место перераспределение молодежи между отдельными крупными городами, приток из внутрирегиональной периферии сопровождается выездом «своей» молодежи на уче-

бу в другие крупные центры. С этой точки зрения известный на всю страну вузовский центр способен «подавить» привлекательность столицы соседнего региона.

Приведенные на рис. 2 половозрастные пирамиды, построенные для населения четырех российских региональных центров, наглядно показывают разную степень влияния миграции молодежи на население этих городов. Все они привлекательны для молодежи, но Ставрополь и Томск в особенности, как центры учебной миграции. По окончании обучения многие молодые люди уезжают из этих городов, и уже к возрасту 25–29 лет возрастные пропорции выравниваются. Приток учебных мигрантов практически не сказывается на рождаемости, т.к. во время обучения очень редко молодые люди обзаводятся детьми, это событие отодвигается на более поздний срок. В России средний возраст материнства, по оценке С.В. Захарова, в 2003 г. составил 26,3 года, средний возраст рождения

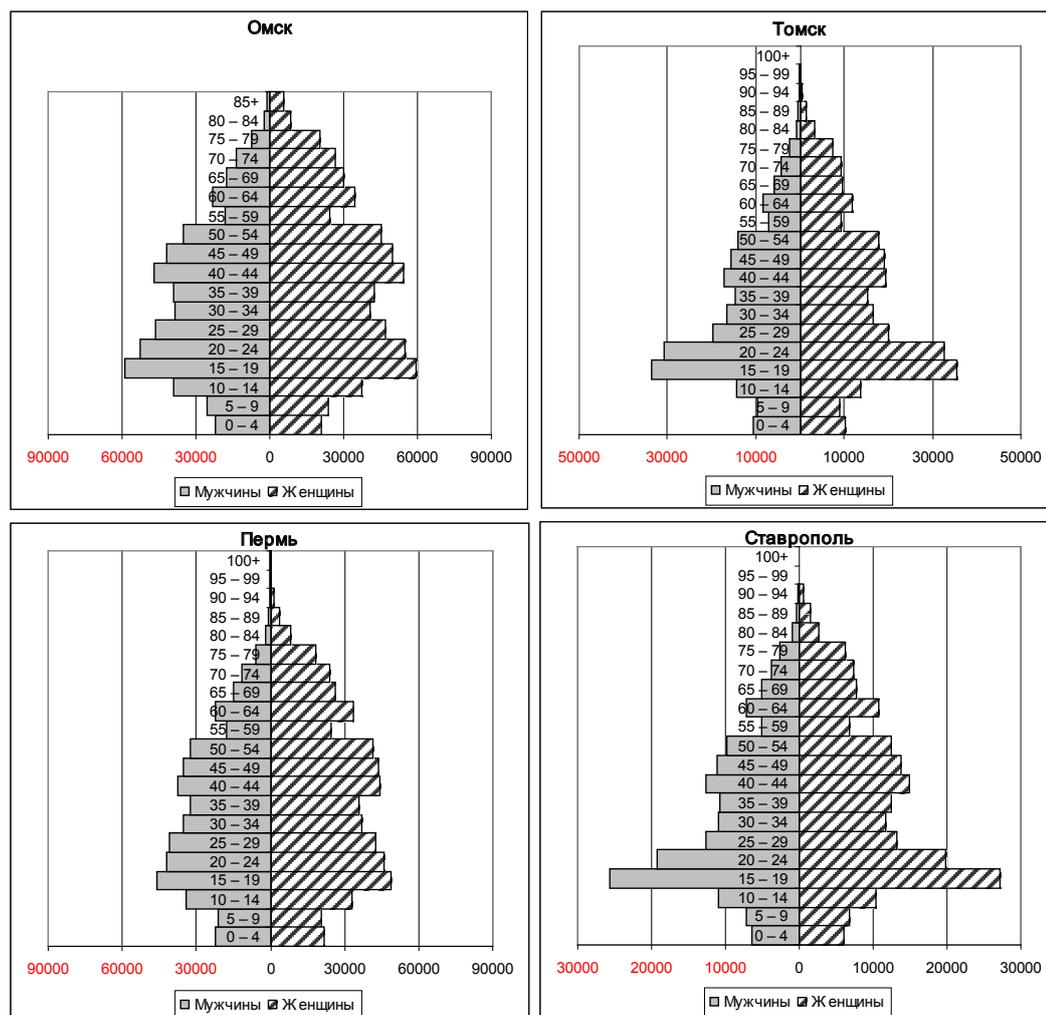

Рис. 2. Возрастно-половая структура населения некоторых региональных столиц (по данным переписи населения 2002 г.), тыс. человек

первенца – 23,9 года. «Тайминг» рождений в крупных городах в сравнении с сельской местностью смещен к более поздним возрастам [11]. Поэтому доли детей в населении городов, чья возрастная структура приведена на рис. 2, практически не различаются.

Еще один интересный пример, связанный с влиянием миграции на возрастной состав населения, дает г. Агидель в республике Башкортостан. Город возник как пгт при строительстве Башкирской АЭС, получил статус города в 1991 г., но годом раньше лишился градообразующей базы из-за остановки строительства АЭС. Однако «город строителей» к тому времени был уже построен, сюда съехались тысячи молодых специалистов, в результате он имел очень

специфичную возрастную структуру населения (рис. 3). По численности детского когорты видно, что молодые люди активно обзаводились семьями.

Часть специалистов уехала из города, но сделать это было непросто в стране, где жилье привязывает человека к месту наподобие крепостной зависимости, наложил свое влияние и тяжелейший социально-экономический кризис. Их дети активно покидали город, к возрасту 20–24 года осталось 60% тех, кому на дату переписи 1989 г. было 6–10 лет, сходным путем, по-видимому, пойдут многочисленные поколения тех, кому в 1989 г. было от 0 до 5 лет. Сейчас большая часть мужского населения г. Агидель работает вахтовым методом на нефте- и газодобывающих пред-

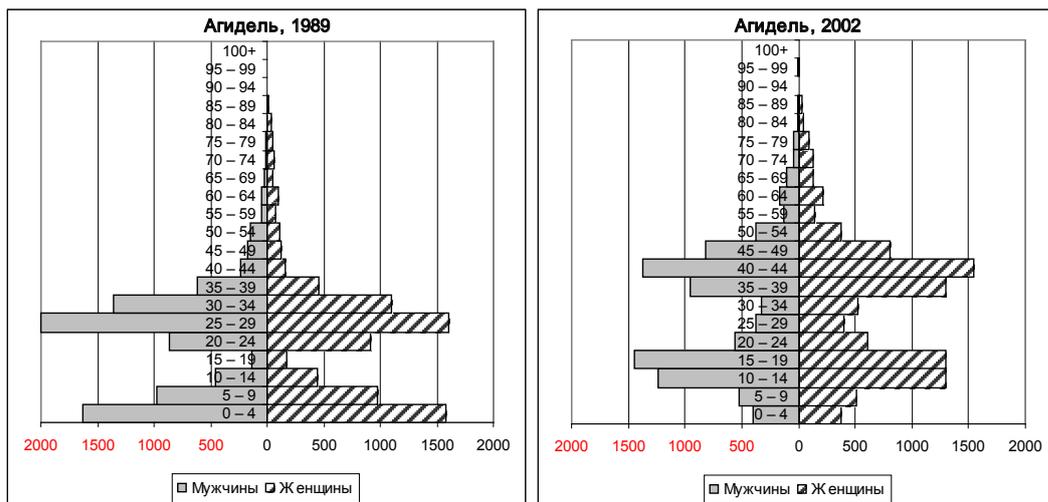

Рис. 3. Возрастно-половая структура населения г. Агидель в 1989 и 2002 гг., тыс. человек

приятнях ХМАО и ЯНАО, заняты «на отходничество» в других городах.

В целом малые и средние города оказались в последние два десятилетия в сложной ситуации: с одной стороны, их молодое население стремится переехать в региональную столицу (или в столицу соседнего региона, в «Москву») [12]; с другой стороны, они потеряли подпитку от села, где стало меньше молодежи, да и она также предпочитает уезжать не в местные центры, а в крупные города.

Каких масштабов может достигать отток молодежи

Как показали наши расчеты, вне зависимости от статуса поселения (село или город, величина города) максимальных масштабов отток молодежи достигает в территориях, наиболее удаленных от регионального центра. По нашей методике, это территории, удаленные от столиц регионов более чем на 50 км в Европейской части страны или более чем на 100 км в Азиатской части. Население этих районов или городов не может участвовать в ежедневных маятниковых трудовых поездках в региональный центр, для него во многом недоступны услуги, предоставляемые в крупном городе (например, получение образования). Население поселений, более близких к центрам, может реализовать эти возможности без переселения в региональную столицу.

Из анализируемых нами регионов самые большие потери молодежи периферийная

зона несет в республике Бурятия – за межпереписной период осталось 55,2% молодежи, Томской – 57,5%, Иркутской – 60,4%, Архангельской – 60,6% и Омской – 61,7% областях. Но все это регионы малонаселенные, с сильным суммарным оттоком населения в результате западного дрейфа [13]. Среди сравнительно населенных регионов условно «принимающей зоны» наибольшие потери понесла периферия Республик Чувашия – 64,3%, Башкортостан – 68,1% и Удмуртия – 69,1%, а также Костромской – 70,4% и Курской – 70,9% областей. Самые большие потери связаны с одновременным действием двух факторов – общего оттока населения из региона и периферийности.

На рис. 4 видно, как сокращались за межпереписной период контингенты детей по мере их взросления в периферийной зоне двух регионов, из которых отток молодежи шел наиболее интенсивно.

Подчеркнем, что эти потери – суммарные для районов и городов, удаленных от региональных центров, в отдельных АТЕ отток больше, в некоторых (местных центрах) он компенсируется частично за счет миграции с соседними районами.

Выезд молодежи серьезнейшим образом деформирует возрастную структуру населения периферии российских регионов, эта трансформация ведет к необратимым изменениям, усугубляя процессы депопуляции и предопределяя усиленное старение населе-

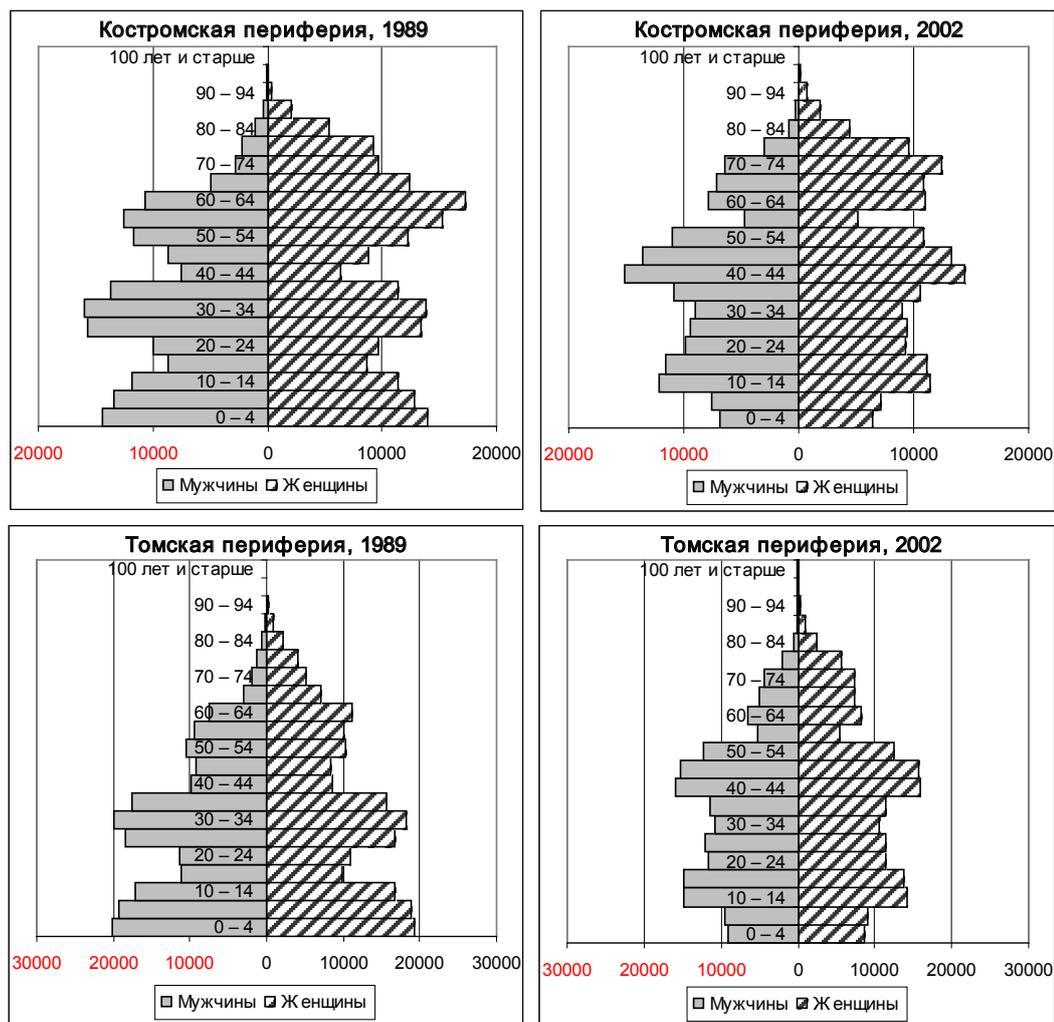

Рис. 4. Возрастно-половая структура населения периферии Костромской и Томской областей в 1989 и 2002 гг., тыс. человек

ния этих территорий уже у ближайшие два десятилетия.

Предпринятая в данной статье попытка оценки масштабов миграции молодежи в разрезе низовых единиц АТЕ позволяет сделать следующие выводы:

1. Сельская местность (районы, кроме ближайшей зоны городов) за период 1989–2002 гг. потеряла за счет миграции 20–25% молодежи; в отдельных регионах эти потери доходили до 40% (Бурятия, Омская, Томская области). «Удержать» молодежь удалось только селу Ставропольского края – но, учитывая, что край принял за межпереписной период много мигрантов из Закавказья и из республик Северного Кавказа, скорее всего, имело

место замещение выехавшей местной молодежи ее притоком извне.

2. Городской статус поселения совсем не гарантирует приток молодежи, очень многое зависит от размеров города, его удаленности от регионального центра, а также от его социально-экономического самочувствия. Средние по размеру депрессивные города (например, Кизел, Гремячинск в Пермском крае) теряли молодежь интенсивнее, чем сельская местность.

3. Многие из рассмотренных региональных столиц притягивали дополнительно 25–30% молодежи, статус города-миллионера при этом не гарантировал повышения интенсивности притока. Особую роль в привлечении молодежи играют сильные вузы,

имеющие хорошую репутацию за пределами своего региона (например, Томский университет), в этом случае центр может притягивать молодежь не только из своей периферии.

4. В регионах, в 1989–2002 гг. не способных удержать свою молодежь, ее могли устойчиво притягивать только города с населением свыше 250 тыс. человек. Вне зависимости от региона, привлекательными для молодежи в возрасте 15–19 лет были центры с населением 50–250 тыс., если они расположены в удаленности от регионального центра (Братск в Иркутской области, Соликамск, Сибай в Башкортостане и т.д.). Однако удерживать молодежь в возрасте 20–24 лет способны только крупные центры, которые есть не в каждом регионе.

5. Даже в непростые 1990-е гг. сельская местность продолжала терять молодежь.

Практически не играло роли, на каком расстоянии от регионального центра находились районы или поселения (если только это не «маятниковая доступность», при которой возможны ежедневные поездки в региональный центр) – отток молодежи шел примерно одинаковыми темпами.

Динамика контингентов молодежи, отражающая пространственные особенности ее миграции, однозначно свидетельствует о сохранении в 1990-х – начале 2000-х гг. тенденций к концентрации населения, прежде всего в молодых возрастах, в региональных столицах и их пригородной зоне. Многие малые и средние периферийные города ожидают в этой связи быстрое старение населения и усиленная депопуляция, большинство из них в ближайшие десятилетия повторят судьбу сел и деревень.

Библиографический список

1. Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Мысль, 1970.
2. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / Т.И. Заславская, И.И. Беленькая, И.Б. Мучник и др.; под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. – М.: Статистика, 1980.
3. Переведенцев В.И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР / Отв. ред. В.Н. Шубкин. – М.: Наука, 1990.
4. Лейзерович Е.Е. Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года / Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Сборник докладов XXV секции МАРС // ред. С.С. Артоболовский, Л.М. Синцеров. – М.: ИГ РАН, 2008. – С. 173–181.
5. Нефедова Т. Городская сельская Россия / Демоскоп Weekly. – 2004. – № 141–142, 1–25 января.
6. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М.: ТЭИС, 2004. – 50 с.
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центрально-периферийной концепции пространственного развития (1989–2002 гг.) // Региональные исследования. – 2010. – № 3. – С. 69–83.
8. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центрально-периферийные взаимодействия в регионах России – анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний межпереписной период / Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН // Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС-Пресс, 2010. – С. 644–663.
9. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях / Научные труды: ИНП РАН // Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 688–712.
10. Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. – 2008. – № 2. – С. 21–38.
11. Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Наука, 2006. – 248 с.
12. Денисенко М., Карачурина Л., Мкртчян Н. Готовы ли российские безработные ехать за работой? / Демоскоп Weekly №445–446, 29 ноября – 12 декабря 2010, <http://demoscope.ru/weekly/2010/0445/tema01.php>
13. Мкртчян Н.В. Миграция в России: западный дрейф // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии ИНП РАН. – 2004. – № 87. – декабрь.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА МИКРОУРОВНЕ (на примере Ярцевского района Смоленской области)

Blagovestova T.E.

TERRITORIAL DIFFERENCES OF THE LIFE QUALITY ON THE MICROLEVEL (by the example of Yartsevskiy region, Smolenskaya oblast)

Аннотация. В статье дается анализ территориальных различий качества жизни населения одного из районов Смоленской области и на его основе предлагается типология территорий по качеству жизни.

Abstract. In this article we present the analysis of territorial differences of the life quality by the example of a region of Smolenskaya oblast. On basis of this analysis we differ territorial types according their life quality.

Ключевые слова: качество жизни населения, методы качественного анализа, региональная политика, Ярцевский район Смоленской области.

Key words: life quality; methods of qualitative analysis; regional policy; Yartsevskiy region, Smolenskaya oblast.

Одна из угроз современному региональному развитию заключается в усилении территориальных различий важнейшего показателя социально-экономического развития – качества жизни населения. Региональная политика должна быть направлена на уменьшение этих различий.

Качество жизни имеет две стороны: объективную и субъективную. Оно определяется не только объективным состоянием среды, качеством населения и его деятельности, но и субъективной оценкой этой среды населением, удовлетворенностью условиями жизни и социально-психологическим комфортом [2, с. 23].

Регион и территориальная общность могут быть по-настоящему поняты лишь изнутри, и основные цели регионального развития надо связывать не с решением тех или иных народнохозяйственных задач, а с удовлетворением интересов населения [1, с. 139]. Для исследования качества жизни населения на внутрирайонном уровне нами был выбран один из типичных для ЦФО и Смоленской области примагистральных районов – Ярцевский.

В феврале 2010 года в данном муниципальном образовании нами был проведен социологический опрос. Респондентам была предложена анкета, с помощью которой нужно было оценить качество жизни населения в каждом поселении района. В качестве респондентов-экспертов выступили 44 работника сельских администраций и 16 работников администрации г. Ярцево. По итогам анкетирования была осуществлена типоло-

гия территорий района по качеству жизни населения и в каждом типе выявлены проблемы, снижающие качество жизни.

На вопрос «Как Вы оцениваете демографическую ситуацию в Вашем районе?» половина респондентов ответила, что в целом ситуация не вызывает опасений, но некоторые демографические явления вызывают озабоченность. Каждый третий ответ содержал опасения по поводу современной демографической ситуации (31,2%), в 8% ответов респондентов отмечалась высокая демографическая опасность, катастрофическую демографическую ситуацию в районе подчеркивали также в 8% ответов. Доля пессимистов в городе Ярцево и отдаленных сельских поселениях на севере района оказалась значительно выше, нежели в сельских поселениях, расположенных вблизи районного центра. Среди наиболее проблемных с демографической точки зрения были отмечены Львовское, Кротовское и Петровское сельские поселения. В целом по району население сокращается на 700-1000 человек в год, ежегодно на карте района появляются населенные пункты без постоянного населения. По официальным данным, на начало 2009 года число деревень с численностью населения от 1 до 10 чел. было равно 38.

Уровень образования населения района считают средним 71 % респондентов; лишь 8% считают его высоким, позволяющим выполнять все виды деятельности, необходимые для развития района; 13,5% отмечают низкий уровень образования в районе. По сравнению

с официальными данными переписи населения 2002 г. жители Ярцевского района имели уровень образования несколько ниже среднего значения по области (407 человек с высшим и средним профессиональным образованием на 1000 человек населения). Высоким данный показатель считают респонденты г. Ярцево. Низкий уровень образования был отмечен респондентами у жителей Зайцевского, Кротовского, Репинского сельских поселений (т.е. наиболее удаленных от центров получения образовательных услуг, население которых занято преимущественно сельскохозяйственной деятельностью).

На вопрос о качестве образования в районе 55,5% респондентов ответили, что оно является средним (характерно для большинства сельских поселений), а 31,5% – выше среднего (ответ был дан в отношении самых крупных по численности сельских поселений – Капыревщинского, Михейковского и Суетовского). В перечисленных сельских поселениях действуют средние школы, детские сады, сельские библиотеки, на базе которых открыты центры деловой и правовой информации, что положительно влияет на качество образования населения данных территорий. Высокое качество образования было отмечено экспертами лишь для г. Ярцево, а крайне низкое – в периферийных северных поселениях района.

На вопрос «Как Вы оцениваете занятость населения в Вашем районе?» половина респондентов ответила, что в районе есть небольшие проблемы с занятостью. Несмотря на то, что в настоящее время Ярцевский район является одним из наиболее инвестиционно привлекательных, почти в каждом третьем ответе (28,9%) было отмечено, что здесь ощущается явная нехватка рабочих мест, а 5,2% заявили, что ситуация с занятостью в районе катастрофическая. Причем последний ответ дали эксперты из города, по представлениям которых такая плачевная ситуация с занятостью характерна для почти всех сельских поселений района, тогда как в самом городе в целом ощущается незначительная нехватка рабочих мест. Интересно, что по мнению экспертов удаленного Львовского поселения, в целом по району наблюдаются небольшие проблемы с занятостью.

Материальное благополучие жителей района респонденты оценили следующим образом. В 21% ответов отмечено, что де-

нег хватает только на питание (ответы были преимущественно в отношении Львовского, Миропольского и Кротовского поселений); в 39,5% ответов было отмечено, что денег хватает только на предметы первой необходимости (таковой, по мнению экспертов, ситуация является в Зайцевском, Петровском и Репинском поселениях); в 26,3% ответов респондентов замечено, что у большинства жителей достаточные доходы, однако значительные траты недоступны (для Капыревщинского, Суетовского, Подрощинского сельских поселений).

Оценивая состояние здоровья жителей района, эксперты сельских поселений дали преимущественно ответ «удовлетворительно» (65,8% всех ответов), в отношении состояния здоровья населения других сельских поселений каждый пятый ответ признает состояние здоровья плохим (в данном случае отмечались практически все поселения района, в том числе и город), по 5% респондентов считают его очень плохим и хорошим, причем респондентами, отметившими эти две последние категории, явились жители г. Ярцево, давшие такую характеристику горожанам.

Оценки уровня медицинского обслуживания в районе значительно хуже, чем оценки уровня здоровья. Половина опрошенных отметили его как средний, каждый четвертый респондент считает его низким, а 18,4% считают его очень низким. Лишь 2,6% респондентов отметили его как «выше среднего».

В ответах, характеризующих медицинское обслуживание в сельских поселениях, уровень выше, чем «средний», не был отмечен, что еще раз свидетельствует о недостатках развития системы обслуживания и, в частности, здравоохранения. Худший уровень медицинского обслуживания был отмечен в Миропольском, Львовском и Кротовском сельском поселениях.

На вопрос анкеты «Как Вы оцениваете жилищные условия?», ответы были более оптимистичными. 10,5% респондентов отметили высокий уровень благоустройства жилья в районе, 39,5% заявили, что он является средним (есть лишь отдельные блага цивилизации), по 18,4% респондентов отметили его как выше среднего или низкий, и лишь 7,8% считают его очень низким. По мнению респондентов, высокий уровень благоустройства жилья характерен для Капыревщинского (расположенного вдоль межрайонной

автодороги Ярцево – Холм-Жирковский) и Подрощинского (прилегающего к городу) сельских поселений. В данных территориальных образованиях в последние годы жилье было газифицировано, во многих домах имеется водопровод и канализация. Низкий уровень благоустройства, по мнению экспертов, имеет жилье в Львовском поселении и лежащем в стороне от крупных транспортных путей Кротовском сельском поселении. В оценке жилищных условий г. Ярцево встречаются все виды оценок от «выше среднего» до «очень низкого».

При оценке экологической ситуации в районе преобладающая доля респондентов отметила ее как «относительно благополучную» (71%), 15,7% считают ее благоприятной и 13,2% считают ее «неблагоприятной» (такая характеристика была дана экспертами г. Ярцево в отношении своего места жительства). Ответов «кризисная» и «катастрофическая» не было. Для всех сельских поселений присутствовали лишь ответы «благоприятная» и «относительно благоприятная».

Ситуация с общественной безопасностью в районе, по мнению респондентов, несколько хуже, чем экологическая. Так, по четверти респондентов ответили, что «уровень безопасности высокий», ситуация с общественной безопасностью «удовлетворительная» (из поселений были отмечены г. Ярцево, Капыревщинское, Мушковичское); 40% отвечавших считают, что «в целом обстановка благополучная, но есть отдельные проблемы», и лишь 10% респондентов считают ее благополучной (такой ответ дали эксперты из северных поселений района). Из сельских поселений, по мнению респондентов, самая неблагоприятная ситуация наблюдается в Репинском сельском поселении – «уровень преступности достаточно высокий». В г. Ярцево по мнению 72,5% респондентов уровень преступности достаточно высокий, либо обстановка с преступностью удовлетворительная.

При оценке изменений качества жизни населения в Ярцевском районе по сравнению с качеством жизни в соседних районах области в последнее время преобладающим ответом стал «в чем-то улучшилось, в чем-то ухудшилось» – 36,8%; «ухудшилось» – 28,9%; «скорее ухудшилось, чем улучшилось» – 21,5% (последние два варианта ответа дали преимущественно эксперты сельских поселений), «не улучшилось» – 28,9%

(из поселений были названы Миропольское, Львовское, Репинское, т.е. наиболее удаленные от центров получения разнообразных услуг). Лишь 5 % респондентов дали ответ «улучшилось».

Оценивая настроение, с которым смотрят в будущее жители района, респонденты дали следующие ответы. Наибольший процент экспертов (47,4%) считают, что жители района смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью; «с надеждой на улучшение» – 39,5%; «со страхом, отчаянием и пессимизмом» – 7,9%, «спокойно» – 5,2 %. Таким образом, по мнению экспертов, число оптимистов и пессимистов в районе примерно одинаковое. Пессимисты преобладают в наиболее удаленных поселениях – Репинском, Кротовском, Миропольском.

Таким образом, по большинству вопросов анкеты эксперты по Ярцевскому району дали средние значения. Это же подтверждают и данные официальной статистики, рассчитываемые в целом по району. При сравнении территориальных образований жители сельских поселений практически по всем вопросам давали предпочтение г. Ярцево, нежели своему собственному месту жительства (кроме экологической ситуации), что является объективным в силу более высокого административного статуса города.

В ходе проведенного анкетирования были выявлены наиболее важные проблемы в развитии каждого поселения Ярцевского района. Это состояние здравоохранения, невысокий уровень доходов населения, проблема занятости и состояние системы образования. В наименьшей степени жителей района волнуют проблемы мигрантов и экологическая ситуация в районе.

На основе данных анкет нами был рассчитан интегральный показатель качества жизни населения каждого поселения Ярцевского района. На его основе можно выявить территориальную дифференциацию в районе по данному показателю. Все территориальные образования района можно разделить на 4 группы по качеству жизни (рис. 1). Первую группу образует единственный город района – г. Ярцево со значением 0,645. Это территория с наилучшими показателями качества жизни, обусловленными административной и производственной функциями поселения. Здесь наблюдаются, и эксперты отметили это: лучшие по району показатели уровня и

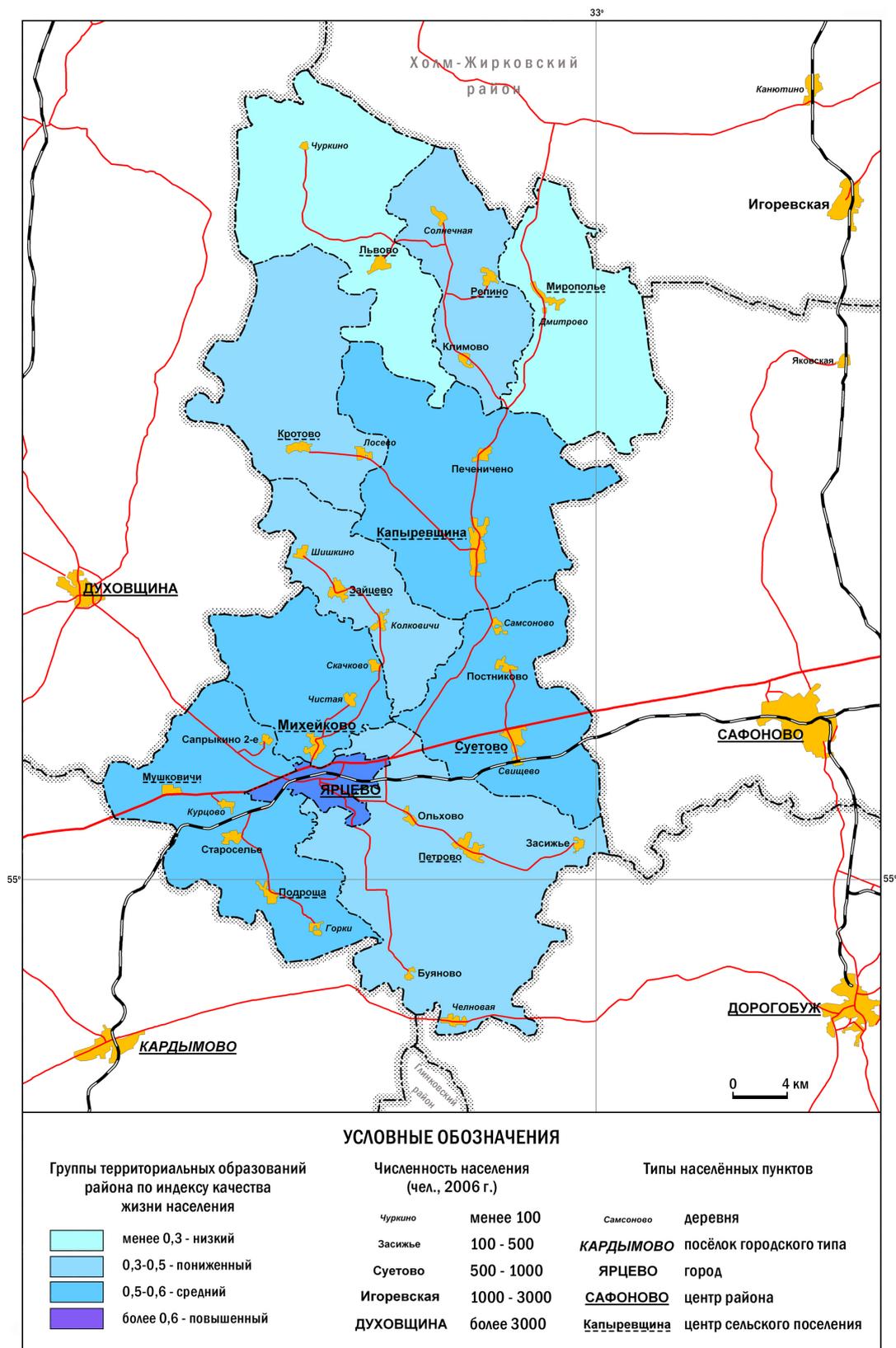

Рис. 1. Территориальная дифференциация качества жизни населения Ярцевского района Смоленской области в 2009 г. (экспертная оценка)

качества образования, доходов населения, уровня медицинского обслуживания, жилищных условий населения.

Вторую группу территорий со средним по району индексом качества жизни (со значением индекса от 0,5 до 0,6) образуют самые крупные по численности населения и наиболее территориально приближенные к городу – Михейковское (1269 чел.), Сутовское (1279 чел.), Подрощинское (497 чел.) и Мушковичское (1071 чел.), а также наиболее удаленное от Ярцева (в 22 км), но самое многочисленное сельское поселение – Капыревщинское (1815 чел.), лежащее вдоль межрайонной автодороги «Ярцево – Холм-Жирковский». На повышенное здесь по сравнению с оставшимися сельскими поселениями качество жизни в первую очередь влияют экономическая и транспортная доступность услуг, предоставляемых населению. В советские времена центры этих сельских поселений были центральными усадьбами крупных колхозов и совхозов. Поэтому в настоящее время они отличаются более высокими показателями благоустройства жилья, занятости населения, уровня медицинского обслуживания (например, в д. Капыревщина работает стационарная больница на 25 коек), уровня и качества образования. Часть жителей, имея личный автотранспорт, совершает маятниковые трудовые миграции в г.Ярцево, а также имеет возможность благодаря близости к райцентру получать в нем основные потребительские услуги более высокого качества. Основными проблемами для развития этих сельских поселений являются уровень доходов, занятость, состояние здравоохранения.

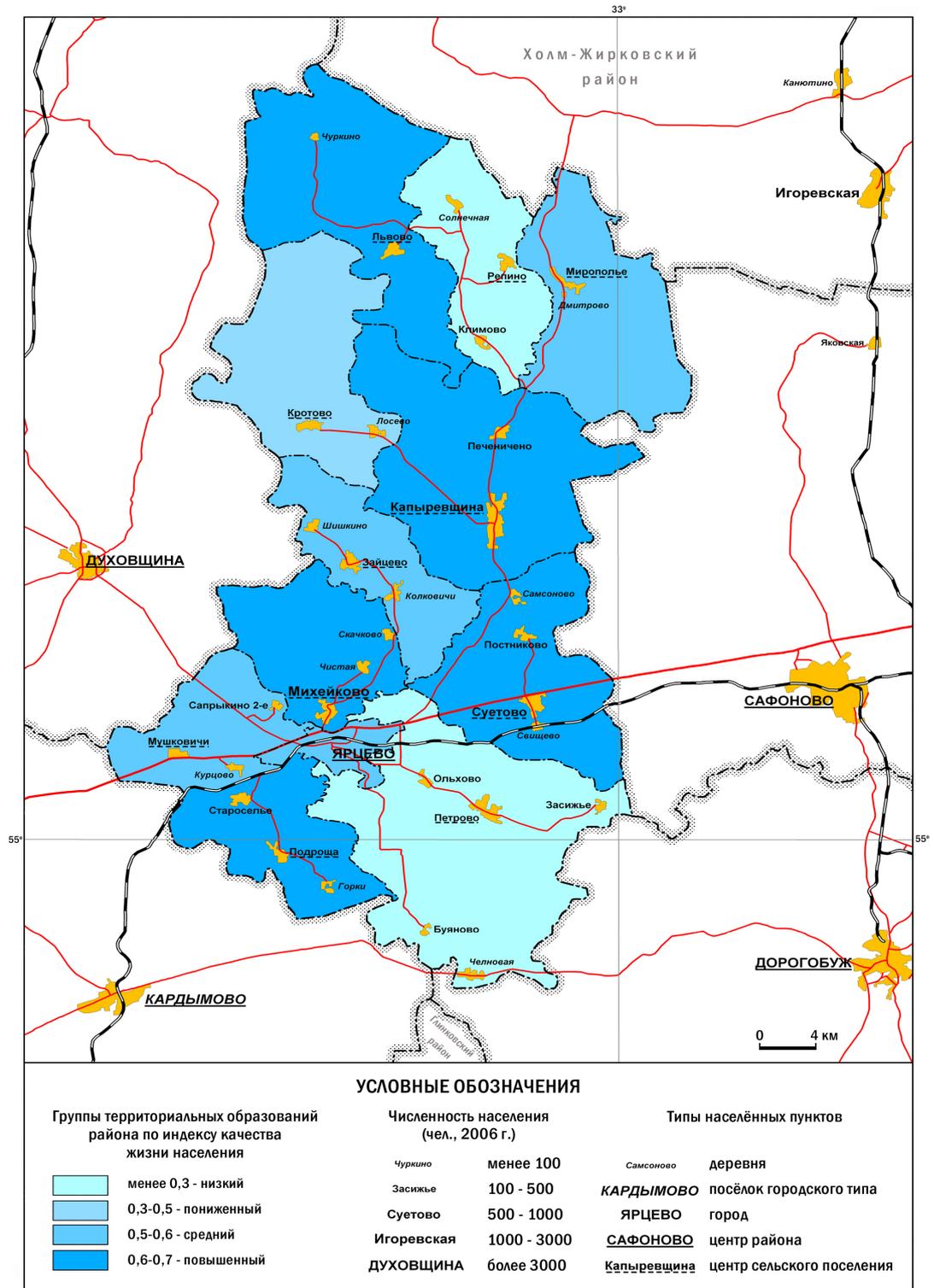
Третью группу с пониженным индексом качества жизни населения (0,3 до 0,5) образуют лежащие в 15–35-километровой зоне от г. Ярцево Кротовское (280 чел.), Зайцевское (539 чел.), Петровское (1407 чел.), Репинское (572 чел.) сельские поселения. Петровское непосредственно граничит с городом и теоретически оно должно было бы находиться во второй группе, но в данном случае на основе мнений респондентов стало исключением из общего правила. Для этих территориальных образований характерны более низкие показатели качества жизни населения, чем в первых двух типах территорий. По большинству вопросов анкеты ответами респондентов были «средний» или «ниже

среднего». Особенно ярко это проявилось в вопросах, затрагивающих доходы, уровень медицинского обслуживания, занятости населения. Снижение показателей качества жизни в этой группе по сравнению с предыдущей – результат большей удаленности указанных территорий от центра района и от крупных транспортных артерий, а, следовательно, и меньшей возможности реализовать свои потребности.

Четвертую группу с низким индексом качества жизни (ниже 0,3) образуют Миропольское и Львовское сельские поселения – наиболее удаленные от г.Ярцево. Это самые слабые в социально-экономическом развитии территории Ярцевского района. Крупных предприятий в этих поселениях нет, доходы жителей невысоки. Жителями Львовского поселения преимущественно являются пенсионеры либо работники бюджетной сферы, поэтому занятость в качестве актуальной проблемы развития респонденты не отметили. На первое место среди проблем этих двух поселений эксперты поставили алкоголизм, а также состояние здравоохранения, что для стареющего населения достаточно актуально.

Таким образом, существенное воздействие на распределение территорий по качеству жизни является ассортимент предоставляемых социальных услуг и транспортная доступность территории.

Мнения экспертов о качестве жизни в том населенном пункте, в котором проживают именно они, представляют собой особый пласт в исследовании субъективного качества жизни. С помощью этих мнений можно выявить особенности регионального (в данном случае на уровне отдельного поселения) менталитета. По А.А. Ткаченко, региональный менталитет как составная часть регионального сознания представляет собой специфическое мироощущение, свойственное жителям определенной местности, а также характерная для них система ценностей и вытекающих из нее оценок, установок и т.п. [1, с. 61]. Особенности регионального менталитета объясняется парадоксально высокая оценка качества жизни, данная экспертами Львовского сельского поселения своей малой родине (рис. 2). Эксперты этого самого удаленного от основных транспортных артерий и самого малочисленного из поселений Ярцевского района дали своему поселению

*Рис. 2. Субъективная оценка качества жизни населения
Ярцевского района Смоленской области
(мнения экспертов о качестве жизни в месте их проживания)*

одну из самых высоких оценок качества жизни. Она выше, чем оценка самого г. Ярцево. Выше, чем у горожан оценка качества жизни также у респондентов из Михейковского, Капыревщинского, Суетовского, Зайцевского и Миропольского сельских поселений. Это свидетельствует о субъективной стороне понятия «качество жизни». У горожан уровень притязаний значительно выше, чем у жителей села, потребности имеют более разветвленную структуру.

Жители г. Ярцево более мобильны, чаще выезжают за пределы своего района и о ка-

честве жизни в своем городе могут судить, сравнивая его с другими городами области. Поэтому качество жизни они оценили ниже, чем сельские.

Таким образом, в ходе проведенного исследования на уровне одного района Смоленской области были выявлены различия в качестве жизни населения. Они обусловлены разной степенью развития элементов социальной инфраструктуры в сельских поселениях, экономической и транспортной доступностью базовых услуг, а также особенностями регионального менталитета.

Библиографический список

1. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995. – 155 с.
2. Щитова Н.А. География образа жизни: теория и практика регионального исследования: монография. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2005. – 283 с.

И.А. Гай (Ижевск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Guy I.A.

REGIONAL ASPECTS OF CULTURAL-INFORMATIVE TOURISM IN THE UDMURT REPUBLIC TODAY

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике. Рассмотрены основные историко-культурные маршруты в Удмуртской республике, представляющие интерес для российских и иностранных туристов. Проанализированы задачи «Концепции культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике (2010–2015гг.)».

Abstract. The questions about developing of cultural-informative tourism of Udmurt Republic are considered. Basic cultural-informative routes in Udmurtia are considered, which are interested for Russian and foreign tourists. Tasks of “Conception cultural-informative tourism (2010–2015)” were analyzed.

Ключевые слова: культурно-познавательный туризм, районы Удмуртии, Концепция культурно-познавательного туризма в Удмуртской республике.

Key words: cultural-informative tourism; regions of Udmurtia, Conception cultural-informative tourism.

Как свидетельствует мировой опыт, развитие туризма является эффективным инструментом расширения базы экономики в долгосрочной перспективе и стимулирует рост доходов смежных отраслей, а также развитие территории в целом. Это связано с тем, что сфера услуг, как одна из активно развивающихся сфер предпринимательской деятельности, предоставляет широкие воз-

можности для увеличения доходов и новые рабочие места.

В настоящих условиях развития туристской деятельности в Российской Федерации Удмуртия пока не выглядит достаточно убедительно как регион, способный привлечь значительное количество туристов, но разноплановый потенциал для этого имеется. На сегодняшний день можно выделить ряд

факторов, которые позитивно влияют на развитие въездного и внутреннего туризма в Удмуртии. К таким факторам можно отнести:

- большой интерес туристов, в том числе иностранных, к культуре, искусству России, к ее разнообразной природе, национальным особенностям, специализированным программам и событийным турам
- богатый спектр памятников инженерного искусства, архитектуры, истории, археологии, находящихся в городах и районах республики
- многонациональный состав населения республики, что позволяет создавать туристские программы межэтнического характера, включающие элементы национального обслуживания в средствах размещения, на предприятиях питания, в организации досуга
- географическое расположение территории республики практически на границе Европы и Азии, пересечение транспортных путей
- высокий потенциал развития делового и конгресс-туризма (организация выставок, соревнований, научных симпозиумов, культурных мероприятий, конгрессов), в его программе органично находит свое место и культурно-познавательное направление
- расширение сети гостиничных предприятий, прежде всего, в столице республики – Ижевске
- широкая сеть предприятий питания, торговых и развлекательных центров, стремящихся к мировым стандартам обслуживания
- рост количества организаций и предприятий, заинтересованных в продвижении Удмуртии как туристского региона в городах России и за рубежом
- заинтересованность администраций городов и районов республики в плане развития культурно-познавательных туристских программ и маршрутов
- наличие туристских предприятий – членов Российской Туристской Ассоциации, обладающих устойчивой положительной репутацией и значительным опытом работы в условиях коммерческого туризма, способных организовать и предоставить качественный туристский продукт.

Вместе с тем, в настоящее время на развитие туризма в республике влияет и ряд негативных факторов:

- образ закрытого региона, связанного с оборонным комплексом страны, а отсюда и недостаточная известность Удмуртии как интересного и многопланового района для туристов
- образ России в целом как страны неблагоприятной для туризма, создаваемый СМИ за рубежом
- отдаленность от столичных центров Российской Федерации, неофициальный статус «глубинки» и провинциальности
- проблемы в организации транспортного сообщения, в частности, отсутствие современной аэропорта с развитой системой услуг, международным сообщением, необходимость строительства современных автотрасс, особенно в перспективных районах для развития туристских проектов
- исторически сложившееся отношение местного населения к Удмуртии как к республике, неинтересной для культурно-познавательного и экскурсионного туризма, за исключением только некоторых объектов, таких как Музей-усадьба П.И. Чайковского, вследствие этого необходима целенаправленная и системная работа по созданию и продвижению туристски привлекательного ее имиджа
- недостаточное развитие инфраструктуры гостинично-туристского комплекса, особенно в районах, где ощущается острая нехватка мест для размещения туристов – необходимо развитие гостиниц туристского класса, ориентированных на прием как туристских групп, так и туристов-индивидуалов (увеличение количества стандартных номеров на 2–3 человека)
- отсутствие комплексного видения туристской специфики районов
- несоответствие цены и качества в целом ряде предприятий туризма, необходимо внедрять единые стандарты качества в систему предоставления услуг и подготовку кадров для туристской сферы.

Наиболее существенными проблемами дальнейшего развития культурно-познава-

тельного туризма в Удмуртской Республике, на наш взгляд, являются следующие:

- низкая информированность населения России и Удмуртии, о возможностях различных видов туризма в регионе
- недостаточное внимание к созданию комплексных проектов, сочетающих различные виды туризма (например, экологический и образовательный; экскурсионный и конгресс-туризм; спортивно-оздоровительный и деревенский и т.д.)
- необходимость целенаправленного развития инфраструктуры в туристском районе, увеличение возможностей по приему гостей, организации услуг питания, в том числе национального, расширение услуг досуга
- подготовка кадров для приема и обслуживания туристов (гидов-переводчиков, горничных и администраторов, хозяев гостевых домов и сотрудников визит-центров и т.д.)

В настоящее время развитие туристской сферы становится одной из целей развития Удмуртии. Закономерным результатом стала разработка «Концепции культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике на 2010–2016 гг. (далее – Концепция), которая представляет собой систему представлений о стратегических целях, задачах и приоритетах развития сферы культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике и должна служить ориентиром для субъектов туристской деятельности при реализации государственной политики в сфере культурно-познавательного туризма. Концепция предполагает создание правовых, организационно-управленческих и социально-экономических основ формирования в Удмуртской Республике современной конкурентоспособной индустрии культурно-познавательного туризма.

Культурно-познавательный туризм в Удмуртской Республике рассматривается как отрасль, которая способна создать мультипликативный эффект в развитии региональной индустрии гостеприимства и в смежных с ней отраслях, а в отдельных территориях республики – как основа социально-экономического развития. Основные задачи концепции:

1. Создание благоприятных организационно-правовых и экономических условий

для развития культурно-познавательного туризма в республике.

2. Создание современного конкурентоспособного рынка культурно-познавательных туристских услуг на основе развития здоровой конкуренции, углубления специализации и организации корпоративных связей между субъектами туристской деятельности, с соблюдением баланса интересов населения, отраслей экономики республики, туристов и субъектов формируемой туристской индустрии, исключение нанесения ущерба и рациональное использование природы и культурно-исторического наследия региона.

3. Формирование и поддержание представлений об Удмуртской Республике как о регионе, благоприятном для культурно-познавательного туризма, формирование маркетинговой стратегии, направленной на продвижение туристского продукта республики на региональном, российском и международных рынках.

4. Инвентаризация туристских ресурсов и условий региона, оценка туристско-рекреационного потенциала республики, с выявлением значимости туристско-рекреационных явлений и объектов республики на мировом, государственном и региональном туристских рынках.

5. Совершенствование системы информационного обеспечения культурно-познавательного туризма, создание и пополнение специализированных банков данных в целях их использования всеми заинтересованными субъектами туристской деятельности. Формирование и развитие туристской статистики.

6. Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в формируемую туристскую отрасль республики и развития предпринимательства в сфере культурно-познавательного туризма.

7. Стимулирование развития и совершенствования инфраструктуры республиканского культурно-познавательного туризма.

8. Формирование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации туристских кадров.

9. Формирование системы научных исследований в области туризма (в том числе и культурно-познавательного) в Удмуртской Республике.

10. Интеграция республики в систему российского и международного туристского рынка путем развития видов и направлений

культурно-познавательного туризма, обладающих необходимыми конкурентными преимуществами.

На современном рынке туристических услуг наблюдается тенденция роста так называемых «культурных туристов», интересующихся такими видами туризма, как этнотуризм, сельский, культурно-образовательный, событийный и т.д. Это дает сфере культуры республики все шансы освоить свою туристическую нишу, перенимая соответствующие технологии деятельности.

Для определения возможностей и оценки кадрового потенциала сферы культуры республики для развития туризма рассмотрим сеть учреждений культуры и ситуацию в отрасли.

В общей сложности в республике более 1400 учреждений культуры с общим количеством руководящих и творческих кадров 8647 человек. Сеть учреждений культуры включает:

- 32 музея. Из них 5 республиканских и 27 муниципальных музеев, а также 1 экспозиционно-выставочный центр с общей численностью работников 916 человек. Не учитываются ведомственные музеи, которые могут представлять интерес для туристических групп (Музей Автозавода, музей ОАО «Ижмаш» и т.д.)
- 734 учреждений культуры клубного типа с общей численностью работников 2964 человек. Из них 686 учреждения, т.е. 93 % находятся в сельской местности
- 27 центров, Домов ДПИ и ремесел (в статистике рассматриваются как КДУ)
- 570 общедоступных библиотек
- 14 театрално-концертных учреждений, профессиональные творческие коллективы, в том числе Государственный цирк, зоологический парк.

Республиканские музеи – «визитки» Удмуртии и привлекают большое количество посетителей, являются местами традиционного посещения гостей столицы и республики. Муниципальные музеи слабо включены в работу с туристами. На протяжении ряда лет сохраняется высокая проектная активность специалистов музейной сферы республики. Благодаря их участию и победам в конкурсах благотворительных фондов, в республике разработаны и воплощены культурно-позна-

вательные туристические программы в рамках проектов «Сибирский тракт», «Ижевско-Воткинское восстание». Отмечается однообразие экспозиций районных муниципальных музеев, их слабая материально-техническая база.

Деятельность по культурно-познавательному туризму в районах республики получила развитие благодаря появлению некоммерческого партнерства «Сибирский тракт», в которое вошли ведущие специалисты республики в сфере охраны памятников истории и культуры, музейного дела. Туристические программы прошли экспертизу российских туроператоров еще в 2006 году, получили хорошие отзывы и предложения.

Реализация туристических программ в периферийных районах опиралась на музейные кадры на местах, что вскрыло ряд проблем. Основная – неспособность обеспечить постоянное качество туристической услуги. Для повышения уровня туристического предложения необходимо работать по специальным программам повышения квалификации.

Одним из направлений работы по увеличению привлекательности музейных услуг является повышение уровня интерактивности музейных экспозиций и туристических маршрутов, появление новых музейно-педагогических разработок, музейных медиа продуктов и т.д.

Работа сферы культурно-досуговых учреждений направлена на сохранение, воспроизводство и развитие нематериального культурного наследия народов республики и форм народного творчества и таит в себе огромный потенциал для развития событийного и других видов туризма. В сфере работают специалисты, имеющие богатый опыт в организации и проведении культурно-массовых мероприятий, народных праздников, фестивалей, культурных акций, концертов и других форм досуговой и культурно-познавательной деятельности различных групп населения.

В культурно-досуговых учреждениях базируются этнографические и фольклорные коллективы, традиционно исполняющие функции встречи и развлечения гостей, создающие национальный колорит культурных событий. Особенно пользуются спросом этнографические коллективы носителей традиционной культуры, как уникальные и даже экзотические явления современной культуры. Известны далеко за пределами

Удмуртии этнографический коллектив СДК д. Бураново Малопургинского района, этнографический коллектив д. Карамас-Пельга и др. Руководители и участники фольклорных коллективов могут выступать и выступают в роли организаторов событийных мероприятий и фольклорных программ для туристических маршрутов.

Многие проектные идеи при условии их реализации способствовали бы продвижению и формированию имиджа районов, раскрытию своеобразия и многонационального колорита Удмуртии. Среди туристических проектов, разработанных на семинарах в 2007–2008 гг.: «Тайна народа кряшен» – Граховский район, «Два дня в гостях у марийцев» – Каракулинский район, «Танцует от печи» (фестиваль печки) – Алнашский район, ролевая игра – культурная акция для молодежи «Черное озеро – Кара Куль» – Каракулинский район, «Путешествие в праздник» (Сетевой проект 3 районов), «Что не город, то норов» (сетевой проект 3-х городов), «Яблочный рай» Селтиский район и др. К сожалению, как правило, проектные идеи остаются только практическими упражнениями на учебных занятиях Центра повышения квалификации работников культуры.

Основная цель Центров и Домов ремесел – сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов, декоративно-прикладного искусства и ремесел, в том числе национальной кухни народов, проживающих в Удмуртии. В настоящее время они работают над развитием 22 видов народного ДПИ: ткачество, художественная обработка бересты, соломки, кожи и металла, художественное плетение из лозы и лыка, народная игрушка, изготовление национальной одежды, лоскутное шитье, художественная обработка войлока и др. Восстановлены утраченные технологии традиционной народной вышивки, изготовления удмуртских традиционных музыкальных инструментов, художественной резьбы по кости и бондарное искусство. Мастера Домов ремесел изготавливают национально узнаваемую сувенирную, бытовую продукцию, украшения в традиционном и этноавангардном стилях. В связи с формированием политики по привлечению туристов необходима разработка брэндовой, уникальной для республики, района или локальной местности недорогой сувенирной продукции в контексте продви-

гаемого образа территории. Проведение ремесленных и «сувенирных» мастер-классов – один из востребованных компонентов туристических программ, которые могут взять на себя и берут Дома и центры ремесел.

Библиотеки могут выступать в роли информационных центров для селян, желающих включиться в сферу туристических услуг, а также в роли информационных посредников продвижения туристических предложений территорий для внутреннего туризма. Одна из проблем – недостаточный уровень компьютеризации районных, сельских библиотек, выход в Интернет имеют единичные библиотеки.

Принять участие в различных формах культурно-познавательного туризма готовы некоторые детские школы искусств городов и районов республики. Они видят это в реализации таких услуг, как демонстрация традиционной народной культуры, мастер-классы по народному творчеству, разработка и реализация культурно-познавательных программ, экскурсионное обслуживание. Некоторые ДШИ располагают возможностями обеспечить питание и проживание гостей.

Высокое художественное мастерство и новые культурные продукты профессиональных учреждений искусства и художественных коллективов Удмуртии можно увидеть на республиканских фестивалях («Театральная весна»), международном конкурсе цирковых программ и т.д. Подобные фестивали и конкурсы должны учитываться в плане организации программ внутреннего и въездного событийного туризма.

Таким образом, учреждения культуры способны обеспечить разработку и реализацию уникальных туристических предложений для внутреннего и въездного туризма. Кадровый, научно-методический, творческий, педагогический потенциал отрасли должен быть задействован в полной мере на рынке культурного туризма республики, вследствие чего будут реализованы просветительские функции туризма. Одним из механизмов реализации этого потенциала является комплексная программа подготовки и переподготовки кадров учреждений для работы по программе развития культурно-познавательного туризма.

Среди учреждений культуры особое место занимают республиканские учреждения, выполняющие помимо специализирован-

ных, методическую и координационную функции: Республиканский Дом ремесел, РДНТ-Дом молодежи, Национальный музей УР им. К. Герда, Национальная библиотека Удмуртской республики, Центр повышения квалификации работников культуры УР, Управление эксплуатации и охраны памятников истории и культуры МУ УР. Эти учреждения могут выступать проводниками общей концепции и плана мероприятий по развитию культурно-познавательного туризма при условии формирования политики корпоративности в отрасли, общего информационно-деятельностного поля, что требует отдельных программных действий.

Помимо огромной сети учреждений культуры, существуют некоммерческие ассоциации и творческие группы работников культуры, их можно рассматривать в качестве ресурса культурных инициатив, в том числе культурно-познавательного туризма (Некоммерческое партнерство «Сибирский тракт», этнофутуристическая группа «Тадья Юш»). Наличие таких объединений является выражением общественной инициативы в профессиональной сфере, активизирует инновационную деятельность, повышает результативность работы, объединяет ресурсы разных учреждений культуры и иных организаций. К сожалению, в отрасли подобные объединения единичны.

Как было отмечено, деятельность по культурно-познавательному туризму осуществлялась как творческое, инициативное начинание отдельных специалистов в русле проектной деятельности.

Специалисты музейной и культурно-досуговой сферы – инициаторы и организаторы туристических маршрутов, безусловно, опора для формирования культурно-познавательного туризма на местах. Часто инициатива может держаться на одном человеке. Однако нестабильность ситуации очевидна – специалист может уехать, поменять место работы и т.д., тогда вся туристическая программа окажется под угрозой срыва или некачественной реализации.

Обеспечить целенаправленность действий учреждений культуры и иных субъектов территории по формированию туристического предложения может появление в штате специалиста, ответственного за данное направление работы в районе, городе, группе районов. В настоящее время в Игрин-

ском районе организован визит-центр на базе краеведческого музея, в Шарканском районе определен специалист музейной сферы для организации культурно-познавательного туризма, в г. Ижевске имеется управление по культуре и туризму.

Таким образом, можно выделить ряд проблем, выявленных благодаря опыту реализации туристических программ работниками культуры:

- проблематичность обеспечения устойчивого качества туристической услуги
- недостаток технологий организации туристических услуг, слаженности и организованности действий различных специалистов и структур на местах
- соответствие содержания и качества услуги потребительским ожиданиям.

Важно обращать внимание на необходимость экспертной оценки разрабатываемых в районах туристических программ, отслеживание отзывов туристов. Часто районный уровень представления услуг, например, театрализованных представлений в РДК/СДК, может резко не совпадать с ожидаемым уровнем. Выделим рекомендации по совершенствованию подготовки кадров культуры для сферы туризма республики.

1. Межотраслевой характер культурного туризма предполагает участие различных отраслей в решении вопросов развития данного направления в республике. Для этого необходима организация системы проектных семинаров по культурно-познавательному туризму для представителей заинтересованных министерств (министерство сельского хозяйства, министерство экономики и др.) и республиканских ассоциаций.

2. Требуется организация серии обучающих семинаров для глав администраций и начальников отделов культуры городов и районов с участием преподавателей-тренеров из Москвы, Санкт-Петербурга, зарубежных коллег, особенно из стран финно-угорского мира – Венгрии, Финляндии, где туризм развит. Организация стажировок, в том числе зарубежных, для наиболее заинтересованных руководителей-менеджеров. Важно организовать экспериментальные площадки для отработки технологий культурно-познавательного туризма, курсы по разработке сувенирной продукции и др.

3. Необходима разработка организационно-правовых механизмов для осуществления различных видов работ специалистами культуры по формированию и развитию культурно-познавательных услуг.

4. Важна организация взаимодействия с высшими учебными заведениями по реализации образовательных проектов для сферы туризма, по привлечению студентов и молодых специалистов для работы в учреждениях культуры.

В рамках подготовки Концепции был проведен анализ туристских ресурсов районов республики: экспертные группы выезжали для изучения состояния историко-культурных объектов, уровня подготовки туристских кадров, транспортной доступности, инфраструктуры по приему туристов. Явные преимущества для дальнейшего развития туризма имеют Ижевск, Сарапул, Глазов, Воткинск. Атриктивные проекты и соответствующие им услуги представил ряд районов республики. Это Игринский, Дебесский, Балезинский, Глазовский, Алнашский районы, по которым проходит Сибирский тракт, Алнашский район как место проживания «последних язычников Европы», Шарканский район как родина Тол-Бабая (удмуртского аналога Деда Мороза). Связывает дальнейшее развитие с туризмом и Каракулинский район, богатый памятниками археологии, расположенный вдоль живописных берегов Камы.

В целом, культурно-познавательную деятельность в Удмуртии можно сгруппировать следующим образом:

1. Знакомство с различными историческими, архитектурными или культурными эпохами. Примерами этого являются обзорные экскурсии и туристские программы исторического, археологического и этнического плана.

2. Посещение театрализованных представлений, музыкальных и театральных фестивалей, выставок.

3. Участие в демонстрациях фольклора, национальной кухни и прикладного искусства. Такие программы включают интерактивную составляющую: мастер-классы по изготовлению сувениров, изготовление и дегустация блюд национальной кухни, участие в праздниках.

4. Знакомство с деятельностью известных личностей, прославивших Удмуртию. Это экскурсии, посвященные П.И. Чайковскому, Г.Кулаковой, М.Т. Калашникову, поэтам, писателям, художникам Удмуртии.

5. Экскурсии по природным паркам и естественно-научным музеям.

6. Профориентационные экскурсии на предприятия, учебные заведения. Они могут проводиться как для выпускников школ, так и для учеников среднего звена.

В современных условиях многие районы республики видят в развитии туристской инфраструктуры, в разработке программ различной тематики перспективы увеличения занятости населения, повышения уровня жизни местных жителей. Углубление специализации между районами, создание оригинальных туристских проектов способствует формированию имиджа Удмуртии как привлекательного для туристов региона Российской Федерации. Тем не менее, на сегодняшний день предоставить качественный турпродукт на рынок непросто. Этому препятствуют недостаточная материально-техническая база туризма в Удмуртии, нехватка профессиональных кадров, отсутствие продуманного государственного регулирования в этой сфере. Туристскому рынку Удмуртии еще только предстоит заявить о своих возможностях на всероссийском уровне.

Библиографический список

1. Гай И.А. Современное состояние и перспективы развития индустрии туризма в Удмуртии // Современный социально-политические технологии: смыслы и ценности: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25–26 марта 2009 г. В 2 ч. Ч. 2. – Ижевск: УдГУ, 2009
2. Концепция «Развитие культурно-познавательного туризма в Удмуртской Республике (2010–2015 гг.)»: отчет о научно-исследовательской работе / М-во культуры Удмуртской Респ., Ин-т соц. коммуникаций Удмурт. гос. ун-та, Нац. музей Удмурт. Респ. им. К. Герда. – Ижевск: Книгоград, 2009. – 196 с.
3. Мерзлякова Г.В., Баталова Л.В. История туристско-экскурсионного дела в России (на примере Удмуртской Республики). – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005.

Е.Е. Плисецкий (Москва)

ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ

Pliseckij E.E.

SPECIAL ECONOMIC ZONES AS EFFECTIVE MECHANISM OF REGIONAL DEVELOPMENT OF TOUR-IST INDUSTRY IN RUSSIA

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с выяснением использования особых экономических зон в качестве эффективного механизма для устойчивого развития туристической индустрии.

Abstract. This article examines the questions connected with explanation of use the special economic zones as effective mechanism for sustainable development of tourist industry.

Ключевые слова: Россия, особые экономические зоны, региональное развитие, туристическая отрасль.
Key words: Russia, special economic zones, regional development, tourist industry.

Изучение проблем территориальной организации туристической отрасли ведется уже не один десяток лет. В советской школе рекреационной географии сложилось устойчивое представление о таком понятии, как территориальная рекреационная система (ТРС). Известный ученый-географ В.С. Преображенский определял такие системы как форму организации рекреационной деятельности на определенной территории, в рамках которой достигается максимальная взаимосвязь всех подсистем, участвующих в реализации рекреационной функции данной территории.

Однако следует учитывать тот факт, что разработка теории ТРС велась с учетом сложившихся в советский период подходов к территориальной организации хозяйственной деятельности. Так, в одной из своих статей известный ученый-географ Мажар Л.Ю. отмечает, что «основные научные категории (рекреация и туризм, авт.) <...>, формировались в «дореволюционную эпоху», когда в условиях плановой экономики возможным было прямое управление процессом развития рекреационных систем». Организация подобных систем была продиктована растущей потребностью в создании необходимых условий для оздоровления и восстановления сил трудящихся.

Создание новых ТРС производилось по заданию руководящих органов управления. Вначале разрабатывались и составлялись генеральные планы и проекты общей планировки и комплексной застройки курортных

районов. Следующим шагом являлось масштабное строительство предприятий рекреационной сферы и дальнейшее их использование для организации отдыха и лечения людей. При этом управлением элементами ТРС занимались различные госучреждения, а финансирование шло путем бюджетных отчислений. В то же время оценка территории для размещения мест пребывания отдыхающих проводилась в большей степени с учетом медико-биологических параметров, а также технической возможности строительства капитальных сооружений.

Подобная трактовка определения системности территориальной организации туристско-рекреационной сферы в условиях рыночной экономики кажется не вполне корректной. В этой связи в более поздних работах российских ученых, главным образом, исследованиях Мажар Л.Ю. [1], мы обнаруживаем переосмысление понятия территориальной рекреационной системы, и появление нового термина – территориальная туристско-рекреационная система (ТТРС). ТТРС рассматривается автором в качестве составной части общественных геосистем, представляющей собой совокупность элементов туристско-рекреационной сферы, объединенных пространственными отношениями. Вместе с тем, элементы ТТРС являются самостоятельными единицами, обладающими широкими связями друг с другом и взаимодействующими на основании выработанных экономических законов. Одно из важнейших свойств ТТРС – ее возможность к трансфор-

магии вследствие изменения внешних социально-экономических условий среды.

Выбор той или иной территории с целью ее вовлечения в туристско-рекреационное использование должен исходить, в первую очередь, из экономической эффективности осуществления туристической деятельности с учетом конъюнктуры рынка. Каждый элемент ТТРС в реальных условиях оказывается одним из субъектов предпринимательской деятельности, как предоставляющим непосредственно туристические услуги (размещение в гостинице, питание, организация развлечений и т.д.), так и функционирующим в смежных областях (службы такси, общественного транспорта, строительство гостиниц и т.д.). При этом, поскольку главной целью, как частных, так и государственных компаний является получение высоких и стабильных доходов, обеспечивающих их конкурентное преимущество, применительно к практической организации туристической деятельности в рамках ТТРС правильнее говорить о территориальных туристско-рекреационных кластерах (ТТРК).

Кроме того, анализ экономических показателей эффективности функционирования туристической отрасли в форме ТТРК оказывается наиболее репрезентативным и ясно отражает уровень и тенденции «жизненного цикла» кластера. С помощью полученных аналитических данных можно легко смоделировать сценарии вероятных направлений его развития.

Одним из основоположников кластерной теории в экономике является известный американский ученый-экономист Майкл Портер. В своей статье «Национальное конкурентное преимущество» [2] автор дает определение кластера, как сконцентрированной по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу.

Автор разделяет мнение Портера о том, что кластеры играют важную роль в усилении конкурентоспособных преимуществ компаний, работающих в схожих видах экономической деятельности, способствуют увеличению экспорта и привлечению иностранных инвестиций. Конкурентоспособ-

ность той или иной компании во многом обеспечивается конкурентоспособностью ее экономического окружения, задающего определенный вектор для поступательного и стабильного роста и развития.

Пространственный охват кластера может варьировать от одного населенного пункта или района до страны или даже нескольких стран [3]. Наибольшими размерами обладают, как правило, отраслевые кластеры, представляющие собой «неформальное сообщество отраслевых и смежных компаний» [4], рассредоточенные на значительных по размерам территориях. Выделяются также и территориальные кластеры, которые согласно В.Л. Абашкину «в большей степени отражают главенство фактора географической локализации кластерных образований» [5]. Одним из критериев выделения территориального кластера служат прочные связи: горизонтальные и вертикальные, устанавливающиеся между входящими в него компаниями.

На сегодняшний день вопросы, связанные с определением роли и места кластеров в российской экономике, а также разработкой региональной кластерной политики актуализировались и лежат в сфере научных интересов многих российских ученых (С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер [6], И.В. Пилипенко [7] и др.). Особо следует отметить опубликованную монографию Ю.П. Ковалева [8], в которой рассматриваются теоретические вопросы формирования туристских кластеров и обосновывается применение кластерного подхода как наиболее эффективного инструмента управления туристско-рекреационными районами.

Ковалев отмечает, что «туристские кластеры могут рассматриваться как важные элементы туристского рынка», поскольку именно в них происходит формирование наиболее конкурентоспособного туристского продукта. В то же время нельзя полностью согласиться с предложенной ученым трактовкой туристского кластера, только как «сконцентрированной на определенной территории группе взаимосвязанных предприятий туристской сферы...», поскольку в создании качественного туристского продукта участвуют предприятия и организации разных секторов экономики.

Также заслуживает критической оценки определение, данное кластеру в последних поправках к Федеральному закону «Об

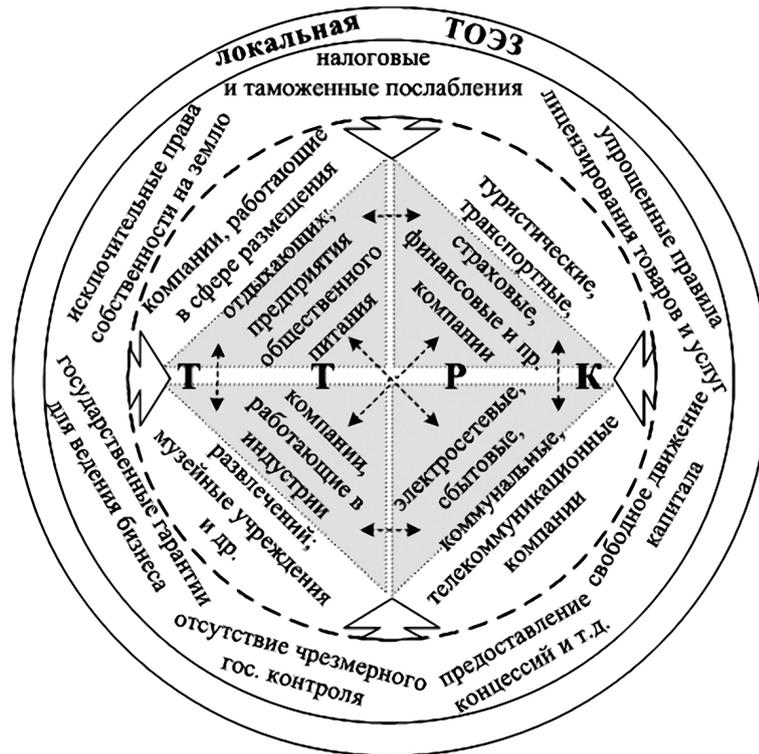

Рис. 1. Схема локального территориального туристско-рекреационного кластера в рамках ТОЭЗ (составлено автором)

особых экономических зонах в Российской Федерации». В них кластер трактуется как совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией [9]. Такое понимание кластера входит в противоречие с представлением о нем как организационной форме взаимодействия компаний, чья деятельность направлена на производство и дальнейшую реализацию какого-либо конкретного товара (группы товаров) или услуги, в то время как особые зоны являются средством повышения деловой активности и призваны содействовать формированию территориальных кластеров.

Резюмируя существующие к настоящему времени теоретические представления о кластерах, можно сформулировать определение территориального туристско-рекреационного кластера как сконцентрированной на некоторой локальной территории группе компаний, непосредственно занимающихся туристической деятельностью, а также

смежных отраслей (обеспечивающих нормальное функционирование туристической отрасли), взаимодополняющих и усиливающих конкурентные преимущества друг друга и кластера в целом.

Наиболее эффективной формой территориальной организации туристической отрасли представляется создание туристско-рекреационной особой экономической зоны (ТОЭЗ), в условиях которой, как нам видится, будет происходить формирование и развитие того или иного локального ТТРК. Автором была сделана попытка представить обобщенную схему формирования ТТРК в условиях ТОЭЗ (рис. 1). Здесь необходимо исходить из того, что особые зоны представляют собой некий набор экономических инструментов (налоговые и таможенные льготы, государственные гарантии, свободное движение капитала и т.д.), действие которых распространяется в пределах законодательно обозначенной территории. С другой стороны, ТТРК складываются на базе туристических активов и состоят из предприятий различных секторов, связанных с обслуживанием тури-

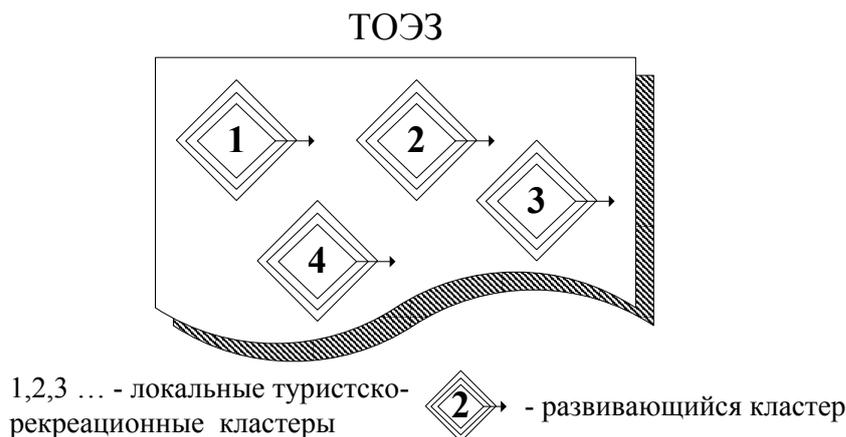

Рис. 2. Принципиальная схема наполнения территории ТОЭЗ локальными ТТРК (составлено автором)

стов, например, туристических операторов, гостиниц, сектора общественного питания, производителей сувенирной продукции, транспортных предприятий и других.

Несомненно, особый режим хозяйствования, а также льготные правовые условия, установленные на определенной территории специальным законодательством, являются одним из важных факторов привлечения частных компаний для развертывания своей деятельности. Снижение большого числа экономических барьеров для ведения бизнеса позволяет сформировать благоприятную конкурентную среду и повлиять на качественное и количественное развитие туристско-рекреационного обслуживания. Установление особого режима положительным образом скажется на повышении инвестиционной привлекательности ТОЭЗ и будет способствовать привлечению все новых участников туристического и околотуристического рынка.

Здесь встает важный и во многом дискуссионный вопрос, касающийся пространственной организации ТРК в особой зоне. В первую очередь, необходимо четкое осознание того, как географически соотносятся ТТРК и ТОЭЗ. Исходя из вышеприведенного определения кластера, сделаем предположение, что они могут формироваться и на сравнительно небольшой по размерам территории.

Согласно Федеральному закону «Об особых экономических зонах» (ст. 1 главы 4) создаваемые туристские особые зоны не имеют существенных ограничений по площади и мо-

гут занимать десятки и даже сотни квадратных километров. Таким образом, ТТРК и ТОЭЗ не обязательно должны совпадать в границах, поскольку имеют различный территориальный охват. Освоение территории в ТОЭЗ целесообразно проводить не сплошным, а точечным образом. В результате в пределах одной зоны может образоваться несколько локальных кластеров, которые, должны стать своеобразными точками (или полюсами) роста ТОЭЗ. При этом каждый такой локальный ТТРК имеет тенденцию к собственному росту и дальнейшему расширению (рис. 2).

В перспективе, при оптимистическом сценарии развития ТОЭЗ, может произойти последовательное слияние нескольких локальных кластеров, путем установления между ними прочных связей, в более крупное территориальное образование – региональный туристско-рекреационный кластер (РТРК), понимаемый как совокупность некоторого числа локальных ТТРК [10]. Термин «региональный» в данном контексте понимается как более высокая степень территориального охвата процесса кластеризации экономики. Региональный ТРК следует рассматривать в качестве важного системообразующего элемента пространственной организации экономики. В дальнейшем при благоприятных экономических условиях и конъюнктуре рынка процесс кластеризации может привести к формированию кластеров более высокого ранга (рис. 3).

При этом, отметим, что кластеры не являются структурами, возникающими исклю-

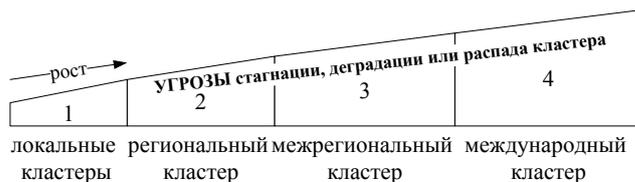

Рис. 3. Схема развития ТТРК (составлено автором)

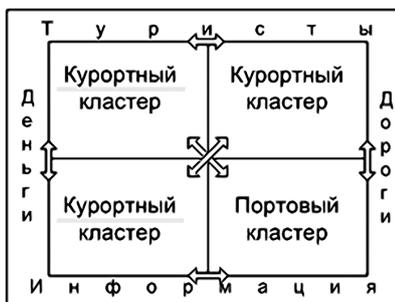

Рис. 4. Модель регионального туристско-рекреационного кластера (составлено автором)

чительно только в особых зонах. Границы как локального ТТРК, так и более крупного РТРК могут выходить за пределы особой зоны, а также соединяться с другими расположенными вне этих зон объективно сложившимися территориальными кластерами. В качестве связующих ТТРК звеньев выступают, в первую очередь, потоки туристов, а также транспортная и телекоммуникационная сети, отлаженные механизмы работы финансово-кредитной системы. Предложенная на схеме модель РТРК отражает уровень взаимодействия между некоторым числом локальных ТТРК (рис. 4).

В настоящее время одним из приоритетных направлений социально-экономического развития субъектов РФ является реализация кластерной политики, заложенной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [10]. Согласно ей предусматривается, в частности, создание туристско-рекреационных зон с высоким уровнем оказания услуг сервиса на территориях с уникальными природно-климатическими условиями в европейской и азиатской части России. На начальном этапе предусмотрена поддержка проектов развития кластеров, формирующихся на базе уже созданных ОЭЗ. Предполагается, что особые экономические зоны способны дать значительный мультипликативный эффект

в достижении результатов реализации кластерной политики как на региональном, так и межрегиональном уровнях.

Следует отметить, что в 2011 г. российскими властями был принят целый ряд законодательных мер по содействию реализации кластерной политики в сфере туризма. Так, Правительством была утверждена Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [11]. Ее авторы отмечают, что максимальная эффективность от осуществления мероприятий, обозначенных в Программе, будет достигнута за счет развития туристско-рекреационной инфраструктуры ограниченного числа субъектов РФ, наиболее перспективных с точки зрения развития внутреннего и въездного туризма, с использованием кластерного подхода. Кроме того, необходима реализация проектов федерального масштаба, направленных на ускоренное развитие межрегиональных туристских возможностей и повышение качества услуг.

В то же время нужно обратить внимание на то, что в ФЦП ни слова не говорится о комплексном развитии туристско-рекреационной и обеспечивающей инфраструктуры в ТОЭЗ, хотя приоритетность данного направления представляется первостепенной. Государство должно показать потенциаль-

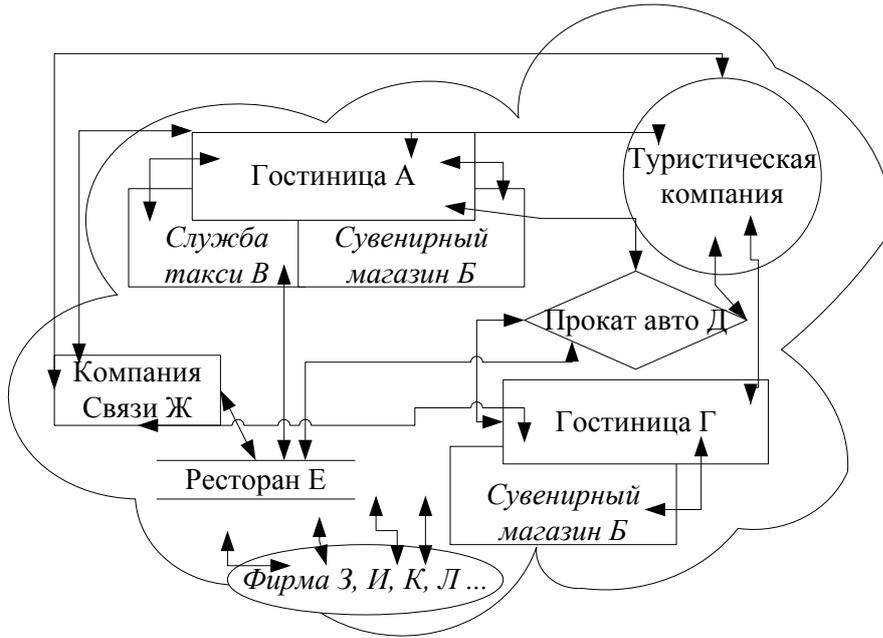

Рис. 5. Модель формирования ТТРК путем взаимодействия туристических и околотуристических предприятий в рамках ТОЭЗ (составлено автором)

ным инвесторам свою высокую заинтересованность в скорейшем запуске учрежденных особых зон.

При этом надо подчеркнуть, что формирование ТТРК в ТОЭЗ происходит естественным образом. В данном случае речь идет о том, что многочисленные инвесторы-резиденты особых зон для получения скорейших дивидендов от реализации своих проектов, несомненно, станут искать всевозможные пути взаимовыгодного сотрудничества друг с другом (рис. 5).

Государственным органам власти как федерального, так и регионального уровня отводится важная роль по организации особых зон, в том числе туристско-рекреационных, которая заключается в: 1) научно-обоснованном выборе территорий для организации ТОЭЗ; 2) законодательном закреплении специального хозяйственно-правового статуса данных территорий; 3) применении оптимальных форм государственно-частного партнерства, с целью распределения ответственности между государством и бизнесом по развитию данных зон. Государство осуществляет также контрольно-надзорную функцию за соблюдением законности ведения предпринимательской деятельности в зонах и следит за тем, чтобы состояние обслужи-

вающей инфраструктуры (дороги, электрические сети, коммунальное хозяйство и т.д.) находилось на должном уровне.

Особое внимание заслуживают вопросы разработки методики выбора территории для целей создания ТОЭЗ. На самом деле, это довольно трудоемкая и сложная работа, заключающаяся в многофакторном анализе природного и социально-экономического потенциала территории, наиболее подходящей для организации особой туристической зоны. В систематизированном виде примерные этапы подобного туристско-рекреационного исследования представлены в таблице 1. Каждый этап отражает самостоятельный блок аналитических и оценочных работ.

Выделенные этапы исследования в основном отвечают требованиям, предъявляемым к потенциальным ТОЭЗ, законодательно закрепленным в Положении о проведении конкурса по отбору заявок на создание особых экономических зон, утвержденным Правительством РФ [12].

Большую важность приобретает оценка и анализ социально-экономических условий и факторов, напрямую влияющих на успешную реализацию туристско-рекреационной функции выбранной территории. Следует иметь в виду, что не каждый

*Этапы туристско-рекреационного исследования региона
для целей создания ТОЭЗ*

<p>I ЭТАП – Анализ и оценка природного и культурно-исторического туристско-рекреационного потенциала территории (усиливающего конкурентные преимущества региона). Цель этапа: обоснование выбора направлений развития туризма в регионе и отбор регионов, отвечающих заданным критериям Общие критерии: а) оценка медико-биологических параметров территории и соответствия санитарным нормам; б) психолого-эстетическое воздействие на отдыхающих; в) технико-экономическое заключение стоимости мероприятий по окультуриванию территории и капитальному строительству, а также безопасности строительства туристско-рекреационных объектов г) экологическое состояние территории (измерение качественного состава атмосферы, гидросферы, литосферы); д) значения рекреационной емкости и освоенности территории (для уже вовлеченных в туристско-рекреационное использование) Специфические критерии, предъявляемые отдельными видами туризма: <i>Пляжный отдых:</i> число солнечных дней в году и дней со среднемесячной температурой выше 15°C, изрезанность береговой линии, состояние пляжей, безопасность морской акватории и т.д. <i>Горнолыжный туризм:</i> высота и пологость склонов, число дней с постоянным снежным покровом, безопасность спусков, угроза лавин и т.д. <i>Экологический туризм:</i> степень благоустроенности и уровень безопасности при прохождении экологических троп, информационная обеспеченность территории, оборудование мест для организации стоянок туристов, пикников и т.д.</p>
<p>II ЭТАП – Диагностика социально-экономических условий развития регионов, в которых предполагается создание ТОЭЗ: Цель: отбор наиболее конкурентоспособных (с позиций возможностей развития туристической отрасли) регионов на основе использования системы показателей</p>
<p>III ЭТАП – Оценка локальных (на уровне муниципальных образований) социально-экономических предпосылок для развития конкретных видов туристско-рекреационной деятельности Цель: обоснование места размещения и границ ТОЭЗ</p>
<p>IV ЭТАП – Определение приоритетных направлений развития ТОЭЗ и возможностей ее кластеризации Цели: разработка стратегии развития зоны, привлечение инвесторов, широкая рекламная кампания туристско-рекреационного потенциала и др.</p>

регион, в котором расположена территория, удовлетворяющая природным критериям для развития конкретного вида (видов) туризма, обладает оптимальным сочетанием экономических и социальных предпосылок для создания успешно работающей ТОЭЗ. Поэтому, уже на втором этапе, на основании сравнительного анализа социально-экономических показателей необходимо ранжировать регионы по приоритету создания особых зон и выявить те из них, которые являются наиболее привлекательными с точки зрения осуществления предпринимательской деятельности.

Поскольку в региональной диагностике применяется целый набор разноплановых социально-экономических показателей, в большей мере отвечает задачам исследования метод интегральных оценок объектов [13]. Согласно В.Е. Минакеру, в качестве

интегральной оценки принимается арифметическая сумма оценок частных параметров, $P_{\Sigma} = P_1 + P_2 + \dots + P_i$, где: P_{Σ} – интегральная оценка объекта, P_i – оценка i -го параметра. Особый вопрос в оценках подобного рода занимает проблема неодинаковой важности частных параметров. Как правило, эту проблему решают введением коэффициентов весовости параметров. Каждому параметру методом экспертных оценок присваивается весовой коэффициент, отражающий его важность в конкретной ситуации. Тогда формула (1) для расчета интегральной оценки принимает вид $P_{\Sigma} = k_1 P_1 + k_2 P_2 + \dots + k_i P_i$, где: k_i – весовой коэффициент i -го параметра.

В нашем случае, при оценивании факторов наибольший вес будут иметь те факторы (и соответственно характеризующие их показатели), которые в большей мере влияют на освоение туристско-рекреационного

Таблица 2

*Примерный набор показателей, используемых для интегральной
туристско-рекреационной оценки региона*

Факторы	Показатели	Единицы измерения	
Макроэкономические	Валовой региональный продукт на душу населения	руб.	
Финансово-банковские	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	% к ВРП	
	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ		
	Уровень кредитования экономики региона	% к ВРП	
	Уровень организованных сбережений населения	% к ВРП	
	Региональный уровень развития банковской инфраструктуры	ед. на 100000 жителей	
Инфраструктурные	Фондонасыщенность территории	млн руб. на км ²	
	Густота железнодорожных путей общего пользования	км на 1000 км ² территории	
	Густота автомобильных дорог с твердым покрытием	км на 1000 км ² территории	
	Отправление пассажиров воздушным транспортом из аэропортов	чел.	
	Объем транспортных услуг на душу населения	руб.	
	Удельный вес общей площади жилого фонда, оборудованной:	водопроводом	%
		канализацией	%
		газом	%
Производство электроэнергии на душу населения	квт*ч		
Сервисные	Оборот розничной торговли на душу населения	руб.	
	Оборот общественного питания на душу населения	руб.	
	Объем услуг связи, оказанных населению, в расчете на одного жителя на душу населения	руб.	
Туристско-рекреационная сфера	Число гостиниц и аналогичных средств размещения	ед.	
	Численность размещенных в коллективных средствах размещения	чел.	
	Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения на душу населения	руб.	
Инвестиционные ресурсы	Инвестиции в основной капитал на душу населения	% к ВРП	
	Инвестиционный потенциал региона	баллы	
	Инвестиционные риски	баллы	
Строительство	Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство» на душу населения	руб.	
	Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения	м ² общей площади	
Трудовые ресурсы	Численность экономически активного населения	чел.	
	Среднегодовая численность занятых в экономике	чел.	
	Численность зарегистрированных безработных	чел.	
	Уровень безработицы	%	
Уровень развития социальной сферы	Число больничных коек на 10 000 человек населения	ед.	
	Число зарегистрированных преступлений	чел. на 100 000 чел. населения	

потенциала территории, где планируется организация ТОЭЗ (табл. 2). Кроме того, представляется целесообразным ранжировать

социально-экономические факторы в зависимости от степени их влияния на формирование особой зоны.

Представленные в таблице показатели отражают сложившиеся социально-экономические условия, а также уровень развития отдельных видов экономической деятельности, непосредственно влияющих на процесс становления туристической отрасли в регионе. Методика исследования предполагает ряд аналитических действий:

1) отбор приоритетных для развития туризма регионов на основе оценки природного и культурно-исторического туристско-рекреационного потенциала;

2) расчет представленных показателей по каждому из выделенных регионов;

3) сопоставление полученных результатов со среднероссийскими значениями данных показателей;

4) группировка (типология) регионов на основе балльной оценки, учитывающей отклонения расчетных показателей от среднероссийского уровня.

В итоге проведенного комплексного анализа обосновывается выбор территорий, наиболее подходящих для организации ТОЭЗ.

Библиографический список

1. Мажар, Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы. Монография / Л.Ю.Мажар. – Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.
2. Porter M.E. The competitive advantage of nations. New York: The Free Press, 1990.
3. Портер, Майкл, Э. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.
4. Арутюнов Ю.А. Формирование региональной инновационной системы на основе кластерной модели экономики региона [Электронный ресурс] Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования СыктГУ. – 2008. – №4 (<http://koet.syktu.ru/vestnik/2008/2008-4/1/1.htm>)
5. Абашкин В.Л. Процессы кластеризации экономики регионаи оценка условий их реализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / В.Л. Абашкин; Финансовая академия при Правительстве РФ. – М., 2010.
6. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011.
7. Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Москва-Смоленск: Ойкумена, 2005.
8. Ковалев Ю. П. Туристские кластеры: теоретические и методологические вопросы формирования. – Смоленск: Универсум, 2009.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. N 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»
10. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р
11. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» от 2 августа 2011 г. № 644.
12. Постановление Правительства Российской Федерации № 563 от 13 сентября 2005 года «Об утверждении Положения о проведении конкурса по отбору заявок на создание особых экономических зон»
13. В.Е. Минакер, М.В. Быховский. Проблемы интегральных оценок технических систем: материалы ТРИЗ-Саммит-2006.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Skobelin O.I.

ANALYSIS OF HEALTH INSURANCE SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье сделан анализ некоторых проблем организационного характера, стоящих на данном этапе перед системой обязательного медицинского страхования в России, особенно вопросов финансирования и поисков резервов повышения ее эффективности.

Abstract. In hereby article there is made an analysis of a few problems of organizational nature which national health care faces at present stage, genesis and development of health care financing system and its opportunities to discover reserves to increase efficiency.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, финансирование системы здравоохранения.

Key words: compulsory health insurance system, health care financing system.

В настоящее время ситуация в отечественном здравоохранении продолжает оставаться тяжелой. Россия значительно отстает от стран ЕС как по основным показателям здоровья населения, таким как смертность и заболеваемость, так и по объёму ресурсов, выделяемых на здравоохранение, выраженных как в расчете на душу населения, так и в процентах от ВВП. В качестве решения проблемы отставания от развитых стран по качеству здравоохранения предлагается две следующие стратегии:

«1. Стратегия догоняющего развития – сокращение разрыва с западноевропейскими странами в качестве и доступности медицинской помощи главным образом за счет наращивания финансирования здравоохранения. Но для достижения в 2020 г. сегодняшнего уровня финансирования здравоохранения в странах Запада потребуется, как минимум, пятнадцатипроцентный ежегодный прирост государственных расходов на здравоохранение.

2. Стратегия асимметричного ответа: приоритет обеспечению комплексности и росту эффективности:

- формирование здорового образа жизни и профилактика заболеваний
- повышение эффективности использования ресурсов системы здравоохранения» [10, с. 3].

Достижение уровня здравоохранения развитых стран не представляется возможным лишь за счет наращивания объемов ресурсов. Здесь требуется системная работа, направленная на повышение эффективности функционирования сферы здравоохранения.

Кроме того, «все больше исследований свидетельствуют, что средства, потраченные на здравоохранение, сами по себе могут способствовать экономическому росту» [12, с.15]. Суть вклада здравоохранения в экономический рост заключается в создании качественного человеческого капитала, способствующего росту конкурентоспособности экономики. Исследования свидетельствуют, что состояние здоровья гражданина влияет на такие экономические категории, как его заработная плата, предложение труда и его производительность, а также объём сбережений и образование [11, с. 12].

Российская Федерация была одной из первых стран на постсоветском пространстве, перешедших от бюджетной модели финансирования здравоохранения к системе обязательного медицинского страхования (ОМС). Создание данной системы предписывается инициативе канцлера Отто фон Бисмарка в Германии в 1883 г., в честь которого эту модель часто называют системой Бисмарка. Данная модель считается альтернативой другим вариантам системы финансирования здравоохранения: бюджетному и частному.

В рамках системы ОМС основным источником финансирования оказания медицинских услуг выступают страховые взносы отдельных категорий страхователей. Для работающих граждан такими страхователями выступают их работодатели, осуществляющие выплаты страховых взносов на ОМС, выражаемые в проценте от фонда оплаты труда. Страхователем неработающих граждан является государство,

перечисляющее страховые взносы на ОМС неработающего населения из государственного бюджета. «ОМС обеспечивает солидарное участие граждан и работодателей в финансировании здравоохранения по принципу «здоровый платит за больного, богатый за бедного» [2, с. 324].

Для осуществления государственной политики в сфере ОМС был создан Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, аккумулирующий средства ОМС, осуществляющий выравнивание финансовых условий финансирования здравоохранения на региональном уровне и выполняющий функции нормативно-правового регулирования. Каждый субъект Российской Федерации имеет региональное подразделение Федерального фонда – территориальный фонд обязательного медицинского страхования, за которым закреплены соответствующие функции, включая сбор взносов на ОМС на территории субъекта.

Территориальный фонд ОМС осуществляет финансирование страховых медицинских организаций (СМО) по подушевому принципу с учетом половозрастных факторов.

Страховые медицинские организации, в свою очередь, оплачивают услуги медицинских учреждений, а также следят за защитой из интересов.

Функции государственных органов управления здравоохранением существенно изменились. Вместо прямого финансирования сети медицинских учреждений они сместились в сторону контроля качества услуги и соблюдения нормативных требований, реализацией целевых программ и инвестиционных проектов [2, с. 435].

Однако, несмотря на то, что переход от бюджетного финансирования, присущего командной экономической системе, на страховую модель считался весьма перспективным как для организации финансирования здравоохранения, так и для здоровья населения и защиты прав граждан, ряд исследователей отмечает, что системе ОМС в России свойственны отдельные недостатки, существенно снижающие эффективность её работы [13, с. 71].

Рыночный механизм должен был не только устранить проблемы неэффективности или низкого качества, но также решить проблему излишних мощностей, так как планировалось, что неконкурентоспособные по-

ставщики исчезнут с рынка из-за отсутствия контрактов со страховщиками. Введение свободного выбора потребителем страховщика будет стимулировать конкуренцию и сделает систему восприимчивой к нуждам клиентов [13, с. 76].

Однако так и не удалось обеспечить достаточный уровень развития конкуренции. Во-первых, для работающих граждан страховщика выбирал их работодатель, а для неработающих – администрация субъекта РФ, что препятствовало осуществлению свободного выбора гражданином страховой компании. «В системе ОМС Российской Федерации накопился ряд серьезных проблем, требующих срочного решения. Одна из таких проблем – недостаточность условий для реализации действительно конкурентной модели деятельности страховых медицинских организаций. Более 300 таких организаций конкурируют между собой, но их конкуренцию трудно признать эффективной с точки зрения интересов застрахованных» [4, с. 23]. Лишь в новом федеральном законе «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» прописываются положения, позволяющие населению самостоятельно выбирать страховую медицинскую организацию [6].

Другой проблемой стала политика, при которой территориальный фонд должен дотировать убыточные страховые организации из нормированного страхового запаса, что снимает со страховщиков все финансовые риски, несмотря на то, что они являются коммерческими организациями, работающими ради максимизации прибыли. «По аналогии с ДМС, страховщики в системе ОМС должны нести финансовые риски. Эти риски связаны с отклонениями фактических расходов на медицинскую помощь застрахованным от расходов, планируемых государством. Страховщики оплачивают медицинскую помощь не только в пределах полученных от государства средств, но и за счет собственных средств. Их неспособность уложиться в установленный порядок финансирования влечет за собой прямые экономические потери. При этом государство устанавливает конкретную пропорцию финансовых рисков, которые берут на себя страховщики и солидарный фонд. Ответственность за финансовые риски является сильным фактором оптимизации издержек на оказание

медицинской помощи. Индифферентный транслятор средств ОМС уступает место рациональному покупателю медицинской помощи, который определяет зоны неэффективности в здравоохранении и предпринимает меры по их ликвидации» [5, с. 58].

Между тем, на региональном уровне многие субъекты решили снизить финансирование здравоохранения из регионального бюджета либо недостаточно полно выполняли обязательства по выплате страховых взносов в территориальные фонды, предпочитая финансировать медицинские организации напрямую. Во многом стремление прямого финансирования медицинских организаций напрямую из регионального бюджета объясняется нежеланием администрации субъекта РФ терять влияние на учреждения здравоохранения и рычаги управления ими, а также угрозы попасть под действие штрафных санкций в случае принятия и невыполнения обязательств по выплате страховых взносов. В результате подобных действий, а также в виду недостаточно четкого разграничения статей расходов между региональным бюджетом и средствами территориальных фондов, система здравоохранения оказалась снова недофинансированной.

Финансирование учреждений здравоохранения как из бюджета, так и за счет страховых средств породило новую проблему: поставщики получили противоречащие друг другу финансовые стимулы, так как методы оплаты из различных источников были привязаны к различным показателям. Кроме того, функции планирования и ведения финансовой отчетности также были затруднены. Необходимость отхода от бюджетной модели финансирования здравоохранения подчеркивается и в международных исследованиях [12, с. 26].

В общих словах можно резюмировать, что переход на страховой механизм финансирования здравоохранения будет способствовать решению проблем, доставшихся в наследство от СССР, а также создаст рыночные стимулы для повышения эффективности системы здравоохранения и качества медицинских услуг. Если преодоление дефектов, перешедших от Советского Союза еще можно назвать успешным, то, что касается развития рыночных отношений, здесь можно отметить, что надежды не совсем оправдались. На наш взгляд, главным фактором снизив-

шим успешность реформирования системы финансирования здравоохранения выступила несоответствующая архитектура модели ОМС, не позволившая добиться должного уровня конкуренции среди основных контрагентов.

Постепенное исправление недостатков, присущих системе ОМС, растянулось на длительный процесс её реформирования, который длится и по настоящее время. Так, в ноябре 2010 года был принят Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». В нём содержатся новшества, отменяющие коллективное страхование граждан работодателями или администрацией субъекта РФ, закрепляется право индивидуального выбора гражданином страховой медицинской организации [8, с. 8].

Другим позитивным нововведением является обеспечение медицинской помощи независимо от места проживания застрахованного гражданина за счёт совершенствования организации межтерриториальных расчетов.

Продолжается переход к модели однонального финансирования: с 2012 года часть расходов, ранее финансировавшихся за счет регионального бюджета, например ремонт, приобретение оборудования, средства на повышение квалификации, будут оплачиваться за счет средств ОМС. Кроме того, намечается движение по внедрению передовых методов оплаты медицинской помощи, создающих стимулы для более эффективного поведения поставщиков медицинских услуг.

Положительным образом на развитии системы ОМС должна сказаться работа по совершенствованию бюджетного процесса. «Для распределения ресурсов между различными направлениями движения к ... цели важное значение будет иметь внедрение механизма бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), и в частности, методов оценки эффективности расходов в здравоохранении. БОР рассматривает финансирование здравоохранения как процесс, в котором ресурсы используются для получения результата, связанного с улучшением состояния здоровья и продлением жизни населения. Поэтому необходимыми составляющими БОРа являются оценка результативности организации медицинской помощи (отраслевой уровень) и оценка результатив-

ности лечения и профилактики болезней (уровень учреждений здравоохранения), которые должны определить, приводит ли изменение условий финансирования к желаемым результатам» [1, с. 112].

Система обязательного медицинского страхования в России прошла несколько непростых этапов в ходе своего развития. Её введение в начале 1990-ых годов в период социальной и экономической нестабильности способствовал предотвращению коллапса системы финансирования медицинской помощи. Между тем, организационной модели системы ОМС был присущ ряд ограни-

чений, значительно снижающих её эффективность. В этой связи был предпринят ряд шагов, направленных на реформирование системы обязательного медицинского страхования. Как показывают недавние исследования [9, с. 114], государства, возникшие на постсоветском пространстве, при переходе от бюджетного финансирования здравоохранения к страховой модели так же испытывали схожие затруднения. В контексте данного исследования можно заключить, что реформирование системы ОМС в России происходит в рамках аналогичных мировых тенденций.

Библиографический список

1. Дуганов М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях / М.Д. Дуганов. – М.: ИЭПП, 2007. – 112 с.
2. Колосницына М.Г., под науч. ред.: Экономика здравоохранения [Текст]: учеб. пособие; / Колосницына М.Г., Шейман И.М., Шишкин С.В. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
3. Улумбекова, Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года» / Г.Э. Улумбекова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
4. Шейман И.М. Конкурентная модель обязательного медицинского страхования: опыт Нидерландов и его значение для России // Экономика здравоохранения. – 2006. – № 3–4 (102).
5. Шейман И.М. Теоретические аспекты проблемы конкуренции в здравоохранении // SPERO. – 2007. – №7. – Осень – Зима.
6. Федеральный закон N 326 от 29.11.2010 «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», статья 16. 2011, Собрание законодательства Российской Федерации, № 25, ст. 3529.
7. Постановление Правительства РФ № 811 от 2 октября 2009 г. «О программе государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи на 2010 год». – М.: Российская газета – Федеральный выпуск № 5028. – 2009. – 28 октября.
8. Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации // Научно-практический журнал. – 2011. – №1.
9. Kutzin J, Implementing Health Financing Reform. Lessons from countries in transition. / Kutzin J, Cashin C, Jakab M. World Health Organization 2010, on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies. WHO Regional Office for Europe, Scherfigsvej 8, DK_2100 Copenhagen, Denmark.
10. Shishkin S.V. The World Bank Workshop «Health Financing Reforms to Improve Quality of Care: International Experience, Evidence and Prospects for the Russia Federation» Moscow April 26, 2011 .
11. Suhrcke M. and others. The contribution of health to the economy in the European Union. 23 August 2005.
12. Thomson S., Health care financing in European Union. / Thomson S., Foubister T., Mossialos E. World Health Organization 2010, on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies. WHO Regional Office for Europe, Scherfigsvej 8, DK_2100 Copenhagen, Denmark.
13. Tragakes, E. and Lessof. S. In: Tragakes, E., ed. Health care systems in transition: Russian Federation. Copenhagen, European Observatory on Health System and Policies, 2003.

З.А. Трифонова (Чебоксары)

ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТОЛИЦ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК РОССИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ¹

Trifonova Z.A.

THE INNOVATIVE POSSIBILITY OF POPULATION THE CAPITAL OF NATIONAL REPUBLIC ON THE RUSSIA: THE MODEL DIFFERENCE

Аннотация. Представлены материалы исследования инновационных возможностей населения в ключевых столицах национальных республик России и их типологические различия. Получены индексы инновационной активности и характера трудовой активности горожан. В соответствии с типологическими особенностями предложены стратегии формирования культурного потенциала столиц.

Abstract. This article is about research innovative possibility of population the capital of national republic on the Russia and model difference. The indicators of innovative active and character of labour active was turn. The strategy of cultural potential the capital was introduce in accordance with model peculiarity.

Ключевые слова: инновации, Россия, столицы национальных республик, типологические различия.

Key words: innovation, Russia, the capital of the national republics, typological differences.

Обращение к таким категориям, как «человеческий капитал», «культурный потенциал» обусловлено трансформацией социально-экономических отношений, сменой индустриального на постиндустриальный (информационный) тип общественной организации. Информационное общество рассматривается его теоретиками (Д. Белл, О. Тоффлер, Р. Хейлбронер, Т. Сакайя, П. Дракер, Ф. Фукуяма, Дж. Гэлбрейт и др.) как совершенно новый этап в развитии цивилизации [1,4,9]. Соответственно изменяются принципы и факторы социально-экономического развития территориальных систем разного уровня. Современными исследователями признается, что факторами успешного развития регионов в информационном обществе выступают институциональные ресурсы, человеческий капитал, а также потенциал места или «агломерационные возможности» (Дж. Коткин, П. Кругман, Д. Харвей, М. Фуджита, Б.О. Лундваль, Б. Асхайм, А. Изаксен) [3,5,8, 13]. В свою очередь, на региональном уровне преимущества имеют центры. Большинство инноваций зарождается или транслируется через региональные центры. А их население одновременно является создателями, исполнителями и потребителями услуг и продуктов инноваций. Пристальное внимание к проблеме анализа качества человеческих ресурсов обусловлено все возрастающей ролью этого фактора на развитие, как самих центров, так и их регионов. Это

становится заметно при микроанализе зарубежных регионов, имеющих равные условия транспортной и ресурсной доступности.

На материале российских регионов роль человеческого капитала или человеческих ресурсов, по-видимому, еще не столь очевидна, с учетом ресурсного «флюса», представленного в национальной экономике и в регионах-лидерах. Тем интереснее было бы рассмотреть составляющие человеческого капитала и их индикаторы в национальных территориях России. Какова роль этнокультурных различий, и выступают ли они в качестве дополнительного фактора инновационного развития своих регионов? Заметим, что на современном этапе столицы национальных республик являются подлинными центрами развития этнической культуры, впрочем, также как и человеческого капитала и республиканских инноваций. Задача усложняется наличием этно- и социо-культурных различий между столицами российских национальных республик, которые определяются действием многочисленных причин и условий природного и социально-экономического характера. Задачей исследования было выявление инновационных возможностей населения центров национальных территорий России.

Работа велась по материалам ранее проведенных автором социологических исследований (2006, 2008, 2010 гг.). В частности использовались ответы интервью экспертов

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ 09-06-00117-а, РГНФ 11-12-21004 а/В.

в ключевых столицах: Казани, Чебоксарах, Махачкале, Сыктывкаре, а также материалы опроса горожан по анкете, объем выборки составил 500 человек, выборка была квотной, по полу и национальностям. Отдельно в 2010 г. проводилось исследование инновационных возможностей работающего населения в Чебоксарах, Махачкале, Казани и Сыктывкаре, объем выборки оставил 300 человек в каждом городе, выборка была квотной, по полу и национальностям.

Выбор городов определялся их типологическими различиями. Типология выстраивалась на основе двух переменных: возраст выполнения центральных функций и уровень индустриализации. Такой подход позволяет совместить хронологию и эволюцию, благодаря анализу центральных функций городов и учету характера хода индустриализации, которая в принципе определила качество человеческих ресурсов в исследуемых городах. Ранее нами проводилась классификация центров национальных территорий с позиций динамических изменений их административного статуса и географии влияния на подчиненные территории [10]. Современные столицы национальных территорий до 1917 г. имели разные административные статусы, которые соответственно в XX в. уменьшили или расширили зоны административного влияния (рис. 1).

В свою очередь, приведенные на рис. 1 характеристики позволили выделить 3 типа и 2 подтипа столиц национальных республик, каждый из которых изучался на примере ключевого города.

1 тип представлен Казанью – город-миллионник со значительным опытом центральных функций и со сложившимися индустриальными навыками населения (к этому типу подходит также Уфа).

2 тип представлен Чебоксарами и Сыктывкаром – большие города, имеющие незначительный опыт центральных функций и ограниченный опыт индустриализации. В этой группе собраны 16 городов, имевших в прошлом статусы уездных центров или заштатных городов, встречаются здесь также новые города, сразу назначенные столицами. Кроме того они отличаются хозяйственной специализацией, которые условно можно разделить на два подтипа: центры обрабатывающей промышленности и ресурсные центры. В связи с этим было выбрано два города, де-

монстрирующих отличия в индустриальном профиле. Чебоксары представляют столицы, имеющие в основе хозяйственного комплекса развитое машиностроение (к такому же типу относятся Йошкар-Ола, Ижевск, Саранск, Петрозаводск, Владикавказ). Сыктывкар является примером центров, в основном ориентированных на переработку природных ресурсов (так же как Абакан, Улан-Удэ, Якутск, Ханты-Мансийск, Кызыл, Салехард, Нарьян-Мар, а также условно Анадырь).

3 тип представлен Махачкалой – большой город с незначительным опытом центральных функций, возглавляющий аграрно-индустриальный периферийный регион. Сравнительная молодость индустрии определила качество трудовых ресурсов, формирующих индустриальные навыки. Подобный тип распространен в столицах республик Северо-Кавказского федерального округа. Для детализации уровня дифференциации северокавказских республик по совокупности социально-экономических показателей, можно сослаться на работу И.П. Рязанцева и А.Ю. Завалишина, в которой Дагестан, например, относят к типу отсталых периферийных регионов страны [7]. На наш взгляд, лишь Владикавказ несколько отличается. Владикавказ в прошлом был центром Терской провинции, жители этого города имеют воспроизводимые из поколения в поколение навыки индустриального труда. К 3 типу, как нам кажется, следует отнести Горно-Алтайск, а также Биробиджан.

Дальнейшее исследование выстраивалось на основе анализа инновационных характеристик человеческого капитала в ключевых столицах. Анализировалась инновационная активность населения, а также предпочтения и характеристики трудовой активности. Респондентам был задан вопрос об участии в создании чего-либо нового, что позволило выявить группу новаторов – организаторов нового дела или проекта и группу первых последователей – участников нового дела или проекта. Результаты продемонстрировали наличие типологических различий в инновационной активности населения исследуемых столиц. В сумме удельный вес собственно новаторов и первых последователей оказался выше в Казани, а самый низкий показатель пришелся на Махачкалу.

По величине собственно новаторов-организаторов лидирует Казань – 11%, наи-

Таблица 1

Степень отношения к условиям трудовой деятельности (индекс соответствия)

№	Условия трудовой деятельности	Казань	Чебоксары	Сыктывкар	Махачкала
1	Определенный режим работы	0,55	0,66	0,61	0,49
2	Исполнительное творчество	0,53	0,59	0,54	0,45
3	Степень уважения на работе	0,89	0,86	0,88	0,89
4	Собственное участие в управлении	0,64	0,53	0,54	0,44
5	Удовлетворенность работой	0,74	0,71	0,68	0,63
6	Готовность взяться а более сложную работу	0,61	0,52	0,62	0,48
7	Использование своих идей	0,62	0,61	0,56	0,54
8	Развитие своих способностей	0,51	0,58	0,55	0,47
9	Наличие контактов	0,91	0,89	0,82	0,90

меньший показатель в Махачкале и Сыктывкаре – по 7%. По доле людей с быстрой восприимчивостью к новым идеям, т.е. первых последователей лидируют Чебоксары – 18%, наименьший показатель в Махачкале – 11%. Сравнительные преимущества Казани по числу новаторов-организаторов, по видимому, определяются особыми характеристиками культурного потенциала города. По мнению экспертов на инновационную активность горожан влияют социо-культурные особенности городского сообщества, уровень демократичности власти, открытости и прозрачности проводимых в городе реформ и преобразований, который обобщенно назовем социо-культурным потенциалом. В этом плане Казань является городом, в котором постоянно проводятся пилотные проекты регионального и федерального значения, не только в бюджетных, но и в коммерческих структурах. Среди последних проектов можно назвать такие проекты, как «Одно окно», «Электронное правительство», или технические нововведения в работе ГБДД Казани. Установки жителей Казани определяются в основном индивидуальными достижениями, а не надеждой на решения властей.

Противоположная картина наблюдается в Махачкале. По мнению экспертов и жителей Махачкалы, а также нашим наблюдениям, характер городского управления в городе близок к авторитарному типу, городское сообщество слабо организовано, уровень доверия муниципальной и республиканской власти низкий. Неслучайно, что 2/3 респондентов Махачкалы, указали на то, что больше доверяют федеральным органам. В таких условиях созда-

ние нового дела просто затруднительно. По меткому выражению А.Х. Борова, в этих условиях народы Северного Кавказа оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации [2].

Качественные характеристики работающего населения рассматривались с позиций отношения респондентов к характеру трудовой деятельности на шкале: «соответствует – скорее соответствует, чем не соответствует – скорее не соответствует, чем соответствует – не соответствует». Респондентам предлагались самые разные характеристики трудовой деятельности, указанные в табл. 1, 2 и впервые предложенные в работе О.И. Шкаратана [11,12]. Анализ ответов на эти вопросы позволяет выявить общую ориентированность респондентов на тип трудовой активности: аграрно-индустриальный, индустриальный, постиндустриальный.

Сравнительная оценка ситуации в ключевых городах проводилась с помощью индексов, величина которых изменяется от 0 до 1. Рассчитывались они путем суммирования ответов респондентов, выбравших ответы «соответствует» и «скорее соответствует, чем не соответствует» (табл. 1).

Результаты продемонстрировали значительные различия между типами городов. Наличие определенного режима работы типично для индустриальной экономики с конвейерным производством и посменным режимом. Сравнительно высокие значения индекса в Чебоксарах и Сыктывкаре, являющихся индустриальными центрами своих республик, контрастируют с Махачкалой – сто-

Таблица 2

Индекс удовлетворенности населения социо-культурным потенциалом

Институты социо-культурной сферы	Казань	Чебоксары	Сыктывкар	Махачкала
Качество школьного образования	0,61	0,65	0,6	0,57
Уровень и качество среднепрофессионального образования	0,68	0,54	0,53	0,49
Уровень и качество высшего профессионального образования	0,64	0,54	0,56	0,51
Характер деятельности театров	0,72	0,69	0,59	0,51
Уровень актерского и режиссерского мастерства	0,71	0,68	0,55	0,53
Характер деятельности учреждений массовой культуры (клубы, дворцы культуры, библиотеки, кинотеатры)	0,85	0,76	0,75	0,71
Уровень и качество работы музеев	0,76	0,74	0,71	0,68
Характер проповеднической деятельности конфессий (церкви, мечети, синагоги и др.)	0,89	0,67	0,66	0,88
Качество работы местных СМИ (газеты, телевидение, радио)	0,78	0,63	0,61	0,54
Уровень объективности информации в местных СМИ	0,64	0,52	0,56	0,51
Уровень проведения религиозных праздников	0,88	0,86	0,84	0,89
Уровень национальной (этнической) специфики в городской архитектуре	0,57	0,46	0,43	0,48
Уровень национального (этнического) самосознания в городском сообществе	0,52	0,46	0,47	0,42
Сводный индекс*	0,71	0,63	0,6	0,59

*Рассчитывался как среднеарифметическое значение.

лицей аграрной республики. По-видимому, респонденты первых двух столиц адаптированы к условиям индустриальной трудовой деятельности, жители Махачкалы в основной массе выходцы из села, где многое зависит от условий погоды и не связано с почасовым производством. В Казани, по-видимому, сказывается характер постепенного внедрения постиндустриальной экономики, при которой трудовая деятельность не ограничена временем и местом.

Инновационные характеристики оценивались с помощью вопросов 2, 6, 7 и 8 (табл. 1). В целом величина индексов оказалась невысокой по всем городам. Несколько лучше ситуация наблюдается в Казани, суммарный индекс по четырем вопросам составил 1,76. Равная величина оказалась в Чебоксарах и Сыктывкаре, а Махачкала продемонстрировала низкие индексы, соответственно суммарный индекс равен 1,47. Инновационные характеристики населения тесно связаны с желанием совершенствовать свое мастерство, развивать способности.

Общую удовлетворенность или неудовлетворенность современным характером трудовой деятельности отразили вопросы 3 и 5 (табл. 1), значение индексов оказались самые высокие среди предложенных характеристик. Индикатором готовности населения перейти к новому типу производственных отношений является вопрос 4 о степени участия в управлении. В инновационной экономике этот аспект участия в управлении производством неизбежен, этого требуют новые технологии в управлении. Сравнительно низкие значения индекса, за исключением Казани, демонстрируют слабую ориентированность населения на современные инновационные формы производства.

В то же время выявился «скрытый» ресурс. Не секрет, что успех в производственном процессе зачастую определяет использование контактов разного рода (профессиональных, социальных, этнических, родственных и т.д.). Заметим, что высокий уровень использования контактов продемонстрировали респонденты всех городов (табл. 1).

Важным моментом в опросе горожан была оценка удовлетворенности населения сторонами функционирования социо-культурной сферы. Эти аспекты в наибольшей степени влияют на формирование качества человеческих ресурсов, в том числе на инновационные характеристики населения.

Для анализа были введены индикативные характеристики деятельности институтов социо-культурной сферы. Рассматривались такие институты, как образование, культура, средства массовой информации, религия. Респондентам предлагалось оценить их на шкале «удовлетворен – скорее удовлетворен, чем недовлетворен – скорее недовлетворен, чем удовлетворен – недовлетворен». Индекс удовлетворенности рассчитывался как сумма ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен, чем недовлетворен» (табл. 2).

Результаты ответов демонстрируют низкую общую удовлетворенность населения аспектами социо-культурной сферы. По величине сводного индекса наихудшее значение наблюдается в Махачкале – 0,59, а наилучшее в Казани – 0,71. Интересно, что во всех городах респонденты показали сравнительно низкую удовлетворенность населения уровнем национального (этнического) самосознания в городском сообществе. Ситуация типична для российского общества в целом, на региональном уровне она чувствуется острее, а в условиях национальной республики требует корректного и обязательного участия представителей всех этнических сообществ. Для многонациональной Махачкалы это направление, на наш взгляд, является стратегически важным в модернизации общественной жизни.

Еще одним болевым моментом в социо-культурной сфере городов является деятельность средств массовой информации. Сравнительно низкие индексы удовлетворенности респондентов деятельностью местных СМИ, объективностью предоставляемой информации отражают неэффективность их действия. По сути СМИ являются инструментарием модернизации общественной жизни, в случае их необъективности, ангажированности региональным властям пропадает ощущение соучастия, реальности преобразований, происходящих в обществе.

В соответствии с полученными величинами индексов трудовой и инновационной

активности, а также удовлетворенности социокультурным потенциалом можно предложить определенные стратегии формирования социо-культурного потенциала столиц.

Центрам, подобным Казани, довольно успешно интегрирующимся в мировую культурную систему, играющим весомую роль в социально-экономическом развитии России, важно сохранить достигнутые позиции. Экспортно-ориентированные производства в сочетании с агломерационными возможностями и накопленным человеческим капиталом позволяют динамично развиваться городу. Дополнительными факторами инвестиционной привлекательности выступают успешное функционирование международного союза общественных объединений «Всемирного конгресса татар», а также нововведения в бюджетной и коммерческой сферах.

Центры, подобные Чебоксарам, ориентированным на стратегию Казанского типа. Однако их позиции ослаблены низким демографическим потенциалом, определяющим развитие города, а также высокой интегрированностью производственных предприятий во всероссийскую экономику, что не позволяет региональным и муниципальным властям проводить значимую для города политику пространственного развития. В таких столицах также действуют национально-культурные движения и не только титульных этносов, но и других представительных этнических групп. Их влияние на формирование культурного потенциала в большей или меньшей степени успешно и взаимодействие с ними должно стать стратегической линией муниципальной политики, также как и социально-ориентированные мероприятия.

В ресурсных центрах, подобных Сыктывкару, на первый взгляд, имеются возможности наращивания культурного потенциала благодаря ресурсной ренте. Приведем в качестве примера, ресурсно-трансформационную концепцию территориального развития, разработанную для муниципальных образований Республики Коми [6]. Возрождающиеся этнокультурные традиции, связанные в том числе с традиционными верованиями (в основном язычество) и традиционными бытовыми обрядами, имеют лишь местное влияние и слабо интегрируются в мировую культуру.

Центры аграрных республик находятся под высоким давлением со стороны сельского окружения. Сельская молодежь устремляется в столицы своих республик с целью получения образования и успешного трудоустройства. Однако непродолжительный опыт индустриализации не открывает возможностей формирования индустриальных трудовых навыков. Альтернативой становится социальная сфера и силовые структуры, гарантирующие стабильный, но небольшой заработок, который, как правило, увеличива-

ется за счет теневых действий. Распространение исламизма в условиях кумовства и «тейповости» очевидно, т.к. оно становится альтернативным социальным «лифтом». В случае с Махачкалой многонациональный состав горожан выступает дополнительным фактором, сдерживающим формирование городского сообщества. Требуются совместные усилия лидеров этнических общин, научной общественности и бизнес-элит, в том числе через средства массовой информации, по модернизации городского сообщества.

Библиографический список

1. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
2. Боров А.Х. Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра РАН. т. 12. – 2010. – № 2. – С. 175–183.
3. Гаджиев Ю.А. Зарубежные новые теории регионального роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. – 2008. Вып. 2 // <http://koet.syktsu.ru/vestnik/index.htm>
4. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.
5. Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. – 2011. – №1 (31). – С. 3–32.
6. Потенциал развития муниципальных образований: содержание, оценка, управление (на материалах республики Коми) / Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2008. – 344 с. (Коми научный центр УрО РАН).
7. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). – М., 2006. – С. 336–341.
8. Смирнягин Л.В. Возможности и потребности заимствований теоретических основ западной географии / Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 78–82.
9. Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: АСТ, 2010. – 784 с.
10. Трифонова З.А. Пространственная эволюция центральных функций столиц национальных республик России // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – М.: Эслан, 2010. – С. 236–246.
11. Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е., Пахомова Е.И. Потенциал человеческих ресурсов России // Наука и современность. – 1994. – № 4. – С. 10–24.
12. Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 468 с.
13. Harvey D. Spaces of Global Capitalism. L. – N-Y: Verso. 2006. 154 p.

М.В. Шеломенцева (Смоленск)

К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Shelomentseva M.V.

ON THE COMPETITIVE ADVANTAGES OF DEMOGRAPHICALLY PROBLEMATIC REGIONS OF CENTRAL RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена оценке конкурентных преимуществ староосвоенных регионов Центральной России.

Abstract. The article is devoted to assessing the competitive advantages of earlier developed regions of Central Russia.

Ключевые слова: Центральная Россия, проблемные регионы, конкурентоспособность.

Key words: Central Russia, problem regions, competitiveness.

В настоящее время в Российской Федерации существует конкуренция между регионами за создание благоприятных условий ведения бизнеса и проживания населения. Экономические преобразования в современной России делают актуальной проблему эффективности производства и внешних экономических связей, участия в международной торговле и, следовательно, конкурентоспособности не только страны в целом, но и ее регионов [1]. В печати появились публикации, рассматривающие проблему конкуренции на локальном и региональном уровне. В разных условиях процесс региональной конкуренции имеет свою специфику. Одно дело конкуренция среди ресурсных регионов, другое – конкуренция среди староосвоенных, не располагающих уникальными природными ресурсами, регионов. Ко второй категории относится большая часть субъектов Центрального федерального округа, которых помимо отсутствия значительного природного потенциала объединяет напряжённость демографической ситуации.

Проблема региональной конкуренции носит глобальный характер. Все регионы и страны конкурируют за инвестиции. У каждого региона есть свои конкурентные преимущества, есть свои недостатки, которые могут выступать в качестве лимитирующего его экономического развития фактора. Для Российской Федерации, особенно для Центральной России в качестве такого лимитирующего фактора часто выступает трудообеспеченность, зависящая от демографической ситуации. Дефицит квалифицированных кадров предполагает реализацию активной

миграционной политики, которая порождает уже целый ряд иных социальных проблем.

Конкурентоспособность региона в значительной мере зависит от природных и трудовых ресурсов, капитала, а также от инфраструктуры, научного потенциала и уровня образования населения. В начале 2000-х годов в России наблюдался экономический подъем, который усилил конкурентоспособность регионов за счет использования естественных факторов развития: накопленного физического и человеческого капитала, географических преимуществ. По мнению таких видных экономистов, как Дж. Фридман [2], П. Кругман [3], объективным следствием концентрации конкурентных преимуществ в одних территориях и их отсутствием или дефицитом у других является пространственное неравенство, которое проявляется в экономической и социальной дифференциации регионов.

Конкурентные преимущества региона зависят от многих факторов, в том числе и от уровня его экономического развития, измеряемого подушевым валовым региональным продуктом (ВРП). Другим не менее важным фактором конкурентоспособности выступает экономико-географическое положение.

Для большинства субъектов Центрального федерального округа пристольное положение и транзитность выступают одними из наиболее важных конкурентных преимуществ в составляющей за инвестиции. Это объясняется, в первую очередь, близостью емкого московского потребительского рынка. Позитивные и негативные эффекты влияния пристольности на экономическое и социальное развитие было рассмотрено Т. Яськовой.

Комплексно оценивая экономико-географическое положение как конкурентное преимущество или недостаток регионального развития можно сделать вывод, что вслед за столичным регионом, по степени благоприятности географического положения следует Тверская область, через которую проходит транспортный коридор, соединяющий крупнейшие экономические и политические центры России: Москву и Санкт-Петербург.

Еще более тридцати лет назад в условиях плановой экономики на преимущества Калининской области как составной части транспортно-производственной системы Москва-Ленинград указывала А.С. Щукина. В настоящее время благодаря модернизации Октябрьской железной дороги, строительству ряда автомобильных дорог, усилилась роль географического положения для развития Тверской области, которая стала «ближе» во времени и к Москве, и к «северной столице». Благоприятное географическое положение позитивно отразилось на инвестиционном климате. В 2010 году по душевому показателю инвестиций в основной капитал Тверская область со значением 59,6 тыс. руб. превосходила как средний показатель по федеральному округу, так и показатели по признанным в прошлом лидерам: Москве (54,6 тыс. руб) и Московской области (48,6 тыс. руб.).

На втором месте по благоприятности географического положения находится Смоленская область, через которую проходит до 80% сухопутных грузов из Западной Европы в Центральную Россию. Улучшению географического положения Смоленской области способствует запуск в эксплуатацию транзитного нефтепровода БТС-2. В случае расширения границ Москвы на юг восточные районы Смоленской области фактически перейдут в разряд ближнего Подмосковья. Уже сегодня заметно выросла роль Смоленской области в выполнении рекреационных функций в отношении столичного региона. Еще одним преимуществом Смоленской области перед другими регионами ЦФО является её уникальное положение между Белоруссией и столичным регионом. Смоленщина – единственный регион России, который одновременно является и приграничным и пристольным. Являясь одним

из приграничных «фасадов» России область имеет самую протяженную сухопутную границу с основным партнером России на постсоветском пространстве – Белоруссией. Заключение системы таможенных соглашений способствует развитию в Смоленской области активной организованной приграничной торговли. Смоленская область – один из лидеров в России по числу совместных российско-белорусских предприятий. Уникальное географическое положение позитивно влияет на создание в последние годы в области новых логистических структур. Вместе с тем, область не реализовала до настоящего времени преимуществ, связанных с наличием зоны приграничного контакта. Согласно исследованиям, проведенным ранее, именно приграничные административные районы Смоленской области испытали максимальный спад общественного производства. Им в полной мере присущи депрессивность и периферийность. Доля Смоленской области в валовом региональном продукте России за двадцать лет снизилась до 0,4%, доля в основных фондах до 0,5%. По душевой величине инвестиций в основной капитал (48,0 тыс. руб.) в 2010 г. Смоленская область занимала место в середине списка регионов ЦФО.

Третьим регионом по благоприятности географического положения в ЦФО в 2010 году была Калужская область, которая в связи с расширением границ Москвы на юг, обретает дополнительные преимущества в развитии. Калужская область, пожалуй, единственный из регионов Центральной России, который смог реализовать выгоды географического положения в реальный экономический рост и инвестиционную привлекательность. В 2010 году по душевому показателю величины инвестиций в основной капитал Калужская область в ЦФО уступала только Липецкой области, превосходя Москву и Московскую область. Строительство крупных предприятий сопровождалось самым высоким в Центральной России ростом доходов населения. В 2010 г. из 18 субъектов ЦФО область по среднедушевой величине дохода занимала уже 6 место. В 2009 году доля Калужской области в ВРП Российской Федерации достигла 0,5%.

Исследования экономической динамики отдельных субъектов ЦФО в 2002–2010 гг. выявило усиление экономического неравен-

ства в развитии регионов. При этом прослеживается связь между экономической динамикой и демографической ситуацией. Более благоприятные в экономическом отношении регионы Центральной России: Москва, Московская, Белгородская, Калужская области характеризуются и более благоприятной демографической динамикой. Демографическая ситуация в регионах Центральной России превращается в один из важнейших факторов не только экономического развития, но и конкурентоспособности. Уже сегодня регионы Центральной России испытывают дефицит квалифицированных трудовых ресурсов. В ближайшие десять лет ситуация может только усугубиться.

Исследование инвестиционной привлекательности регионов Центральной России позволяет сделать группировку субъектов по величине инвестиций в основной капитал. К регионам-лидерам, где значение данного показателя более чем на 10% выше среднего по федеральному округу показателю (внутренняя полупериферия) относились Липецкая, Калужская, Тверская, Белгородская области и Москва. К «срединной» группе относились Воронежская, Московская, Ярославская и Тамбовская области. К внешней полупериферии относились субъекты со среднестатистической величиной инвестиций в основной капитал от 30 до 45 тысяч рублей: Курская, Тульская, Владимирская, Рязанская и Брянская области. К регионам-аутсайдерам (периферия) относились субъекты со среднестатистическими инвестициями ниже 30 тыс. рублей. К ним относились Орловская, Ивановская и Костромская области, которых объединяло и географическое положение: отдаленность от столичного региона, менее выраженная транзитность, «неприграничность». В 2010 г. разница в показателе инвестиционной привлекательности региона-лидера – Липецкой

области и региона-аутайдера – Костромской области превысила более чем в три с половиной раза.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года возрастает роль трудовых ресурсов как одного из факторов, определяющих конкурентные способности региона.

Органы управления всех уровней власти должны проводить постоянный мониторинг за изменением численности, состава и движения лиц трудоспособного возраста, являющейся основополагающей группой населения и влияющей на экономическую и социальную сферы общественной жизнедеятельности.

В начале XXI века Россия столкнулась с демографическими проблемами: сокращением общей численности населения, необеспеченностью воспроизводства человеческих ресурсов в большинстве регионов. Процессы депопуляции в Центральных областях России начались в конце XX века. Процессы постарения населения типичны для всех областей европейской части России [4].

Создается угроза процессам модернизации экономики регионов вследствие снижения удельной доли молодежи в численности трудовых ресурсов данных территорий. По различным сценариям прогноза сокращение численности населения трудоспособного возраста будет носить затяжной характер [5]. В таких условиях неблагоприятной демографической ситуации в России продолжает оставаться актуальным вопрос об изменении границ трудоспособного возраста.

В условиях экономической неоднородности регионов России перед федеральными и региональными органами управления стоит задача разработки и реализации программ поиска и развития конкурентных преимуществ средне- и слаборазвитых субъектов РФ.

Библиографический список

1. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
2. Зубаревич Н.В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в период экономического роста и кризиса // Региональные исследования. – 2010. – №1. – С. 45–54.
3. Катровский А.П. Демографические угрозы устойчивому развитию Смоленской области // Региональные исследования. – 2004. – №2. – С. 65–71.
4. Катровский А.П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию? // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 70–75.

5. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 61–69.
6. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 334 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
8. Фокин В.М. Конкурентоспособность областных городов в условиях глобализации // Региональные исследования. – 2010. – № 1. – С. 38–44.
9. Яськова Т.И. Пристоличный регион как реципиент кризисных явлений: взгляд сквозь призму географической теории // Региональные исследования. – 2010. – № 1. – С. 29–38.
10. Friedmann J. Regional Development Policy. – Boston, MIT, 1966.
11. Krugman P. R. Geography and Trade. MIT Press. – Cambridge, MA, 1991.

О.А. Щербинина (Москва)

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ: МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО¹

Shcherbinina O.A.

ARMENIAN DIASPORA OF RUSSIA: MODELS OF INTEGRATION IN RECEIVING SOCIETY

Аннотация. В статье рассматриваются территориальные особенности положения армянской диаспоры России, с точки зрения процессов их расселения, адаптации в иноэтнической среде и степени интенсивности трансграничных связей. На основании социологического исследования, проведенного в Москве и Серпухове, автором отмечено, что вектор адаптационных процессов в этих городах один, хотя скорость их прохождения различна.

Abstract. The article deals with territorial peculiarities of the Armenian Diaspora in Russia, in terms of their resettlement, adaptation to alien ethnic environment and the degree of intensity of their cross-border links. Based on a sociological study conducted in Moscow and Serpukhov, the author marked, that vector of adaptive processes is common in the two cities, although the speed of their passing is different.

Ключевые слова: армянская диаспора, адаптация, трансграничность, Москва, Серпухов.

Key words: Armenian Diaspora, adaptation, cross-border activities, Moscow, Serpukhov.

Сегодня под армянской диаспорой мы понимаем общины армян, живущих вне Армении и Нагорного Карабаха. На сегодняшний день самая большая армянская диаспора образовалась в России (1130 тыс. чел.)², что составляет около 12% общего числа армян мира, в то время как доля армян, проживающих на своей исторической родине, составляет всего 30% от их общей численности в мире. Широкое распространение армян по всему миру, а также особенности расселения их на территории России, связаны с долгой и сложной историей армянского народа, который испокон веков подвергался гонениям и насильственным переселениям.

Процесс интенсивного роста и организованного укрепления армянской диаспоры

– новые явления для России. В 1989 году численность армян была более чем в два раза меньше, чем на сегодняшний день, и составляла 532,4 тысячи человек³. Причем большая часть армян обосновалась в южных пределах страны. В последние годы, в связи с политическими событиями в Закавказье, а также с разрушительным землетрясением в Армении, численность армян в России значительно возросла, преимущественно за счет вынужденных мигрантов, в том числе беженцев.

В результате сейчас все регионы РФ объединяет такой факт, как увеличение числа армян. Причем в некоторых регионах численность выросла в разы. Современный рисунок расселения армян по территории

¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ 09-06-00424-а «Стратегии адаптации внешних мигрантов в пограничных районах России»

² По данным Всероссийской переписи населения 2002 года с сайта <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

³ По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Российской Федерации крайне неравномерен. Подавляющее большинство армян проживает в европейской части государства. На 12 регионов с численностью армян более 10 тысяч в каждом приходится 74 % всех армян России. Причем 24% проживает в Краснодарском крае, 13% в Ставропольском, 11% в Москве и 10% в Ростовской области. Всего на Северном Кавказе живет около 55% всех армян России⁴.

За годы, прошедшие после распада Советского Союза, в несколько раз вырос объем внешних миграций из бывших союзных республик, активно идут и процессы внутренних миграций, сопровождающиеся консолидацией различных этнических групп. Явное изменение национального состава, как всего государства, так и отдельных регионов вызывает массу недовольства у представителей коренного населения, в связи с чем наблюдается рост ксенофобии. Перспективы существования этнических групп в инонациональных средах еще далеко не осмыслены. Между тем эта проблема при интенсивности перемещения в Россию народов из других стран СНГ стала исключительно актуальной.

Роль мигрантов в принимающем обществе пока не имеет однозначной оценки. С одной стороны, массовый наплыв мигрантов, их активное взаимодействие и объединение может нести опасность в принимающее общество (угроза терроризма, геттоизация крупных городов). С другой стороны, в отсутствии приезжих остро встанет проблема нехватки рабочих рук.

На фоне неоднозначного отношения к мигрантам, интересно рассмотреть, как они чувствуют себя в иноэтническом обществе. В нашем исследовании мы обратили внимание на следующие вопросы:

- насколько сильны процессы ассимиляции?
- какую роль в жизни национальных меньшинств играют процессы межэтнической идентификации?
- какое влияние имеют трансграничные связи мигрантов со страной выхода на экономику принимающей страны, насколько они сильны?

Эти и некоторые другие вопросы было решено исследовать на примере армянской

диаспоры России, как одной из крупнейших и сильнейших на сегодняшний день.

Целью исследования стало изучение территориальных особенностей и положения армянской диаспоры России, с точки зрения процессов их расселения и адаптации в иноэтнической среде, а также выявление степени интенсивности трансграничных связей армян с Арменией.

Эмпирическим материалом послужило социологическое исследование, проведенное автором в городах Москве и Серпухове в 2009 году. Предложенная респондентам анкета содержала 28 вопросов, касающихся социально-экономической адаптации мигрантов, их приспособленности к языковой среде принимающего общества, участия в общественной жизни. Ряд вопросов был направлен на выявление степени транснациональной активности мигрантов. Выборочная совокупность составила 75 человек. В Москве было опрошено 55 армян. Из них 30 женщин в возрасте от 18 до 56 лет и 25 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет. В Серпухове респондентами стали 22 человека. Из них 14 женщин в возрасте от 20 до 48 лет и 8 мужчин в возрасте от 19 до 55 лет. Учитывая гомогенность группы, такая выборочная совокупность репрезентативна и позволяет судить о процессах, протекающих в армянских сообществах указанных городов.

Армяне, за всю историю своих насильственных переселений, а также миграций с целью создания и поддержания торговых и культурных отношений между Западом и Востоком, выработали способность к сравнительно быстрой и легкой адаптации в принимающем обществе. Безусловно, разные аспекты адаптации зависят, как и от характеристик самих мигрантов, так и от среды, в которую они попадают. Так, адаптация в Серпухове будет проходить в другом темпе, чем в Москве, что показывают результаты социологического опроса.

Социокультурная адаптация характеризуется целым рядом параметров. Можно выделить три основных базовых измерения ее: социально-психологическое, этнокультурное и социально-экономическое. Социально-психологическая адаптация характеризуется такими факторами, как степень

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2002 года с сайта <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

выраженности этнической идентичности адаптантов, их психологическим состоянием и степенью удовлетворенности нынешними условиями жизни. Этнокультурная адаптация касается всех внешних следствий связи адаптантов с инокультурным окружением, включая их способность решать каждодневные проблемы. Социально-экономическая адаптация касается материального благосостояния в новой среде, а также профессиональной занятости.

Социально-психологическая адаптация. Прохождение социально-психологической адаптации в наибольшей мере зависит от самоощущения респондентов. В вопросе социально-психологической адаптации как армян-москвичей, так и серпуховчан, стоит отметить ряд противоречивых моментов. С одной стороны, этническая идентичность армян столицы в разы превосходит гражданскую. На вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь: армянином, россиянином, москвичом и т.д.?» подавляющее большинство опрошенных ответило «армянином». Это значит, что большая часть адаптантов еще недостаточно приобщена к гражданской и этнокультурной общности россиян. Возможно, некоторые из них даже чувствуют некоторую этническую обособленность, хотя могут частично и сами культивировать ее, стремясь сохранить традиционные культурные черты и национальное самосознание. С другой стороны, более половины респондентов назвали своим домом Москву. Эта часть респондентов уже близка по духу к российской (в данном случае к московской) культуре. Такое положение вещей свидетельствует о том, что процессы межнациональной идентификации, а также интеграции армян столицы являются все-таки доминирующими.

Об успешном ходе адаптации говорит и то, что большинство респондентов довольны своей работой. Они удовлетворены своей жизнью, о чем говорят их ответы на вопрос о волнующих проблемах. Большая часть респондентов называла обычные для современного общества проблемы, на первом месте среди которых стоял Мировой финансовый кризис, а также бытовые проблемы. Какие-либо проблемы, связанные с межнациональными конфликтами, дискомфортом окружающей иноэтнической среды и пр. не были упомянуты. «За-

мужество, здоровье мамы, племянник идет в школу» (женщина, 22 года, парикмахер, проживает в Москве 5–10 лет), «работа моя и мужа, здоровье детей» (женщина, 42 года, совладелица турагентства, в Москве проживает 5–10 лет), «благополучие родственников, здоровье брата» (женщина, 35 лет, домохозяйка, в Москве проживает более 10 лет), – некоторые варианты ответов женщин-респонденток на вопрос «Какие проблемы волнуют Вас в настоящее время больше всего?». В качестве примера типичного ответа мужчины-респондента на вышеуказанный вопрос можно привести следующий: «Меня волнует нестабильность экономики, непредсказуемость дальнейших обстоятельств, связанных с кризисом, его влияние на мою работу и будущее моей семьи» (мужчина, 35 лет, частный предприниматель, в Москве проживает более 10 лет).

Как и в Москве, у подавляющего большинства респондентов-серпуховчан этническая идентичность сильно превосходит гражданскую. Одновременно с этим, в отличие от московских респондентов, большая часть опрошенных не считает своим домом город, в котором проживает. Вышесказанное свидетельствует о том, что связь респондентов с Родиной сильнее, чем в Москве, а также о том, что процессы межнациональной идентификации, а также интеграции армян Серпухова идут более медленными темпами, чем в столице. В пользу этого говорят и те проблемы, которые назывались опрошенными. Более частое упоминание проблем националистических отношений, недостаток образования, а также проблемы поиска жилья – все это подтверждает незавершенность адаптационных процессов в данном обществе.

«Волнуют националистические отношения со стороны РФ, признание геноцида армян. Хочется, чтобы Союз армян России стал более влиятельной организацией» (женщина, 32 года, косметолог, проживает в Серпухове более 10 лет).

«Волнует не всегда хорошее отношение на почве нацизма» (мужчина, 27 лет, нотариус, проживает в Серпухове более 10 лет).

Тем не менее, есть и фактор, который говорит об успешном ходе адаптации респондентов: большая часть респондентов довольны своей работой.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что социально-психологическую адаптацию успешнее проходят армяне-москвичи, чем серпуховчане.

Этнокультурная адаптация. Говоря об этнокультурной адаптации, необходимо отметить, что московские армяне достаточно активно вовлечены в общественную жизнь. Основой для этого можно считать успешное овладение русским языком, использование его во всех сферах жизни (практически все респонденты считают, что владеют русским языком свободно). Абсолютно все респонденты регулярно общаются с представителями других национальностей и имеют среди них друзей (в том числе и русских). Никто из опрошенных не избегает возможностей таких контактов, что говорит о нацеленности на активное взаимодействие с принимающим столичным обществом, а также на полноценное и полноправное включение в него.

«Не хватит строчек перечислять национальности всех моих друзей...» (мужчина, 20 лет, студент, проживает в Москве с рождения).

Но также армяне Москвы не теряют полностью культурной связи с Арменией. Они неплохо владеют родным языком, хотя с увеличением времени пребывания в России знания языка несколько снижаются, что является неизбежным процессом (по собственной оценке менее половины респондентов полностью владеют армянским языком). Скорее обратный процесс говорил бы о намеренной обособленности национального меньшинства.

Деятельность общественных организаций наиболее интересна для молодежи. Причем наибольшей популярностью пользуются культурно-массовые мероприятия. Общественные организации (САР и другие) широко известны, но участие в их деятельности принимает малая часть опрошенных.

Армяне Серпухова, как и московские армяне, активно участвуют в общественной жизни. Практически все респонденты хорошо овладели русским языком и используют его не только на работе, но и в домашней обстановке. Большинство регулярно общается с представителями других национальностей. Русских друзей имеет более 80% респондентов. Можно говорить о нацеленности армян Серпухова на межнациональное общение, а также на взаимо-

действие и полноправное включение в принимающее общество.

С другой стороны, культурная связь с Арменией прослеживается через знание респондентами родного языка. Уровень владения армянским языком здесь выше, чем в Москве (свободно владеют им по собственным оценкам около 2/3 опрошенных). Также он чаще используется в домашнем общении. Около половины респондентов-серпуховчан говорят дома только на армянском, в то время как только треть москвичей использует в домашней обстановке исключительно родной язык.

Если говорить об участии в деятельности общественных организаций, то можно отметить более высокий интерес респондентов не к культурно-массовым мероприятиям, а к работе Союза армян России. Возможно, при наличии в городе большего числа армянских образовательных учреждений и культурно-просветительских центров, активность респондентов была бы еще выше.

Что касается данного аспекта адаптации, то можно отметить, что как московские армяне, так и армяне из Серпухова достаточно активно вовлечены в общественную жизнь. Основой для этого можно считать успешное овладение русским языком, использование его во всех сферах жизни, регулярное общение с представителями других национальностей, нацеленности на активное взаимодействие с принимающим обществом. Одновременно с этим, респонденты не теряют полностью культурной связи с Арменией. Они неплохо владеют родным языком (лучше в Серпухове, чем в столице), хотя с увеличением времени пребывания в России знания языка несколько снижаются, что является неизбежным процессом (такая ситуация больше характерна для Москвы).

Социально-экономическая адаптация. Наибольшая зависимость от среды наблюдается при характеристике такого аспекта социокультурной адаптации как социально-экономическая адаптация. Наличие рабочих мест, возможности для создания собственного бизнеса, уровень доходов и уровень безработицы – те факторы, которые сильно различаются от субъекта к субъекту.

Социально-экономическое положение армян, по их оценкам, в Москве стабильно-хорошее, а уровень их социально-эконо-

мической адаптации высокий. Среди опрошенных практически не было безработных, а работающие преимущественно устроены на высококвалифицированных должностях в сфере здравоохранения, образования, управления. Велика доля индивидуального предпринимательства (половина респондентов-мужчин и часть женщин). Такая занятость обеспечивает армянам Москвы довольно высокие доходы и, соответственно, уровень жизни.

Отдельно стоит отметить, что высокая доля работающих женщин (сопоставима с долей работающих мужчин) свидетельствует о высокой степени адаптированности в принимающее общество, так как подобная ситуация не характерна для исторически-сложившегося типа семейных отношений в Армении.

Социально-экономическое положение армян в Серпухове можно назвать стабильным, а уровень их социально-экономической адаптации средним. Среди опрошенных не было безработных, но многие работающие заняты в сфере обслуживания, а не на высококвалифицированных областях, как это было зафиксировано в Москве. Опрос показал незначительную разницу между территориями в развитии бизнеса, что можно объяснить наличием клановых структур. В Москве армянский бизнес может развиваться более активными темпами из-за большего количества армян в столице, а, следовательно, более развитой сети этих структур.

Отметим, что доля работающих женщин среди опрошенных в Серпухове сопоставима с долей работающих мужчин, как и в Москве.

В ходе исследования автором был сделан вывод о том, что на данном этапе армяне Москвы и Серпухова нацелены, с одной стороны, на поддержание тесных связей с диаспорой, а с другой, на активное взаимодействие с принимающим обществом, на полноправное включение в него. В перспективе, скорее всего, будет наблюдаться дальнейший рост межэтнической идентификации армянского населения обоих российских городов с переходом к последующей интеграции. Хотя эти процессы не могут проходить равномерно, так как в любом обществе существуют заметные вну-

тренние различия. Так, в Москве все интеграционные процессы проходят быстрее, чем в Серпухове. Это связано в первую и с такими факторами, как более низкий уровень жизни респондентов-серпуховчан, более частые конфликты на националистической почве в Серпухове и другими. Современное полиэтничное российское общество переживает период глубинной всесторонней трансформации, находящейся под влиянием различных социальных факторов. Этот процесс не может проходить равномерно на всей территории.

Что касается ассимиляции, то, как и предполагалось, армяне не склонны к ней. Незначительные предпосылки к этому процессу отмечены в столице (недостаточное внимание к изучению армянского языка молодым поколением), но это компенсируется таким фактором, как национальное самосознание, а также стремление молодежи к участию в различных мероприятиях, устраиваемых армянами и для армян.

Отдельно стоит отметить, что дифференцировать людей по национальности в столице или любом другом городе крайне опасно, так как может породить угрозу внутри столичной этнической классификации, что потенциально таит угрозу межнациональных конфликтов.

Трансграничное поведение мигрантов зависит от таких факторов, как их адаптация, самоощущение, а также от возможностей для осуществления различных трансграничных контактов.

В последнее десятилетие наблюдается рост потока денежных средств мигрантов из принимающих стран. Армения в 2006 году стояла на 12 месте среди стран-реципиентов денежных переводов мигрантов. Доля в ВВП Армении переводов составила в 2006 году 18%⁵. Одновременно с этим растут и другие формы проявления транснациональной активности мигрантов.

Среди причин назовем следующие: рост заработков мигрантов, как впрочем, и всего работающего населения России, различия в социально-экономическом положении Армении и России. Важным фактором, определяющим трансграничное поведение мигрантов, является характеристика их самих, которая включает ряд показателей (уровень

⁵ По данным Development Prospects Group <http://siteresources.worldbank.org/>

образования и занятости, финансовая ситуация, самоопределение и т.д.).

В ходе исследования было выявлено, что, как и в случае с ответами респондентов в Москве, так и в случае с ответами серпуховчан, наблюдается ситуация, когда нельзя дать однозначную оценку дальнейшего развития трансграничных связей. Трансграничное поведение мигрантов, создание, закрепление и развитие трансграничных связей – сложные процессы, зависящие от множества взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов.

Помимо значительных различий в уровне заработной платы двух стран, доступности формальных надежных каналов денежных переводов, а также высокой доли желающих вернуться в Армению в обоих городах, в пользу увеличения или поддержания трансграничных связей армян-москвичей со страной выхода говорит и достаточно высокий уровень их благосостояния. Если говорить о Серпухове, то «за» рост трансграничной деятельности говорит довольно высокий процент респондентов, считающих своим домом Армению.

Ряд положений говорит о возможном снижении активности респондентов в их трансграничной деятельности. Во-первых, подавляющее большинство опрошенных хочет, чтобы их дети жили в Москве, Серпухове или России в целом. Во-вторых, больше половины респондентов считают Россию наиболее перспективной с экономической точки зрения страной.

«Россия – страна больших возможностей» (женщина, 24 года, сотрудник гос. организации, проживает в Москве с рождения).

«В России больше перспектив и больше шансов найти достойную работу, открыть свой бизнес» (мужчина, 38 лет, ювелир, проживает в Москве 5–10 лет).

«Россия – могучая страна» (женщина, 48 лет, продавец, проживает в Серпухове более 10 лет)

В-третьих, достаточно высока степень интеграции респондентов в принимающее общество.

Против роста трансграничной деятельности армян Москвы говорит восприятие большей части респондентов столицы в качестве своего дома. Что касается серпуховских армян, то не слишком высокий уровень их благосостояния не позволит осуществлять денежные переводы в больших размерах, а также часто ездить в гости на историческую

родину. Респонденты из Москвы несколько более активны в своей трансграничной деятельности. Но, тем не менее, по результатам опроса в Серпухове выяснилось, что в таком проявлении трансграничной активности, как торговля и занятость в бизнесе, серпуховчане находятся на одном уровне с респондентами-москвичами.

Что касается трансфертов, а также туризма как проявления трансграничной деятельности, то превышение доли респондентов из Москвы, принимающих участие в данных видах деятельности, над респондентами из Серпухова, скорее всего, объясняется более высоким уровнем доходов в столице. Трансферты осуществляет около трети респондентов из Москвы и менее четверти серпуховчан. Туристическую деятельность осуществляет половина москвичей и менее трети респондентов из Серпухова.

Исходя из всего вышперечисленного, можно предположить, что трансграничные связи армян Москвы и Серпухова все еще очень сильны, но не будут усиливаться в ближайшие годы. Точно так же не будет наблюдаться и снижения трансграничной активности респондентов. Также не будет наблюдаться значительной разницы в степени активности трансграничной деятельности между армянами двух городов.

Армяне успешно адаптируются к жизни в российском полиэтничном обществе. Они активно участвуют в общественной жизни этого общества. За счет исторически обусловленного высокого уровня национального самосознания, армяне не ассимилировались за время их проживания в России.

Вектор адаптационных процессов один в двух изучаемых городах, хотя скорость их прохождения различна.

Трансграничная деятельность мигрантов в двух исследованных городах скорее всего не претерпит существенных изменений в ближайшие годы. На сегодняшний день трансграничные связи представителей армянской диаспоры в Москве и Серпухове очень сильны, но не будут усиливаться в ближайшие годы. Точно так же не будет наблюдаться и заметного снижения трансграничной активности респондентов. Кроме того было выявлено, что разница в степени активности трансграничной деятельности между армянами двух городов незначительна.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. – 2005. – №1.
 2. Валеева Социально-профессиональная стратификация как фактор языкового поведения в полиэтническом регионе // Социологические исследования. – 2003. – № 12.
 3. Ведяшкин М.А. Социология трансграничности: Учеб. пособие/Моск. гос. ун-т печати. – М.: МГУП, 2005.
 4. Вендина О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? – М., 2005
 5. Глущенко Г.И. Миграция и развитие: мировые тенденции // Вопросы статистики. – 2008. – № 2.
 6. Зайончковская Ж.А. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии // Социологические исследования. – 1998. – № 6.
 7. Малькова В.К. Москва – многокультурный мегаполис. – М., 2004.
 8. Материалы по этнической географии России, под ред. Хорева Б.С. – М., 2001.
 9. Силаев Н., Громов А. Другие в большом городе // Эксперт. – 2006. – 28 августа.
 10. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала 19 века. – М., 2005.
 11. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.
 12. Щедрина О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. – 2004. – №11.
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

П.П. Эм (Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Em P.P.

THE REGIONAL FEATURES OF URBANIZATION IN THE REPUBLIC OF KOREA

Аннотация. Урбанизация сыграла одну из ключевых ролей в осуществлении экономического «чуда на реке Ханган», благодаря которому Республика Корея (РК) приобрела статус высокоразвитой страны. В работе рассмотрены особенности урбанизации в «стране утренней свежести» через призму ее региональной дифференциации.

Abstract. Urbanization played one of the main roles in implementation of the “economic miracle on The Han River” by which the Republic of Korea got state of the high-developed country. In this paper we tried to study features of urbanization in the Land of morning Calm through its regional differentiation.

Ключевые слова: город, урбанизация, урбанистический переход, стадии дифференциации урбанизации, иерархия городских населенных пунктов, городская агломерация, субурбанизация, рурбанизация.

Keywords: city, urbanization, urban transition, stages of differentiation of urbanization, hierarchy of urban settlements, urban agglomeration, suburbanization, rurbanization.

Введение. Республика Корея – молодое государство на политической карте мира, появившееся в 1948 г. Путь страны к экономическому благополучию после окончания Корейской войны был нелегким. Однако основные цели, поставленные правительством РК, успешно реализованы. Достижения этого «азиатского дракона» в 1996 г. были признаны мировым сообществом при принятии его в Организацию экономического сотрудничества и развития. В 2010 г. ключевой экономический индекс ВВП на душу населения в этой стране был в 4 раза выше китайского, в 8,5 раз выше индийского и был сопоставим с аналогичным показателем во Франции и в Великобритании [24].

Прогрессивное развитие южнокорейской экономики сопровождалось «взрывной» урбанизацией. Если на урбанистический переход от 40 до 75% ведущей мировой державе США понадобилось 105 лет (1890–1995 гг.), то РК – всего 20 лет (1970–1990 гг.) [25]. Интенсивная урбанизация отличалась пространственно-временной неравномерностью из-за влияния комплекса различных факто-

ров. Основной целью данного исследования является анализ проявившихся региональных (провинциальных) различий в развитии урбанизации со второй половины XX в. по настоящее время.

1. Общая характеристика урбанизации в Республике Корея. Как свидетельствует статистика, устойчивый рост доли городского населения в РК наблюдается с 1948 г., и продолжается по настоящее время (рис. 1). Урбанизированность южной части Корейского полуострова увеличилась почти в 4 раза: с 21,4% в 1950 г. до 81,9% в 2010 г. [25]. При этом в 1950 г. доля городского населения в этой стране (21,4%) была меньше среднемирового показателя (29,1%) и значительно отставала от среднего уровня развитых стран (52,5%), но, в то же время, превышала аналогичный показатель для развивающихся государств (18%). В промежутке с 1965 по 1970 г. РК, за счет быстрых темпов роста городского населения обошла среднемировой показатель, а в период с 1975 по 1980 г. преодолела урбанистический порог в 50%.

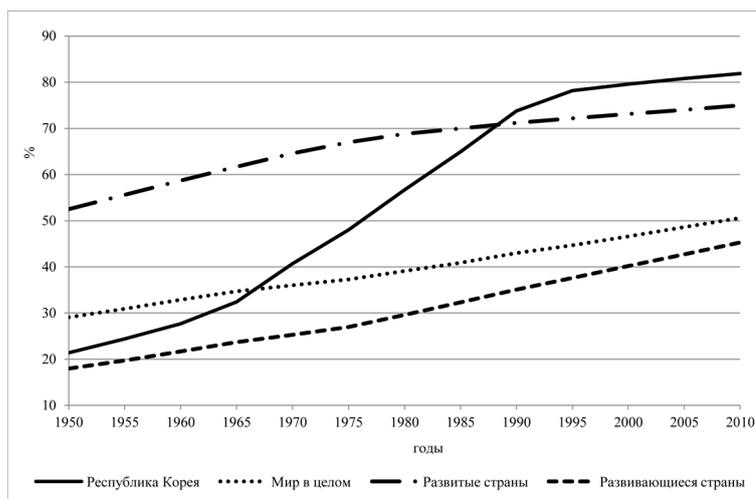

Рис. 1. Сравнение урбанизации в Республике Корея и в мире с 1950 по 2010 г. (по: [25])

Уже в 1990 г. уровень урбанизации в РК превысил средний уровень развитых стран (рис. 1). Значит, развитие урбанизации в этой стране прошло по классической догоняющей схеме – при низком исходном уровне урбанизации отмечены высокие темпы ее роста.

Изучение темпов роста городского населения позволяет выделить два ключевых этапа развития урбанизации в РК. На первом этапе (с 1960 по 1985 г.) отмечено варьирование достаточно высоких значений показателя (рис. 2). Пик изменений пришелся на период с 1965 по 1970 г. и составил 1,26 раза. Несмотря на последовавшее снижение темпов роста, они до 1985 г. не опускались ниже 1,14 раз. Во время второго этапа (с 1985 по 2010 г.) происходит резкое уменьшение темпов роста городского населения. Примерно в 2000 г. произошла параллельная стабилизация темпов роста городского населения, стремящихся к 1, и уровня урбанизации около 80%.

Для распределения населенных пунктов по классам людности в РК, где городом считается населенный пункт с людностью не менее 40 тыс. человек, мы использовали следующие пороговые границы: малый – до 100 тыс. человек, средний – от 100 до 500 тыс. человек, крупный – более 500 тыс. человек [6, 26]. При этом в классе «больших городов» мы отдельно выделяем «города-приматы» (более 1 млн. человек).

Одной из характерных черт урбанизации в РК является преобладание темпов роста

крупногородского населения над аналогичным показателем для городского населения (рис. 2). И только в отдельные периоды (1975–1985 гг., 1995–2000 гг.) благодаря резкому взлету развития средних городов, обозначенная тенденция не отмечается. Значит, основная часть городского населения увеличивалась за счет крупных городов.

Общее количество городов в стране увеличилось с 19 в 1950 г. до 84 в 2010 г. Если в 1965 г. в стране было 4 крупных, 12 средних и 9 малых городов, то в 2010 г. на 19 крупных городов приходилось 54 средних и 11 малых городов [17, 23]. Число последних резко увеличилось в промежутке с 1985 по 1990 г.: с 14 до 33. Однако к 1995 г. их количество вновь уменьшилось до 10, потому что большинство их перешло в группу средних городов. Доля горожан, проживающих в средних и малых городах, в исследуемый период сохранялась в районе 30% с незначительными вариациями (рис. 3). Остальная часть урбанизированного населения сконцентрирована в крупных городах. Примечательно, что в 1950 г. только столица была «городом-миллионером», а к 2010 г. подобным статусом обладали уже 8 городов. В них проживало почти 48,7% всего населения страны, и 53,3% от общего числа горожан [23].

Ускоренный рост людности и увеличение социально-экономического и политического значения крупнейших городов РК способствовали присвоению им наравне с

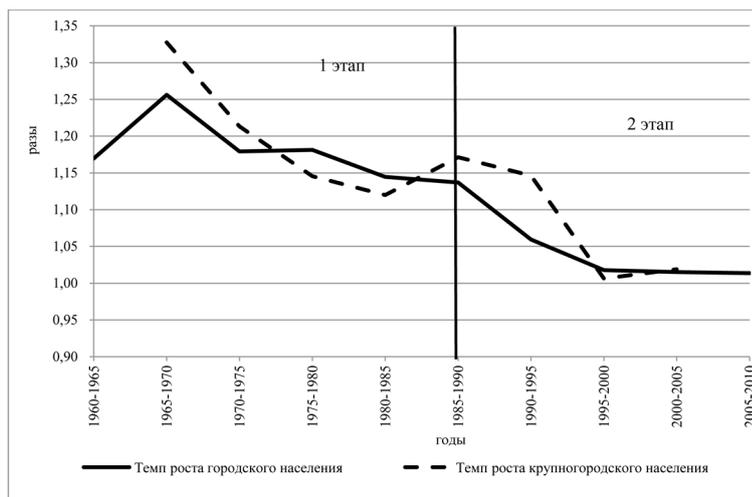

Рис. 2. Динамика темпов роста городского и крупногородского населения в Республике Корея с 1960 по 2010 г. (рассчитано по: [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23])

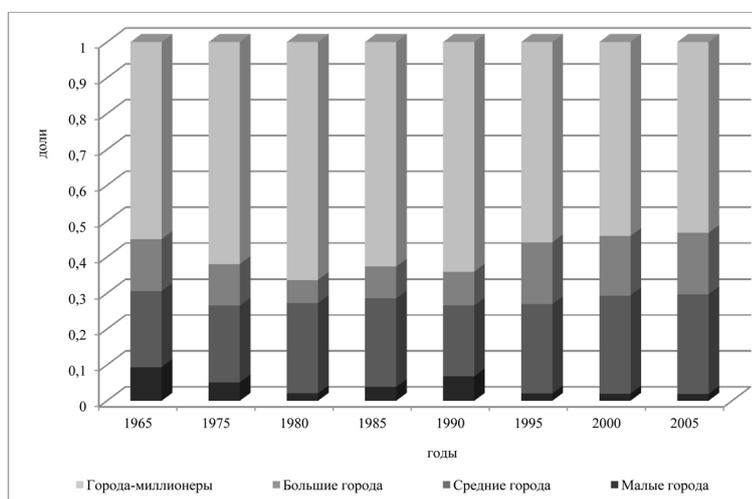

Рис. 3. Изменение структуры городского населения Республики Корея по классам городов проживания с 1965 по 2005 г. (рассчитано по: [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23])

провинциями статуса самостоятельных административно-территориальных единиц. Сеул стал особым городом еще в 1946 г.

После него статус городов прямого подчинения получили: Пусан в 1963 г., Тэгу и Инчхон в 1981 г., Кванджу в 1986 г., Тэджон в 1989 г. Последним этот статус в 1997 г. приобрел г. Ульсан (рис. 5).

2. Региональные особенности урбанизации. Урбанистическая типология провинций Республики Корея. Региональные различия в РК изучены на уровне провинций, данные по которым пересчитаны на их

современные границы. При этом данные по городам с особым статусом прибавлялись к провинциям, из состава которых они были выделены в самостоятельные административно-территориальные единицы (г. Сеул и г. Инчхон – Кёнгидо, г. Пусан – Южный Кёнсан, г. Тэджон – Южный Чхунчхон, г. Ульсан и г. Тэгу – Северный Кёнсан, г. Кванджу – Южная Чолла) (рис. 5).

Развитие урбанизации в провинциях РК проходило неравномерно, но со сходной направленностью (рис. 4). Неодинаковыми были начальные значения урбанизации в каждой отдельной провинции. Однако в

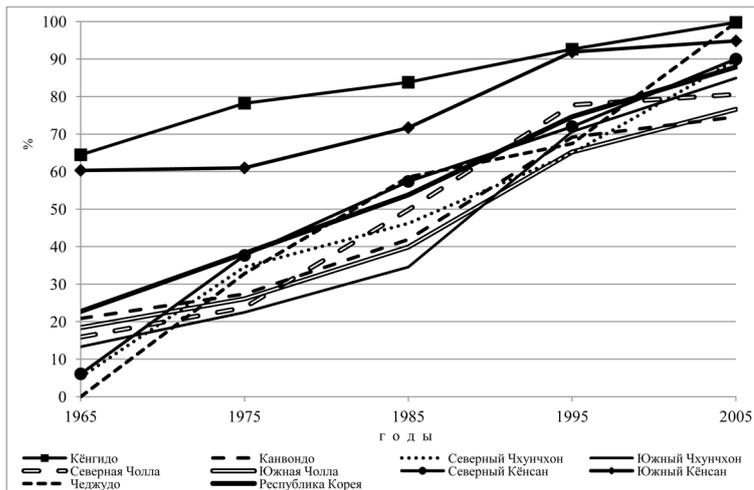

Рис. 4. Динамика уровня урбанизации в провинциях Республики Корея с 1965 по 2005 г. (рассчитано по: [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23])

характере их урбанизации существенно то, что они имеют сходную динамику доли городского населения и ее роста как до, так и после урбанистического перехода. Общий тренд РК носит универсальный характер и с различными вариациями повторяется у большинства районов, поэтому его можно назвать «стандартным» (рис. 4).

Для описания пространственных различий в урбанизации страны проведем типологию ее провинций [8]. Предлагается выделить следующие периоды урбанистического перехода провинций: 1) до 1965 г.; 2) 1975–1985 гг.; 3) 1986–1995 гг. Каждому из периодов поставлен в соответствие определенный урбанизационный тип.

Каждый тип можно охарактеризовать через диапазоны общих для всех провинций начальных (на 1965 г.) значений доли городского населения и темпов ее прироста, вычисленных как отношение конечного значения (на 2005 г.) к начальному (рис. 4). Варьирование этих параметров внутри диапазонов позволило выделить подтипы внутри типов (табл. 1).

Географическое распределение выделенных урбанизационных типов в РК представлено на рис. 5. Теперь обратимся к рассмотрению их особенностей.

Тип 1. Провинции с ранним урбанистическим переходом (до 1965 г.). Первый тип представлен провинциями, ступившими на путь урбанизации и достигшими высокого ее уровня раньше других. Еще во второй

четверти XX века здесь зафиксированы высокие темпы роста городского населения, превышавшие общекорейский показатель на начальную дату исследования примерно в 2 раза. Урбанистический переход в Кёнгидо и Южном Кёнсане состоялся до Корейской войны. Сегодня провинции первого типа сохранили роль ведущих очагов урбанизации в стране.

Подтип 1.1 представлен провинцией Кёнгидо благодаря ее особому столичному статусу, подразумевающему такие факторы миграционного притока и ускоренной урбанизации, как разнообразие мест приложения труда, более высокий уровень инфраструктуры, инвестиционная привлекательность и т.п. Именно Кёнгидо сыграла ключевую роль в начале феномена, который экономисты называют «чудом на реке Ханган». Здесь сформировалась первая в РК агломерация, но из-за высоких стартовых значений урбанизации (64% в 1965 г.), темп роста городского населения за рассматриваемый период минимален, и составил около 1,5 раза (табл. 1). Сегодня доля городского населения в столичной провинции приближается к 100%. (рис. 4).

К подтипу 1.2 благодаря большим темпам роста городского населения (1,6 раза) относится провинция Южный Кёнсан. Высокий стартовый показатель урбанизации в 1965 г. (60%) отмечен здесь из-за расположения г. Пусана, являющегося одновременно «второй столицей» и главными морскими воротами страны. Темп роста урбанизации,

Таблица 1

Типология провинций Республики Корея по времени урбанистического перехода с 1965 по 2005 г. (рассчитано и составлено по: [17, 23])

№	Тип	Подтип	Провинции РК	Особенности подтипа	
				Доля городского населения в 1965 г. (%)	Темп роста доли городского населения (разы)
1	Провинции с ранним урбанистическим переходом (до 1965 г.)	1.1	Кёнгидо	более 60	1,5
		1.2	Южный Кёнсан		1,6
2	Провинции с относительно ранним урбанистическим переходом (1975–1985 гг.)	2.1	Северный Кёнсан	1–10	14,8
		2.2	Чеджудо		100
3	Провинции со средним по времени урбанистическим переходом (1986–1995 гг.)	3.1	Северный Чхунчхон	5–30	17,4
		3.2	Южный Чхунчхон Северная Чолла Южная Чолла Канвондо		4,9

благодаря чуть большими по сравнению с подтипом 1.1 темпами роста городского населения, составил 1,6 раза (табл. 1).

Тип 2. Провинции с относительно ранним урбанистическим переходом (1975–1985 гг.). Урбанистический переход в Северном Кёнсане и Чеджудо произошел после 1975 г., что заметно позже, чем в провинциях первого типа. Начальная урбанизированность в них была ниже (33%) [18]. Однако, за счет больших темпов роста городского населения, эти провинции к 2005 г. практически сравнялись с представителями первого типа (рис. 4).

Провинция Северный Кёнсан относится к подтипу 2.1. Доля городского населения в ней увеличилась с 1965 по 2005 г. с 6% до 90% (рис. 4), т.е. возросла в 15 раз (табл. 1)! Это произошло благодаря расположению здесь бурно развивающегося г. Тэгу.

Весьма интересна ситуация с подтипом 2.2, к которому относится островная провинция Чеджудо (рис. 5). В начальный год исследования городов на территории острова не было. Однако развитие туризма, являющегося главной специализацией провинции, потребовало создание развитой городской инфраструктуры. К 1970 г. городской статус приобрел Чеджу, а в 1985 г. к нему присоеди-

нился г. Согвипхо. Сегодня в них компактно размещено все население острова (рис. 4). Остальная территория отдана под заповедники и национальные парки.

Тип 3. Провинции со средним по времени урбанистическим переходом (1986–1995 гг.). Данный тип представлен пятью провинциями: Канвондо, Северный и Южный Чхунчхон, Северная и Южная Чолла. Им характерна большая по отношению к провинциям второго типа стартовая величина урбанизации.

В подтип 3.1 входит Северный Чхунчхон – единственная провинция РК, не имеющая выхода к морю (рис. 5). Доля горожан с 1965 по 2005 г. увеличилась здесь в 17,4 раза (табл. 1)! Подобный рост городского населения объясняется развитием высокотехнологичных отраслей промышленности: биомедицины, биотехнологии, производства полупроводников и др.

Подтип 3.2 представлен оставшимися провинциями Канвондо, Южный Чхунчхон, Северная и Южная Чолла. Их начальная урбанизированность варьировалась от 13 до 21% [17]. Темпы роста городского населения в среднем составили 4,9 раза (табл. 1). Примечательно, что Канвондо изменила положение своей урбанизированности среди представи-

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	провинции с ранним урбанистическим переходом (до 1965 г.)
	провинции с относительно ранним урбанистическим переходом (1975 - 1985 гг.)
	провинции со средним по времени урбанистическим переходом (1986 - 1995 гг.)

* Города Чеджу и островная провинция на которой он расположен одноименны

КЭНГИДО - название провинций

Сувор - административные центры провинций

— - границы провинций

- - - - границы городов с особым статусом

Цифрами на карте обозначены следующие города:

1. Сеул, 2. Инчхон, 3. Тэджон, 4. Кванджу,
5. Тэгу, 6. Ульсан, 7. Пусан

Рис. 5. География урбанизационных типов провинций Республики Корея (составлено по: [17, 23])

телей подтипа 3.2: от максимальной в 1965 г. (21%), до минимальной в 2005 г. (69%) [17, 23]. Провинции, в которых располагаются города прямого подчинения (Южный Чхунчхон и Южная Чолла) имеют более высокую долю городского населения, нежели остальные в данном подтипе.

3. Стадии дифференциальной урбанизации в Республике Корея. Более детальному изучению временных особенностей урбанизации может послужить теория дифференцированной урбанизации Т. Контули [7, 14]. Он предложил выделять три основные стадии развития урбанизации

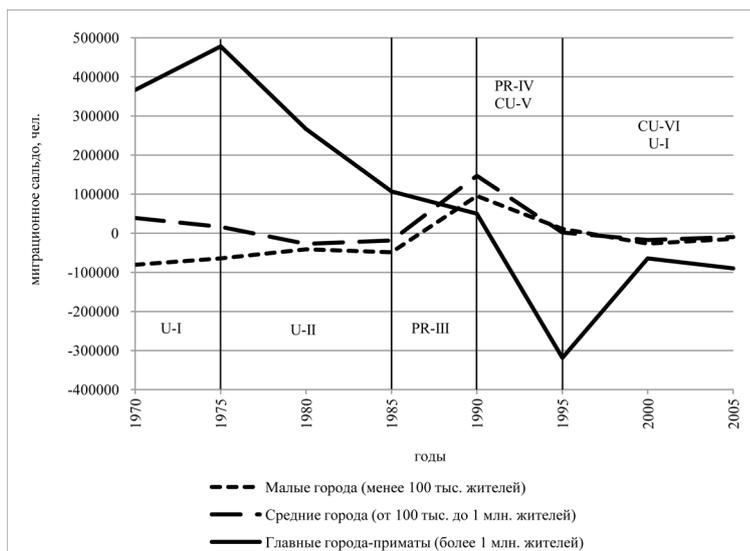

Рис. 6. Стадии дифференциальной урбанизации в Республике Корея с 1970 по 2005 г. (рассчитано по: [16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23])

(городской бум, разворот, контрурбанизацию) через различия в миграционном сальдо основных групп городов: главных городов-приматов, средних (промежуточных) и малых. Ограниченность статистической базы позволила нам провести исследование стадий урбанизации только с 1970 г. Однако подобный временной разрез, охватывающий большую часть периода изучения, безусловно, принесет пользу для понимания развития урбанизации.

Динамика трендов сальдо миграций по группам городов (рис. 6) позволяет утверждать, что в 1970 г. страна находилась на стадии крупногородской урбанизации (U-I) (рис. 4). Ее отличительной чертой является быстрый миграционный рост приматных городов за счет средних, и особенно малых городов. Своего апогея стадия урбанизации (U-II) достигает в 1975 г., когда сальдо миграции в городах-миллионерах максимально и составляло около 480 тыс. человек в год [16]. Стадия U-II – самая продолжительная. По мере ее движения, происходило постепенное уменьшение числа мигрантов в приматных городах и увеличение их числа в средних, и в малых городах.

В промежутке с 1985 по 1990 г., когда миграционное сальдо в не приматных городах становится положительным (рис. 6), проходит урбанизационный разворот (PR-III). Он знаменует возвысившееся значение в мигра-

ционном балансе средних, а также постепенное наращивание привлекательности малых городов. В РК отмечается совмещение стадии реверсии (PR-IV) и стадии начальной контрурбанизации (CU-V), начавшихся в 1995 г. (рис. 6). С одной стороны привлекательность малых городов становится максимальной, с другой – средние центры также не утратили свою популярность. В этой ситуации «проигравшими» остались «приматы», ежегодно терявшие около 319 тыс. человек [16]. Основные причины – существенное повышение стоимости недвижимости, а также налоговых обязательств для жителей крупнейших городов. Эти обстоятельства привели к активизации субурбанизации, заключавшейся в возведении огромных «спальных районов» за пределами главного города, и росту числа городов-спутников вокруг главных экономических центров РК. За период с 1990 по 1995 г. численность населения г. Сеула уменьшилась на 150 тыс. человек, а г. Пусана на 120 тыс. человек. При этом увеличилось общее количество городов: в 1985 г. их было 50, а уже в 1990 г. – 73! Особо стоит отметить столичную провинцию, в которой в указанный промежуток появилось 10 новых городов [20, 21]! До 2000 г. города-миллионеры не сумели преодолеть отрицательный миграционный баланс, однако его значение существенно снизилось. Ведь основная часть населения, захотевшая вые-

Таблица 2

Развитие стадий дифференциальной урбанизации в провинциях Республики Корея с 1970 по 2005 г. (составлено и рассчитано по: [16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23])

Провинции	Стадии дифференциальной урбанизации по отношению миграционного сальдо в городах разных классов							
	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Кёнгидо	U-I	U-II	U-II	PR-III	PR-III	CU-V	CU-V	CU-V
Канвондо	U-I	U-I	U-I	U-I	U-I	U-I	U-I	U-I
Северный Чхунчхон	U-II	U-II	U-II	U-II	CU-V	CU-V	CU-V	CU-V
Южный Чхунчхон	U-II	U-II	U-II	U-II	U-II	PR-III	PR-IV	CU-V
Северная Чолла	U-I	U-II	U-II	U-II	U-II	PR-III	PR-III	PR-IV
Южная Чолла	U-I	U-II	U-II	PR-III	CU-V	CU-V	CU-V	CU-V
Северный Кёнсан	U-I	U-I	U-II	U-II	CU-VI	CU-VI	CU-V	CU-V
Южный Кёнсан	U-II	U-II	U-II	PR-III	PR-III	CU-V	CU-V	CU-V
Чеджудо	PR-III	PR-III	PR-III	PR-III	PR-III	PR-III	PR-III	PR-III
Республика Корея	U-I	U-II	U-II	U-II / PR-III	PR-III	PR-IV / CU-V	CU-VI / U-I	CU-I

хоть за пределы главного города, сделала это в период с 1990 по 1995 гг. Фаза последней стадии большого цикла CU-VI совмещена с U-I уже второго витка развития урбанизации. К 2005 г. отрицательный миграционный прирост увеличился вместе со снижением амплитуд кривых и сжатием области графика (рис. 6). Значит, чуть менее чем за 40 лет в РК после относительно «долгого» раскачивания стадий урбанизации (U-I и U-II), произошло форсированное протекание стадий разворота (PR-III и PR-IV) и контрурбанизации (CU-V и CU-VI).

Главный вывод, сделанный при анализе динамики миграционной активности по группам городов в провинциях РК, заключается в том, что Кёнгидо и Южный Кёнсан играют главную роль в развитии процесса урбанизации в стране. Несложно заметить, что изменение стадии урбанизации в них ведет к синхронному изменению стадии в целом по стране (табл. 2). Главная причина – расположение на их территории двух главных городов с ярко выраженными гипертрофированными функциями, в которых сконцентрированы 66% населения и 70% экономического потенциала страны [23]!

Динамика стадий урбанизации провинций, в которых располагаются остальные города с особым статусом (Южный Чхунчхон,

Южная Чолла, Северный Кёнсан), в целом, также сходна с общей по стране. Основная разница заключается в меньшей амплитуде значений. После появления городов-миллионеров, они стали притягивать трудовые ресурсы с территории прилегающей провинции. Однако их «магнитные способности» смогли привлечь не более 50 тыс. мигрантов в год [16, 20]. На начальную дату исследования провинции Южная Чолла и Северный Кёнсан характеризуются начальной стадией (U-I), а Южный Чхунчхон – зрелой урбанизацией (U-II). Благодаря большому миграционному приросту крупных городов уже в 1975 г. Южная Чолла (около 28 тыс. человек) и в 1980 г. Северный Кёнсан (около 49 тыс. человек) переходят на стадию U-II [16, 18]. Далее, механический прирост населения крупных городов в этих двух провинциях постепенно уменьшается, но стадия U-II сохраняется. В 1990 г. происходит резкое наступление контрурбанизации (CU-V) (табл. 1). Южная Чолла и Северный Кёнсан перепрыгнули стадию разворота: механический рост населения главных городов сменился миграционным доминированием малых городов. Несколько иная картина отмечается в Южном Чхунчхоне. Стадия зрелой урбанизации здесь затянулась до 1995 г. благодаря бурному развитию г. Тэджона, в который планиро-

ваლოს перенесение столицы страны. После 1995 г. миграционное лидерство (около 32 тыс. человек) в этой провинции переходит к средним городам (PR-III) [16, 22]. Уже в 2000 г. малые города рвутся вперед (PR-IV), а в 2005 г. показатель их миграционного прироста опережает аналогичный для средних и крупных городов (CU-V).

Одним из главных поставщиков трудовых ресурсов на южнокорейский межрегиональный рынок труда всегда была провинция Канвондо (рис. 5). Особенно большой миграционный отток населения отмечался в ней в период с 1970 по 2005 г. Максимальные значения отрицательного миграционного сальдо были характерны для средних городов в 1975 г. (около 43 тыс. человек) и в 1990 г. для малых (около 18 тыс. человек) [16]. В силу отсутствия здесь приматов, мы идентифицировали подобное развитие урбанизации как застывшую фазу U-I (табл. 2).

Провинция Северный Чхунчхон никогда не имела городов-миллионеров. Единственный крупный г. Чхонджу, являющийся ее административным центром, вплоть до 1990 г. притягивал большую часть мигрантов. Однако, после 1990 г. для него зафиксированы отрицательные значения миграционного баланса. Стадия U-II резко сменилась на CU-V. В 1975 г. в Северной Чолле отмечено резкое увеличение миграционного сальдо единственного крупного г. Чонджу (U-II) до 15 тыс. человек ежегодно [16]. Но уже в 1995 г. большую миграционную привлекательность приобретают средние города провинции: Иксан, Кунсан и Чжонгыб (PR-III).

На островной провинции Чеджудо в 1970 г. был выделен единственный г. Чеджу с людностью более 100 тыс. человек. Следовательно – потоки миграции со всего острова устремились в него. Второй образованный город острова является малым по размеру с меньшим значением миграционного сальдо. Значит, фаза PR-III характерна острову для всего изучаемого периода (табл. 2).

4. Новые тенденции в развитии пространственных форм городского расселения. Как было сказано выше, в период с 1985 по 1990 г. началось активное освоение территорий, располагавшихся вокруг главных городов страны. Их границы начали стремительно расплзаться. Однако ошибочно полагать, что процессы агломериро-

вания в РК стартовали только к концу XX в. На самом деле, процесс формирования Сеульской и Пусанской агломераций начался сразу же после окончания Корейской войны, только вот масштабы были несравнимы с современными.

Главным элементом системы городского расселения в РК всегда была Сеульская агломерация. Ее основное ядро (г. Сеул) получило столичные функции около 600 лет назад. В процессе индустриализации границы Сеула постепенно расширялись, а в 1990 г. начался постепенный отток населения в города-спутники, расположившиеся в столичной провинции Кёнгидо. Важно отметить, что в ее пределах весьма обособленно развивалась еще одна крупная агломерация – Инчхонская. В конце 1980-х гг. Сеульская и Инчхонская агломерации постепенно сближались, что привело к образованию двухъядерной столичной агломерации. Конурбацией, однако, главную южнокорейскую агломерацию назвать нельзя, потому что роль Сеула гораздо больше, чем Инчхона. Благодаря еще более возросшей гипертрофии новой урбанизационной формы расселения, границы столичной агломерации уже вышли за рамки провинции Кёнгидо и захватили северную часть Южного Чхунчхона. В 2005 г. благодаря выгодному географическому положению между Сеулом и активно развивающимся Тэджоном, появился новый город-миллионер – Суwon. Он стал третьим ядром столичной агломерации [5]. Основные ядра столичной агломерации соединены друг с другом развитой сетью метрополитена. По этой причине миграционный прирост Сеула отрицательный. Люди переезжают для проживания из шумного Сеула в более дешевые, тихие и экологически чистые районы, расположенные в непосредственной близости от основного фокуса южнокорейской жизни [9]. В 2010 г. из 23,9 млн. жителей столичной агломерации, 57% проживали не в главном ядре (Сеуле) [23]. Для сравнения, доля в пересчете по современным границам на 1985 г. составляла 22%, а на 1965 г. только 5% [17, 20]. Если раньше главным фокусом Северо-запада был только г. Сеул и мигранты вынуждены были жить в его трущобах, то сегодня приезжие чаще всего заселяются в более дешевых городах столичной агломерации, обладая при этом аналогичными привилегиями столичной жизни, что и непосредственные жители Сеула.

Пусан всегда был вторым после Сеула населенным пунктом РК. Его место в иерархии городских поселений не изменилось и с образованием агломерации вокруг него. В 2010 г. численность населения Пусанской агломерации составляет 3,97 млн. человек [23]. Доля ее пригородной зоны в общей численности населения агломерации составляет только 7,3% [23]. Низкие доли всегда были характерны для этой агломерации: 4,3% в 1965 г., 5,7% в 1985 г. [17, 20]. Миграционный отток, пусть и не такой значительный, как в столичной агломерации, характерен и для пусанской.

Остальные крупные городские агломерации на территории РК стали активно формироваться при получении их ядрами статуса городов особого подчинения. Сегодня подобные агломерации отмечены вокруг г. Тэгу, г. Ульсан, г. Кванджу и г. Тэджона. Их пригородные зоны также, как в столичной и Пусанской агломерациях, имеют тенденцию к постепенному разрастанию и увеличению доли от общей численности населения. Однако их значения не превышают 7%.

После закрепления за Ульсаном статуса особого города, на Юго-востоке страны начала формироваться еще одна полицентрическая агломерация. Благодаря активному агломерированию г. Пусана, г. Тэгу и г. Ульсана продолжается их постепенное сближение. В одиночку ни один из них не может сравниться со столичной агломерацией. Однако, после завершения формирования Юго-Восточной агломерации, у центрального района появится серьезный соперник. Главная заслуга принадлежит грамотной городской политике, реализация которой началась в 1990-е годы [4].

Для анализа характера связи между центральными городами и зонами их влияния в пределах крупнейших агломераций был рассчитан показатель «М», предложенный В.Г. Давидовичем:

$$M = \frac{P_{rc} + P_{cr}}{N_r + N_c}, \quad (1)$$

где P_{rc} – число занятых, работающих в главном городе, но живущих в пригороде, P_{cr} – число занятых, работающих в пригороде, но живущих в центральном городе; N_r , N_c – число занятых, проживающих в центральном городе и пригородной зоне [3, 11]. Он позволил выявить степень трудовой интеграции центральных городов и их пригородных зон.

В среднем по 6 крупнейшим агломерациям страны в 2010 г. он равен 26,7% (табл. 3), но размах его вариации значителен: от 17,6% в агломерации г. Тэгу, до 26,4% в Тэджонской агломерации. Была сделана попытка классифицировать агломерации по степени интеграции. Выделены следующие группы агломераций: с повышенной степенью трудовой интеграции пригородных зон и центральных городов (Тэджонская), со средней (Столичная, Пусанская, Ульсанская), и с пониженной (агломерации Тэгу и Кванджу).

Вместе с активным развитием агломераций и их пригородных зон в РК отмечено развитие рурбанизации. В непосредственной близости от главных урбанизированных узлов страны появились многочисленные поселения, численность которых заметно не дотягивала до статуса города. Однако практически 90% населения данных населенных пунктов занято в сфере услуг. Появление и развитие подобных населенных пунктов, образ жизни их населения поставил вопрос об изменении порога людности для городов. Например, в 2008 г. городской статус был присвоен Геренгу – типичному населенному пункту, появившемуся благодаря рурбанизации в провинции Кёнгидо. Численность его населения была меньше необходимой нормы и составляла 36 тыс. человек.

В 1990-е гг. в крупнейших городах РК появились элитарные районы. Малая группа людей, сделавшей огромные состояния во время развития страны, компактно разместилась в небольших районах в черте городов. На их территории располагается самая дорогая недвижимость. Такими районами роскоши в г. Сеуле является Кангнам, а в г. Пусане – Хэунде. Проживать здесь могут позволить себе только самые богатые люди страны, а также южнокорейские звезды.

5. Динамика иерархии городских населенных пунктов. Одной из фундаментальных закономерностей, позволяющей объяснить процессы, происходящие в системе городского расселения, является зависимость, известная, как правило «ранг-размер» (или правило Зипфа). Ее основной постулат гласит, что численность населения каждого населенного пункта в системе обратно пропорциональна его порядковому номеру в этой системе:

Степень трудовой интеграции крупнейших агломераций и их пригородных зон в Республике Корея в 2010 г. (составлено и рассчитано по: [23])

№	Агломерация	Степень трудовой интеграции ядра и пригородной зоны, %	Группа агломерации по степени интеграции
1	Столичная	31,6%	2
2	Пусанская	25,8%	2
3	Агломерация Тэгу	17,6%	3
4	Тэджонская	36,4%	1
5	Ульсанская	23,4%	2
6	Агломерация Кванджу	20,4%	3

Примечание. Цифрами обозначены следующие группы: 1 – повышенная, 2 – средняя, 3 – относительно низкая степень трудовой интеграции ядра агломерации и пригородной зоны.

$$P_r = P/R, \quad (2)$$

где P_r – население данного города (ранг), P – население самого крупного города системы, R – ранг города [6].

Системы расселения при изменении доли городского населения определенным образом стремятся поддерживать распределение «ранг – размер». На рис. 4 представлены тренды реального и «идеального» иерархических распределений городов Республики Корея, согласно правилу Зипфа в 1965 г. и в 2010 г. На них тренды «идеального» распределения размеров городов обозначены двумя жирными параллельными линиями.

Расположение трендов «идеального» распределения в 1965 г. выше реального подтверждает приматный тип системы расселения (рис. 7). В 2010 г. обнаружено увели-

чение соответствия распределения городов по правилу «ранг-размер» (рис. 7).

Интересно сравнить полученные результаты распределения городских населенных пунктов по правилу Зипфа с учетом агломераций (рис. 8). График распределения элементов в 1965 г. практически идентичен построенному на рис. 7, потому что в тот год агломерации на территории РК не имели такого размаха (рис. 8). Однако площадь фигуры в 2010 г. заметно увеличилась (рис. 8). Ясно, что в верхней части тренды реального и «идеального» распределения населенных пунктов по правилу Зипфа заметно различаются из-за гипертрофированного роста трехядерной столичной агломерации. Ведь она в 2010 г. была больше второго элемента системы в 8,2 раза [23]! По этой же причине отмечается большое отклонение реальных

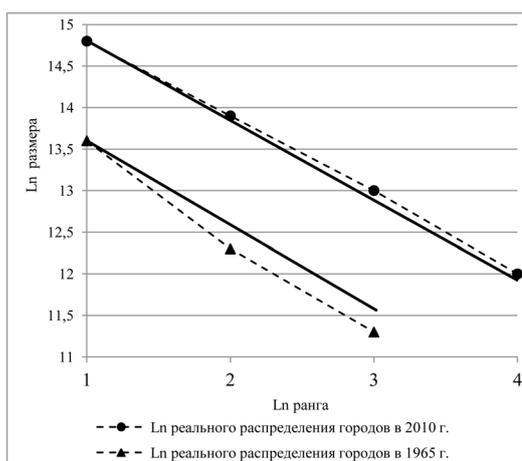

Рис. 7. Изменение распределения городов в Республике Корея согласно правилу Зипфа в 1965 г. и в 2010 г. (рассчитано и составлено по: [17, 23])

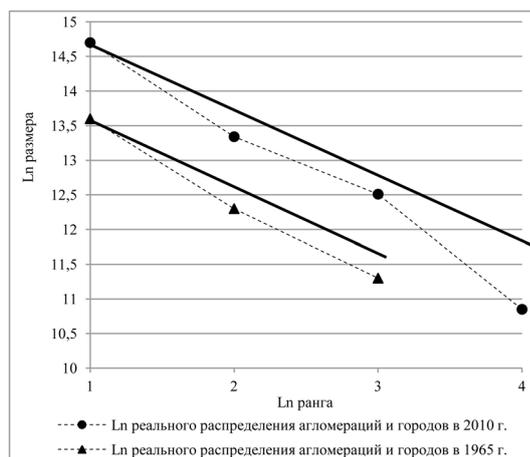

Рис. 8. Изменение распределения агломераций и городов в Республике Корея согласно правилу Зипфа в 1965 г. и в 2010 г. (рассчитано и составлено по: [17, 23])

значений от «идеальных» для средних и малых городов.

Рассмотрение правила Зипфа с учетом агломераций для такой высокоурбанизированной страны с преобладанием крупногородских форм расселения как РК, по нашему мнению, является более объективным. Полученные результаты показывают усугубившуюся гипертрофированность столичной агломерации. Однако неправильно будет совсем забыть о результатах исследования на уровне городов. Они позволяют нам сформулировать важный вывод. Ведь в своем исследовании А.А. Важенин доказал наилучшее соответствие распределения городов правилу Зипфа при доле городского населения в 50% [1]. Мы получили наилучшее распределение на уровне городов в 2010 г. Возможно, это свидетельство того, что чрезмерное индустриальное развитие стало главной причиной значительно опережающего развития урбанизации. Если верить Важенину, то доля городского населения в РК в 2010 г. должна быть на уровне около 50%.

Заключение. Урбанизация в РК развивалась по классической догоняющей схеме, с малым значением в начале 1950 г. (21,4%) и очень быстрыми темпами роста, достигнутыми преимущественно благодаря увеличению крупногородских форм расселения. Сегодня, в этой высокоразвитой стране 84 города, из которых 9 являются городами-миллионерами, и 11 крупными с людностью от 500 тыс. до 1 млн. человек.

Тренды регионального развития урбанизации двигались достаточно неравномерно, но в одном направлении. Через диапазоны общих для экономических районов начальных значений степени урбанизированности и темпов ее прироста мы провели их урбанистическую типологию. Она в очередной раз подтвердила доминирующую роль в развитии урбанизации провинций Кёнгидо и Южный Кёнсан, которым был присвоен первый тип. Огромные темпы роста городского населения позволили включить провинции Северный Кёнсан и Чеджудо во второй тип. Остальным провинциям была присуща догоняющая роль, поэтому мы объединили их в третий тип.

Форсированное развитие городов стало причиной прохождения полного цикла развития дифференциальной урбанизации по Контули менее, чем за 40 лет. После постепенного раскачивания стадий урбанизации (стадии U-I и U-II), занявших длительный период времени, отмечено быстрое протекание стадий разворота (PR-III и PR-IV) и контрурбанизации (CU-V и CU-VI). При этом Кёнгидо и Южный Кёнсан оказали существенное влияние на развитие урбанизации в стране, ведь смена миграционного поведения населения в них проходила параллельно общестрановому тренду. Основная причина заключается в расположении на их территории главных очагов урбанизации в стране – Сеула и Пусана. Роль остальных провинций заключалась лишь в корректировке влияния, оказываемого столичной и Юго-Восточной

провинциями. Новые витки в развитии урбанизации, как в стране, так и в передовых районах проходят со значительным снижением амплитуд кривых и параллельным сжатием осцилляционной области графика.

С 1985 по 1990 г. вокруг двух главных городов страны происходит активное разрастание пригородов параллельно с бурными процессами агломерирования. В 1990-е гг. они привели к возникновению в Столичном районе полицентрической агломерации с ядрами в Сеуле и Инчхоне. В 2005 г. Суwon закрепляет за собой статус третьего ядра столичной агломерации, в которой доля городского населения достигает почти 100%. При этом 57% населения проживает не в главном ядре. На Юго-Востоке благодаря «сближению» Пусанской, Ульсанской и агломерации Тэгу сегодня формируется вторая полицентрическая агломерация. Важно, что процессы агломерирования способствовали разгрузке главных ядер: в их пределах в последние десятилетия отмечается миграционный отток. Большинство мигрантов, следуя

нормальному экономическому поведению, желали проживать в более дешевых условиях, сохранив высокий уровень заработка, в комплексе с лучшими экологическими условиями. Поэтому они заселили пригороды и города-спутники. В то же время в центральных городах РК появились элитарные районы, в которых проживают самые богатые граждане страны.

Степень трудовой интеграции между ядрами и остальным пространством городских агломераций в среднем по стране равна 26,7%. При этом максимальное значение зафиксировано в Тэджонской агломерации, а минимальное в агломерации г. Тэгу. Применение правила Зипфа с учетом агломераций показало существенное повышение степени гипертрофированности верхней части иерархии с 1965 по 2010 г. Использование этого же правила на уровне городов показало близкое к идеальному соответствие в 2010 г. Значит, согласно А.А. Важенину, уровень урбанизации в РК в 2010 г. должен составлять около 50%.

Библиографический список

1. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 60 с.
2. Гладков И. Сеул в фокусе экономической жизни страны // *Азия и Африка сегодня*. – 2002. – №11. – С. 20–26.
3. Давидович В.Г. Количественные закономерности взаимосвязанного расселения в городских агломерациях // *Районная планировка и расселение*. – Киев, 1968.
4. Костинский Г.Д. Республика Корея // *География в школе*. 2002, №7. – С. 2–10.
5. Ланьков А. География размещения населения в Корее // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a2-1.shtml
6. Лаппо Г.М. География городов: учебное пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 480 с.
7. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI в. // *Проблемы урбанизации на рубеже веков*. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.
8. Попов Р.А. Количественная характеристика урбанизации регионов России во второй половине XX века // *Известия РАН. Сер. геогр.* – 2002. – № 1. – С. 49–56.
9. Рябинина Л.И., Эм П.П. Тенденции и проблемы демографического развития Сеула // *Город как система: материалы Всероссийской научной конференции*. – Нижневартовск: НГГУ, 2010. – С. 235–240.
10. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
11. Харитонов В.М. Урбанизация в США. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 200 с.
12. Эм П.П. Процессы урбанизации в Республике Корея // *Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке – Владивосток: Дальнаука*, 2010. – С. 220–227.
13. Database of the Ministry of Finance and Economy of The Republic of Korea// www.mofe.go.kr
14. Geyes H.S., Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // *International Regional Science Review*. 1993. 15. 3. P. 157–177.
15. List of cities in South Korea // http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cities_in_South_Korea
16. Number of internal migrants for city, county, and district. Database of Korean Statistical Information Service // <http://kosis.kr/nsieng/view/stat10.do>
17. Results of population and housing census 1966. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1966.
18. Results of population and housing census 1975. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1975.
19. Results of population and housing census 1980. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1980.

20. Results of population and housing census 1985. Seoul. National bureau of statistics economic planning board, 1986.
21. Results of population and housing census 1990. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1990.
22. Results of population and housing census 1995. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1996.
23. Summary of Census Population (By administrative district/sex/age). Database of Korean Statistical Information Service // http://kosis.kr/eng/database/database_001000.jsp?listid=B&subtitle=Population%2C%20Household
24. The World Factbook // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/hk.html>
25. The World Urbanization Prospects. Revision of 2009 // <http://esa.un.org/unup/>
26. Hangug-o sajon (Korean dictionary). Seoul. 1992 (на корейском языке).

Е.А. Машурова (Смоленск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Mashurova E.A.

REGIONAL INTEGRATION: PROBLEMS OF ENSURING REGIONAL SECURITY

Аннотация. Статья посвящена изучению сотрудничества государств в сфере обеспечения региональной безопасности. Особое внимание уделяется анализу имеющегося опыта обеспечения региональной интеграции в Евроатлантическом регионе и на постсоветском пространстве.

Abstract. The article is devoted to the studies of the regional cooperation aimed at the provision of regional security. Special attention is paid to the analysis of ensuring regional security in the Euro-Atlantic Region and Post-Soviet territory.

Ключевые слова: политическая интеграция, межрегиональное сотрудничество, глобализация, региональная безопасность, вызовы и угрозы.

Key words: political integration, interregional cooperation, globalization, regional security, challenges and threats.

Понятие безопасности имеет комплексный характер и является предметом изучения политологии, социологии, философии, экономики, истории. Безопасность выражает способность субъекта сохранять свои свойства и качества при негативном воздействии со стороны других субъектов, процессов или явлений, это понятие охватывает разнообразные сферы человеческой жизни и имеет различные формы своей реализации.

Традиционно понятие международной безопасности рассматривалось как способность государства отразить военную угрозу и сохранить свой национальный суверенитет, территориальную целостность, а также обеспечить защиту своего населения. Международная безопасность позволяет создавать условия для стабильного развития мирового сообщества, и основана на обеспечении защиты интересов субъектов международных отношений и поощрении их взаимного сотрудничества.

Международная безопасность базируется на принципах мирного сосущество-

вания, нормах международного права, активизации всех форм позитивного международного взаимодействия. Содержание международной безопасности определяется национально-государственными интересами государств, их отношением к имеющимся проблемам и угрозам, а также деятельностью, направленной на решение этих проблем или их предотвращение.

Сегодня понятие международной безопасности включает в себя, наряду с военно-политической стабильностью, экономическую, экологическую, информационную, энергетическую, продовольственную, цивилизационную и медицинскую составляющие. На смену «жесткой» трактовке безопасности, основанной на силовой составляющей, приходит «мягкая» трактовка, которая в отличие от первой делает основной акцент на социальном аспекте понятия. Международная безопасность в наши дни строится на следующем принципе: «безопасность каждого – это безопасность всех»¹.

Международная безопасность имеет следующие уровни реализации: глобальный, региональный и локальный (или национальный, то есть затрагивает интересы отдельного государства). Под глобальной безопасностью исследователи понимают «состояние защищенности мирового сообщества в целом от угроз, исходящих от какого-либо члена или их совокупности, а также от негативных процессов, связанных с развитием человечества»². В этой связи глобальные проблемы, представляющие угрозу развитию всего человечества, можно условно разделить на две категории. К первой относятся проблемы и угрозы, возникающие в результате активного взаимодействия человека и окружающей среды (экологические проблемы, истощаемость ресурсов, демографические проблемы, и т.д.). Ко второй группе принадлежат проблемы, связанные с системой социальных взаимодействий (разный уровень социально-экономического развития стран и регионов, соперничество культурных и цивилизационных моделей развития, достижения современного научно-технического процесса и их влияние на жизнь людей и т.д.). Однако некоторые исследователи считают, что глобальный уровень обеспечения безопасности является в большей степени абстракцией, напротив, региональный уровень наделен большими функциональными полномочиями. В этой связи одним из основных критериев выделения международных регионов является осознаваемая государствами взаимозависимость в сфере безопасности³.

Региональная безопасность призвана обеспечить защиту интересов государств-участников регионального объединения, а также их стабильное развитие. Согласно данному подходу регион рассматривается как коллективный субъект международных отношений, части которого объединены общими интересами и политическими проблемами, а также отношениями социально-экономической, а иногда и культурной взаимозависимости. Развитие региональной безопасности является одним из проявлений региональной интеграции и на современном этапе характеризуется увеличением самостоятельности регионов, что в свою очередь заставляет их формировать эффективные механизмы обеспечения своей безопасности.

Система обеспечения региональной безопасности включает в себя деятельность от-

дельных государств, а также региональных объединений и организаций, действующих как на основе региональных соглашений, так и согласно целям и принципам ООН (го. VIII Устава ООН). Устав ООН определяет, что действия упомянутых выше объединений не могут распространяться за пределы указанного региона, а соглашения не должны противоречить положениям Устава, при этом Совет Безопасности должен постоянно иметь актуальную информацию об их действиях⁴.

Система обеспечения региональной безопасности складывается под влиянием многочисленных факторов: 1) внешнего международного окружения (изменений геополитической структуры мира, появления новых акторов на международной арене); 2) уровня социально-экономического развития участников региональной интеграции и осуществляемых ими процессов модернизации; 3) социокультурных особенностей субъектов сотрудничества; 4) политических факторов и процессов; 5) научно-технического прогресса (распространение технологий двойного назначения; необходимость адаптации к постоянно совершенствующимся технологиям).

Для создания эффективной системы региональной безопасности необходима выработка внутренней геополитической стратегии с учетом особенностей региона, внутренних и внешних факторов его развития. По мнению автора, одним из ключевых элементов выступает высокая степень готовности участников согласовывать свои интересы для проведения единой интеграционной политики не только в сфере безопасности, но и в экономике, социальной, политической и др. сферах сотрудничества. При этом также необходимо учитывать необходимость создания положительного образа регионального объединения как внутри региона (маркером должно служить одобрение проводимой политики населением), так и за его пределами (показателем эффективности может служить наличие государств, желающих присоединиться, а также наличие развитой нормативно-правовой основы сотрудничества с другими объединениями). Учитывая развитие демократизационных процессов, в современных условиях все большую значимость приобретает эффективность механизма обратной связи. Под этим механизмом

понимается получение национальными и наднациональными органами власти информации о требованиях региональной системы, принятие решений, направленных на совершенствование системы, оценку этих решений населением и борьбу с бюрократией и коррупцией, как элементами, замедляющими процессы регионального развития.

Региональные системы не являются системами изолированными, поэтому они постоянно подвергаются воздействию внешних и внутренних деструктивных факторов, при этом происходит трансформация региональной системы путем ее адаптации к сложившейся ситуации или путем ослабления потенциальных угроз, а иногда их полным уничтожением. Как отмечают эксперты, эти сложные и противоречивые явления обретают характер общего и специфичного воздействия на региональные подсистемы. Первые, как правило, оказывают воздействие на все уровни региональной безопасности, вторые только на один или несколько уровней⁵.

Региональная безопасность имеет определенные формы своей реализации: коллективную, национальную, корпоративную, личную. Коллективная безопасность – это совокупность нормативных, институциональных и практических мероприятий, основанных на сотрудничестве государств по поддержанию международного мира, предотвращению и устранению угрозы миру и оказанию коллективной помощи, в том числе военной. К международным региональным объединениям, обеспечивающим коллективную безопасность можно отнести ОБСЕ, ОДКБ, Лигу Арабских Государств (ЛАГ), Африканский Союз, Организацию африканского единства (ОАЕ), Организацию американских государств (ОАГ) и др.

Коллективная безопасность может быть групповой (государства интегрируются для защиты своих интересов) и универсальной (основана на добровольно взятых заинтересованными государствами обязательствах по поддержанию международной безопасности совместными усилиями). В обоих случаях действует основной принцип коллективной безопасности, согласно которому, агрессия против одного из участников объединения рассматривается как агрессия против целого объединения⁶. К групповым формам коллективной безопасности относятся: 1) союзы – формальные организации государств для

защиты своих участников от каких-либо угроз⁷; 2) альянсы – объединения на основе формальных договоров между двумя и более государствами по общим масштабным целям, которые отвечают общим интересам⁸; 3) партнерство – формирование оперативной совместимости между войсками государств-партнеров при проведении военных операций; 4) дружественное государство или субъект международных отношений, которое разделяет ценности США и их союзников.

Универсальная безопасность создается в общих интересах всех государств не против противника, а против потенциального агрессора, которым может оказаться и участник самой системы. Ярким примером попытки создать подобную систему в мире служит деятельность ООН, ее Устав определяет: 1) оказание содействия и разработку рекомендаций, касающихся процессов разоружения и регулирования вооружений (Статья 11); 2) предотвращение и урегулирование международных споров и конфликтов (Статья 1); 3) действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии (Статья 39)⁹.

При кооперативной (общей) безопасности государства должны сотрудничать друг с другом, а не конкурировать в целях обеспечения собственной безопасности. Деятельность государств направлена на предупреждение агрессии с учетом разнообразных видов безопасности.

Независимо от форм реализации региональной безопасности, ее обеспечение осуществляется параллельно с развитием регионального интеграционного сотрудничества в других сферах.

Основой сотрудничества выступает политико-правовая региональная интеграция и главенство правовых норм, а также наличие наднациональных и национальных органов управления, наделенных соответствующими властными полномочиями.

На современном этапе развития международных отношений, Европа и Евроатлантический регион имеет самый значительный опыт взаимодействия разнообразных международных институтов по вопросам безопасности, среди них: ОБСЕ, ЕС, НАТО, Совет Европы, СНГ, ОДКБ. Столь разные объединения имеют единую направленность на решение общих задач безопасности, выработку комплексного подхода по урегулированию кризисов и проведению совместных опера-

ций. С одной стороны, наличие значительного числа организаций, имеющих сходные цели, но разные механизмы участия, способствует комплексному решению проблемных ситуаций, с другой стороны, это приводит к дублированию их функций, взаимной конкуренции, а в итоге к менее эффективной региональной архитектуре безопасности. Необходимо отметить, что основным элементом в архитектуре Евроатлантического региона является Организация Североатлантического договора (НАТО), при этом, с учетом изменений, происходящих под влиянием глобализации, все больше проявляются несовершенство правовых инструментов, что в свою очередь, создает угрозу обеспечению как региональной, так и международной безопасности в целом.

Европейский опыт обеспечения региональной безопасности основан, прежде всего, на опыте взаимодействий ЕС и НАТО. Как отмечают исследователи, эти отношения прошли несколько этапов в своем развитии. Так, Берлино-Брюссельские договоренности 1994–1996 гг. определяли доминирование НАТО в сфере обеспечения европейской безопасности; франко-британская инициатива (Декларация Сен-Мало, декабрь 1998г.) наделяла ЕС собственным оперативным потенциалом в сфере безопасности и обороны; в марте 2003 г. между руководством ЕС и НАТО были подписаны соглашения «Берлин Плюс», которые зафиксировали независимость организаций¹⁰. Данные события свидетельствуют о том, что действия Брюсселя постепенно направлялись на выработку собственной политики безопасности, независимой от Вашингтона, однако неопределенный характер заключенных соглашений затягивает реализацию этих целей. Строя отношения со своими соседями, ЕС и НАТО разделили сферы сотрудничества: Евросоюз предлагает им перспективу ассоциации через гармонизацию механизмов экономического и политического развития, унификацию технических стандартов, в свою очередь, НАТО налаживает взаимодействие с третьими странами посредством вовлечения в программу «Партнерство ради мира». При этом, членство в НАТО является необходимым условием членства в ЕС. Как отмечают эксперты, подобное «разделение труда» использовалась, например, в ходе урегулирования конфликтов в бывшей Югославии

(в Боснии и Герцеговине в 1995 г., в Косово в 1999 г.) при ведущей политической роли ООН альянс брал на себя решение задач обеспечения безопасности, а ЕС играл ключевую роль в восстановлении экономики¹¹.

Такая позиция ЕС имеет под собой ряд причин. Во-первых, потенциальная возможность разрушения трансатлантического военно-политического единства вынудит европейцев увеличить объем расходов на военный бюджет, что нежелательно в условиях современного экономического кризиса. Во-вторых, военное отставание Европы от США: по оценке экспертов, лишь Франция и Великобритания способны проводить серьезные боевые действия вне континента, что объясняет заинтересованность европейской стороны в политических методах урегулирования конфликтных ситуаций¹².

Формирование региональной системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве началось 8 декабря 1991г. после создания Содружества независимых государств, до середины 1992 г. СНГ сохраняло единые вооруженные силы. Правовые основы региональной системы безопасности на постсоветском пространстве заложил Договор о заключении коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.).

На первом этапе (1994–1995 гг.) были заложены концептуальные и нормативно-правовые основы формирования коллективной безопасности, на втором этапе (2000–2002 г.) основной акцент был сделан на развитие военно-политической интеграции стран-участниц. Так, в 2001 г. в ходе Ереванской сессии СКБ было принято решение о создании военной составляющей Договора для противодействия терроризму и воинствующему экстремизму. Договор о коллективной безопасности (ДКБ) был преобразован в «Организацию Договора о коллективной безопасности» в 2002 г. С подписания Устава ОДКБ 7 октября 2002г. начался третий этап, страны-участницы поставили перед собой цели по укреплению мира, обеспечению международной и региональной безопасности и стабильности, защите на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета. Четвертый этап – 2003–2007 гг. – характеризуется активным налаживанием отношений между ОДКБ и НАТО. Наконец, в 2010г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию

«Сотрудничество между ООН и ОДКБ», обе организации будут сотрудничать в борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью, незаконной торговлей оружием, а также при урегулировании конфликтов. При этом Организация Договора о коллективной безопасности рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ¹³.

В этой связи особый интерес представляет изучение глобальных тенденций развития мирового сообщества и их влияние на систему национальной и региональной безопасности Российского государства. Особый вклад в изучение данного вопроса внесло американское экспертное сообщество, которое подготовило в апреле 2004г. региональный доклад «Очертания будущего мира. Тенденции глобального развития до 2020 года». В документе особое внимание уделяется возможному усилению нетрадиционных вызовов и угроз безопасности РФ. Воздействие этих факторов может тормозить становление плюралистических, эффективных и прозрачных институтов управления в России, а возможный политический изоляционизм России может стать серьезным препятствием для модернизации всего постсоветского пространства и создать серьезные препятствия Евроатлантической интеграции Украины, Белоруссии и других стран региона. Партнерство с Западом, напротив, будет способствовать вступлению России в ВТО, усилит российские позиции в отношениях с НАТО (в рамках совета Россия – НАТО), может привести к возможному получению «ограниченного членства» в ЕС¹⁴. Несмотря на односторонний характер некоторых положений доклада, в частности, игнорирование полного объема российских национальных интересов, он демонстрирует понимание западными партнерами необходимости развития эффективного сотрудничества с Россией по вопросам обеспечения региональной безопасности. Российская Федерация выступает за укрепление механизмов взаимодействия как с Европейским союзом (формирование общих пространств в экономике, образовании, науке и культуре), так и создание совместно с НАТО открытой системы коллек-

тивной безопасности, не противоречащей нормам международного права. Так, в июне 2008 г. в Берлине президент Российской Федерации Д. Медведев инициировал разработку Договора о европейской безопасности; год спустя ОБСЕ запустила «процесс Корфу» для более предметного и обстоятельного рассмотрения российской инициативы¹⁵.

Одной из основных особенностей формирования политической стратегии по обеспечению национальной и региональной безопасности современной России является многоуровневый и разнонаправленный характер ее политических взаимодействий в рамках БРИК, ОДКБ, ШОС, Россия–НАТО, Россия–ЕС. Тем не менее, стратегически важным направлением для России выступает эффективное партнерское сотрудничество с государствами–участниками Содружества Независимых Государств, что определяется, прежде всего, наличием здесь важных национальных российских интересов в экономике, обороне, безопасности, социокультурной, экологической, информационной сферах.

Специфическими условиями, оказывающими значительное влияние на разработку российской стратегии выступают следующие факторы: 1) постсоветское пространство является многонациональным регионом, безопасность которого наряду с традиционными элементами, включает обеспечение этнополитической, этноконфессиональной и цивилизационной безопасности; 2) странам региона, прежде всего, речь идет о России, Белоруссии и Украине, необходимо осуществить модернизацию структуры производительных сил, технико-технологической основы жизненного устройства, чтобы занять достойное место на мировой арене; 3) анализ истории отношений рассматриваемых государств делает необходимым отказ России от миссианства по отношению к другим странам, так как оно рассматривается Украиной и Белоруссией как навязывание им российской позиции без учета их национальных интересов. Напротив, прагматичная политика, основанная на учете собственных интересов и уважении интересов партнеров, в большей степени способствует всесторонней региональной интеграции.

По мнению автора, важную роль в интеграционных процессах рассматриваемых государств также должно сыграть создание Россией положительного имиджа мощного

интеграционного ядра. Этот имидж призван помочь решить ряд первоочередных задач. Во-первых, разрушить «архетипические мифологемы», существующие в сознании европейцев и культивируемые на постсоветском пространстве: 1) Россия – мир полярный западному и принципиально непредсказуемый; 2) Россия – объект просвещения Запада¹⁶. Во-вторых, неотъемлемой частью нового имиджа России должно стать ее признание в качестве великой державы, с которой считаются государства Запада и Востока. В-третьих, положительному российскому образу будет способствовать соблюдение

принципа равенства и взаимного уважения между партнерами.

Таким образом, обеспечение региональной безопасности не является фактором, который тормозит процессы инновационного развития в регионе, а, напротив, способствует успешной адаптации участников региональной интеграции к постоянно изменяющимся условиям регионального и глобального развития. Одновременно, характер современных глобальных угроз диктует как отдельным странам, так и их объединениям необходимость объединять свои усилия для эффективной борьбы с ними.

Примечания

¹ Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности: [Электронный ресурс]: - Мюнхен, 2007. URL: / <http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737> (дата обращения: 26.12.2007)

² Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. – М., 2011. – С. 223.

³ Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях / Б. Бузан // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. – М., 2002. – С. 208.

⁴ Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. – М., 2011. – С. 240.

⁵ Шохзода С. Современные проблемы региональной безопасности Центральной Азии: теория и практика / С. Шохзода. Под ред. А.Б. Элебаевой. – Бишкек: ЦИМОД, 2003.

⁶ Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. – М., 2011. – С. 229.

⁷ Snyder G.H. Alliance Theory: Aneorealist First Cut// Journal of International Affairs., 1990. – Vol. 44. – № 3.

⁸ Department of Defence Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Publication 1-02.2007. 5th Jan.

⁹ Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда союза : [Электронный ресурс]: URL:// <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 15.04.2012)

¹⁰ Хухлындина Л. М. Европейский союз: становление и развитие / Л.М. Хухлындина. – Минск: РИВШ БГУ, 2004. – 254 с. – С. 103.

¹¹ Бычковская О. М. Взаимоотношения ЕС и НАТО в контексте евроатлантической безопасности// Журнал международного права и международных отношений. - Минск., 2011 — № 1.: [Электронный ресурс]: URL:// http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1794&Itemid=215 (дата обращения: 16.05.2012)

¹² Торкунов А. Мировые реалии XXI века и внешняя политика России // Аналитические записки МГИМО (У) МИД РФ. – №1. – 2004. – С. 22.

¹³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения 15.08.2011)

¹⁴ Eurasia 2020. Global trends 2020 Regional Report (April 2004) // www.cia.gov/nic/PDF_GIF_2020_Support/2004_04_25_papers/eurasia_summary.pdf

¹⁵ NATO Launches an Ambitious Agenda for Lisbon Summit [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organisation. – Mode of access: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68431.htm>. — Date of access: 22.11.2010.

¹⁶ Мосейко Н.А. Эволюция образа России на Западе. Методологические аспекты./Н.А. Мосейко// Русский мир и вызовы эпохи. Материалы VII-х международных Лихачевских научных чтений. – СПб., 2007. – С. 132–133.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

А.А. Семёнов (Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ БЮДЖЕТНЫХ АВИАПЕРЕВОЗОК

Semenov A.A.

GEOGRAPHY FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND FUNCTIONING OF THE LOW COST AIR TRANSPORTATION OF THE WORLD

***Аннотация.** В статье рассмотрены географические особенности развития и функционирования бюджетных авиаперевозок в мире. Установлена связь между процессами создания бюджетных авиакомпаний и либерализацией авиационных рынков. Выделено 3 пика создания бюджетных авиаперевозчиков. Проанализирована иерархия бюджетных авиакомпаний мира и крупнейших аэропортов. На мировом уровне выделено 23 ареала концентрации бюджетных авиасообщений и 7 типов бюджетных авиакомпаний.*

***Abstract.** The article studies the geographical features of the development and operation of low cost airlines in the world. The author identifies connection between the processes of creating new low cost airlines and the liberalization of aviation markets. As a result the author determines 3 waves of creating of such airlines. The article also analyses hierarchy of low cost airlines and largest airports at the world level. The author allocates 23 areas of concentration of low cost air transportations and 7 types of low cost airlines.*

***Ключевые слова:** аэропорт, авиаперевозки, либерализация, пассажирооборот, классическая авиакомпания, бюджетная авиакомпания, сеть перевозок авиакомпании.*

***Key words:** airport, air transportations, air liberalization, passenger turnover, classical airline, low-cost airline, airline network.*

Современный этап развития авиационного транспорта характеризуется быстрым ростом авиакомпаний нового типа, так называемых бюджетных. Процесс их создания охватил ныне большинство регионов мира.

Все возрастающая роль бюджетных авиакомпаний, выражающаяся в увеличении их доли в перевозках на региональных и внутристрановых уровнях, заставляет изучать это явление не только экономистов, но и экономико-географов. В 2009 г. по данным OAG (Official Airline Guide) бюджетные авиакомпании обеспечивали 22% доступных пассажиромест в мире (676 млн. из 3067 млн. общего объема) [15]. Если перейти на региональный уровень, то роль этих авиакомпаний еще более значительна – они обеспечивают 29% пассажирооборота в Северной Америке и 33% в Европе [14, 15]. За последние 10 лет объем бюджетных авиаперевозок в мире вырос почти в 4 раза.

Особенности выделения бюджетных авиакомпаний

Т.к. быстрое развитие бюджетных авиакомпаний началось в США, то и первые официальные дефиниции таких перевозчиков были даны транспортными органами США. Департамент транспорта в 1996 г. выпустил отчет «Low Cost Airline Service Revolution», в котором определяются два основных элемента, характеризующих бюджетные авиакомпании: удельные издержки и ценовая политика [8]. Эксплуатационные издержки по перевозке 1 пасс.-км. должны быть меньше по сравнению с большинством других перевозчиков, также как и средний уровень цен, предлагаемых авиакомпаниями на отдельных маршрутах. При этом уровень отсечения одних авиакомпаний от других был хорошо заметен, поскольку разные бизнес-модели создавали полярные варианты таких компаний. На этом этапе выделять такие авиакомпании

было просто. Например для авиакомпаний Southwest Airlines и AirTran издержки на 1 пасс.-км. составляли 0,05–0,07 \$ США, в то время как для компаний Delta или United они превышали 0,1 \$ США [13].

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) в своей дефиниции основной упор также делает на величине удельных расходов авиакомпаний на перевозку одного пассажира и уровне тарифов. Согласно определению ИКАО «низкозатратный или бюджетный перевозчик» (LCC) – это «... авиaperевозчик, который имеет структуру с относительно низкими расходами (по сравнению с другими аналогичными перевозчиками) и предлагает низкие тарифы. Такой перевозчик может быть независимым, дочерней компанией крупного перевозчика или, в некоторых случаях, бывшим чартерным подразделением группы авиакомпаний». На основе этого принципа ИКАО ежегодно публикует списки авиакомпаний, признающихся бюджетными. В 2009 г. в этот список входила 121 действующая авиакомпания.

Кроме этого выделяется целый ряд косвенных признаков бюджетной авиакомпании: перевозка пассажиров только экономическим классом, использование унифицированного флота самолетов (класса Boeing 737 или Airbus A320), использование только электронных билетов, отсутствие офисов продаж, использование второстепенных аэропортов в крупных городах и др.

Связь процессов создания бюджетных авиакомпаний и либерализации авиационных рынков. Волны создания бюджетных авиакомпаний

Либерализация авиационных перевозок.

Почему бюджетные авиакомпании получили широкое распространение во многих регионах мира? Первый и самый главный тезис: создание и развитие бюджетных авиакомпаний зависело в большей степени не от условий экономического спроса на перевозки и потенциала конкретного рынка, а от степени зарегулированности или свободы действий авиaperевозчиков на этих рынках. Действительно, почему бюджетные авиакомпании имеют большее распространение в Малайзии и Мексике, чем в Японии и на Тайване? С экономической точки зрения Япония и Тайвань должны быть близки к США и странам Европы по уровню развития таких

сообщений, но специфика национального регулирования авиационного транспорта создает барьеры для развития этих сообщений.

В 1978 г. в США был принят закон «The Airline Deregulation Act», отменивший государственное регулирование внутреннего авиационного рынка, и принципы свободного передвижения и экономической эффективности стали основными во внутренних сообщениях. Монополия «Big Four» (большая четверка) во главе с ПанАм была ликвидирована. На рынок вышли многие региональные игроки, стало возможным использовать различные стратегии, резко возросло число создаваемых и обанкротившихся авиакомпаний. В течение 10 лет после либерализации занятость в отрасли увеличилась на 32%, а пассажироперевозки на 55%. При этом, реальная стоимость перелетов упала на 17%, а пассажиры сэкономили до 20 млрд. \$ ежегодно.

Успехи либерализации в США потянули за собой соответствующие изменения в Европе. В конце 1980-х гг. был сделан важный шаг в либерализации авиационного рынка и там. Так в 1987 г. Европейский Совет принял первый пакет мер по дерегуляции (отмене госконтроля) – «Single European Act»; в 1990 г. был принят второй пакет, а в 1992 г. – третий. Это устранило барьеры для конкуренции на едином европейском авиационном рынке. Было сформировано Единое европейское авиационное пространство (ЕСАА) в рамках ЕС. В 2006 г., после очередного расширения ЕС, в зону ЕСАА вошли 27 стран-членов ЕС, а также ранее присоединившиеся к нему Норвегия, Исландия. Все балканские страны также присоединились к ЕСАА. Авиакомпании, зарегистрированные на территории стран-членов ЕСАА, получили право самостоятельно определять стоимость билетов, частоту и направления перелетов между странами, входящими в единое европейское авиационное пространство [1,4].

Такой же процесс происходил и в других частях света (рис. 1). Так в Австралии и Новой Зеландии авиационный сектор был либерализован в начале 1990-х гг. В это же время он затронул и развивающиеся страны (в 1992 г. был либерализован рынок внутренних перевозок в Индии, в 1994 г. в Малайзии, в 1995 г. на Филиппинах). Следует отметить, что приватизация государственных компаний и отмена тарифного регулирования в разных странах происходила постепенно.

Рис. 1. География распространения процессов дерегулирования в авиационной сфере (Составлено автором)

Такой ход событий характерен, например, для Японии, Южной Кореи, Канады, России, Аргентины, Китая. Ряд стран уже завершил процессы дерегулирования, часть только начинается или продолжает их [2, 3, 5, 11].

Волны создания бюджетных авиакомпаний

Либерализация подготовила лишь условия для появления бюджетных авиаперевозчиков, но она не определяла сам процесс. Анализируя историю развития таких авиакомпаний в мире, видно, что с 1990 г. по 2008 г. возникло 170 бюджетных авиакомпаний [14], при этом 71 прекратила своё существование (рис. 2). В течение 1990-х гг. ежегодно в мире возникало около 5 новых бюджетных авиакомпаний (максимум – 9 в 1995 г.). Этот период характеризуется доминированием бюджетных авиакомпаний США. На начало 1990-х гг. пришелся пик активности по формированию рынка бюджетных авиаперевозок в этой стране, возникло много новых авиаперевозчиков, чему способствовали благоприятные экономические условия: устойчивый экономический рост, низкий уровень цен на топливо, что позволяло эффективно управлять издержками. Создавались отдельные авиакомпании и в других регионах мира – в Европе и Австралии, но широкого

распространения бюджетные авиакомпании еще не получили.

Важным фактором, обусловившим опережающее развитие бюджетных авиаперевозок, стали теракты 11 сентября 2001 г. Последовавшее за ними падение объемов авиаперевозок по всему миру (мировой объем пассажироперевозок восстановился только к 2004 г.) меньше всего сказалось на бюджетных авиакомпаниях. Они получили уникальную возможность захватить долю рынка у крупнейших традиционных национальных авиаперевозчиков, которые испытывали в это время большие трудности. В 2002 г. в США отмечен последний пик возникновения новых бюджетных авиакомпаний, некоторые из которых просуществовали всего несколько месяцев, настолько силен был эффект и мотивационный стимул к созданию таких авиакомпаний в этот период.

Для Европы, напротив, события 2001 г. имели последствия иного характера. Фактически, до 2001 г. здесь не создавались бюджетные авиакомпании, и их экспансии по континенту не наблюдалось. Все существовавшие тогда бюджетные авиакомпании были британскими или ирландскими (включая Ryanair и easyJet). С 2001 г. все коренным образом изменилось. В 2001–2005 гг. возникло более 40 бюджетных авиакомпаний, при этом зачастую

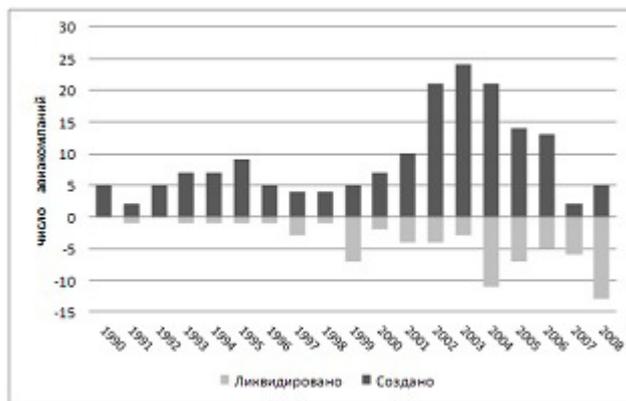

Рис. 2. Динамика создания и ликвидации бюджетных авиакомпаний в мире в 1990–2008 гг.

По данным Международной организации гражданской авиации

это были давно существовавшие традиционные авиакомпании разного масштаба, быстро сменившие модель своего развития [1]. В этом состоит главное отличие Европы от США. Быстрый рост бюджетных авиакомпаний привел к их территориальной экспансии в европейских странах: из Великобритании в Германию и Испанию, затем в Италию и страны Скандинавии, потом – в другие страны Европы. Франция изначально отстала в развитии низкобюджетных авиасообщений во многом из-за сохранения монополии национального авиаперевозчика Air France.

Если до 2004 г. в Европе бюджетные авиакомпании банкротились и закрывались очень редко, то с середины 2000-х гг. они вступили в фазу активной конкурентной борьбы, особенно на фоне дороговизны топлива. 2001–2008 гг. стали для Европы тем же, чем были 1992–2000 гг. для США. Шел процесс консолидации и избавления от неконкурентоспособных игроков авиационного рынка. В 2007–2008 гг. в Европе не появилось ни одной новой бюджетной авиакомпании.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе, в отличие от первых двух макрорегионов, низкобюджетные авиакомпании возникли лишь в нескольких странах. Последствия событий 2001 г. в этом регионе отразились незначительно, поскольку к этому времени во многих странах еще не возникло условий для широкого развития бюджетных авиакомпаний. Существовали значительные риски. Однако взрывной рост бюджетных авиасообщений в США и Европе в 2001–2002 гг. привел инвесторов к пониманию реальности

и успешности таких проектов, и в 2003–2004 гг. здесь были созданы новые лоу-кост перевозчики. Лидерами стали страны Юго-Восточной Азии: Малайзия, Сингапур, Таиланд. При этом, авиакомпании, как правило, представляли собой продукты иностранных инвесторов – AirAsia, Jetstar Asia, Tiger Airways и пр. Вслед за ними такие же авиакомпании стали возникать и в других развивающихся странах региона: Индии, Индонезии, Китае.

Таким образом, выделяется три волны создания бюджетных авиаперевозчиков, каждая из которых укладывается в определенный промежуток времени и имеет региональную привязку. Первая волна соответствует периоду с 1980 г. до середины 1990-х гг. и охватила, главным образом, Северную Америку (США, Канада), а также отдельные страны в других регионах: Австралию, Великобританию. Вторая волна продолжалась с 2000г. по 2004г. и характеризовалась возникновением множества бюджетных авиакомпаний в Европе. Третья волна началась в 2005 г. и продолжается до сих пор. Для неё характерно создание бюджетных авиакомпаний в развивающихся странах и регионах (Юго-Восточная Азия, Индия, Бразилия, Мексика, Ближний Восток, Россия, Китай и др.).

Современная пространственная структура мировых бюджетных авиаперевозок

Место в мире. Крупнейшие рынки бюджетных авиаперевозок.

В настоящее время бюджетные авиакомпании мира обеспечивают около 23%

всех мировых авиаперевозок [14, 15]; за прошедшее десятилетие с 2001 по 2009 г. их доля в перевозках выросла в 3,5 раза. Объемы пассажиромест, предоставляемых бюджетными авиакомпаниями, увеличиваются: с 202 млн. в 2001 г. до 676 млн. в 2009 г. Классические авиакомпании более подвержены спадам, которые отмечались в 2002–2004 гг. из-за последствий терактов 11 сентября 2001 г. и в 2009–2010 гг. – из-за мирового финансового кризиса. Абсолютный прирост мировых авиаперевозок был обеспечен в значительной мере бюджетными авиакомпаниями, так как объемы классических авиакомпаний с 2001 г. по 2009 г. почти не изменились: 2388 млн. пассажиромест в 2001 г. и 2391 млн. в 2009 г. Развитие бюджетных авиаперевозок обеспечило абсолютный прирост объемов предоставляемых пассажиромест в авиации с 2590 млн. в 2001 г. до 3067 млн. в 2009 г. О последовательной смене регионов-лидеров по динамике развития лоу-кост перевозок мы уже говорили выше. Изначально доминировала Северная Америка, в начале 2000-х гг. резко возросла доля Европы, а сейчас высокие темпы прироста показывают азиатские страны [11].

В настоящее время в мире выделяется три крупнейших региона развития бюджетных авиаперевозок. Это – Северная Америка с доминированием США; Европа и страны СНГ при ведущей роли стран Западной Европы; страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где выделяется три крупных ареала – Австралия и Новая Зеландия, Индия, страны Юго-Восточной Азии и несколько более мелких очагов, приуроченных к отдельным странам (Китай, Южная Корея, Япония). Все три региона имеют приблизительно равные объемы пассажирооборота всех авиакомпаний. Однако доля бюджетных среди них в Северной Америке и Европе в два раза выше, чем в странах АТР. С каждым годом это отставание будет уменьшаться. Высокая доля бюджетных авиакомпаний в Латинской Америке обеспечивается участием авиакомпаний Мексики и Бразилии, при этом абсолютные масштабы несравнимы с первыми тремя регионами. Менее важная роль бюджетных авиакомпаний в Африке и на Ближнем Востоке объясняется неразвитостью бюджетных авиасообщений в этих регионах. В Африке почти все бюджетные

авиаперевозки концентрируются в Южно-Африканской республике. Среди лидеров по доле бюджетных авиакомпаний во внутренних авиаперевозках выделяются страны АТР: Индия, Малайзия, Австралия, Филиппины, Таиланд; страны Латинской Америки и Африки: Бразилия, Мексика, ЮАР. Только Германия, Великобритания и Италия представляют развитые страны в первой десятке. В списке стран по доле бюджетных авиаперевозок в международном сообщении лидируют только страны Западной Европы, где впервые сформировалось единое международное авиационное пространство. В Юго-Восточной Азии относительно высокие доли бюджетных авиакомпаний в международных перевозках отмечаются в Малайзии, Индонезии, Филиппинах, Австралии, Новой Зеландии, Таиланде. Доля бюджетных авиакомпаний в международных перевозках здесь выше, чем в странах Северной Америки.

Что касается распределения общих объемов бюджетных авиаперевозок между странами и регионами мира (рис. 3), то лидером здесь являются США, концентрирующие более 200 млн. пассажиров, перевезенных бюджетными авиакомпаниями (около 30% мирового объема). На втором месте с большим отрывом следует Великобритания (85 млн.), затем Германия (64 млн.), Испания (45 млн.), Италия (35 млн.). На 6-м месте находится Бразилия (33 млн. перевезенных пассажиров), на 7-м – Австралия (32 млн.) и на 8-м – Индия (28 млн. пассажиров) [7]. Кроме этого выделяются такие страны как Турция, Канада, Мексика, Малайзия, Индонезия, Филиппины, ЮАР. В Объединенных Арабских Эмиратах в 2010 г. бюджетными авиакомпаниями было перевезено 5,5 млн. пасс., в Китае – около 11 млн., в России – не более 3 млн.

Географически выделяется ось распространения стран с развитыми бюджетными авиаперевозками: она тянется из Северной Америки через Атлантику в Европу, далее через Турцию и Ближний Восток в Индию, затем в Юго-Восточную Азию и Австралию. Бразилия и ЮАР при таком рассмотрении являются изолированными очагами.

Наибольшей концентрацией бюджетных авиакомпаний обладает Западная Европа, для крупнейших авиакомпаний здесь характерно наличие многочисленных баз-

Рис. 3. Абсолютные и относительные объемы бюджетных авиаперевозок по странам мира 2010 г. (Составлено автором по данным Official Airline Guide и национальных статистических ведомств)

вых аэропортов и небольшие средние расстояния перевозки. В Северной Америке за счет большей территории и меньшего числа авиакомпаний их влияние проявляется локально. В Азии сложно выделять общие тенденции, поскольку она разделяется на несколько очагов развития таких авиаперевозок. Среди них только регион Юго-Восточной Азии представляет собой целостную формирующуюся систему авиаперевозок по примеру Европы. Такие центры как Австралия и Новая Зеландия, Япония и Южная Корея изолированы от этой системы Юго-Восточной Азии и развиваются самостоятельно.

К перспективным регионам развития трансграничных бюджетных авиасообщений можно отнести Ближний и Средний Восток с ведущей ролью стран Персидского залива, а также страны и территории Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань; в перспективе и Китай). Другие районы развития бюджетных авиаперевозок являются внутристрановыми или имеют слабую международную составляющую. Сюда следует отнести Бразилию, Индию, ЮАР, Россию, Китай. Австралию и Новую Зеландию также следует рассматривать в качестве единого авиационного пространства.

Основные оси и ядра развития бюджетных авиаперевозок в мире

Несмотря на то, что в мире существует более 100 бюджетных авиакомпаний, основная часть их перевозок приходится на ограниченное число крупнейших перевозчиков. 50% бюджетных авиаперевозок (по объему перевезенных пассажиров) обеспечивают восемь авиакомпаний: Southwest, Ryanair, easyJet, GOL, Air Berlin, AirTran, JetBlue, Virgin Blue (табл. 1).

Существует глобальная иерархия крупнейших аэропортов, концентрирующих бюджетные авиаперевозки [12]. Анализ этого списка позволяет сделать вывод о том, что только США обладают действительно децентрализованной системой бюджетных авиаперевозок, как по географии маршрутов, так и по низкой степени концентрации этих перевозок в крупнейших центрах. Европейские бюджетные авиаперевозки являются децентрализованными лишь по характеру маршрутной сети. С точки зрения концентрации бюджетных перевозок в Европе выделяется один крупнейший авиаузел – Лондон с аэропортами Стэнстэд, Гэввик и Лутон, которые являются, в свою очередь, главными хабами авиакомпаний Ryanair и easyJet. Через этот узел проходит около 15–20% всех бюджетных авиаперевозок Европы; в США через крупнейшие центры –

Таблица 1

20 крупнейших бюджетных авиакомпаний мира (2010 г.)
По данным Center for Asia Pacific Aviation (CAPA)

Ранг	Авиа-компания	Пассажиров перевезено в 2009 году (тыс.)	Пассажиров перевезено в 2010 году (тыс.)	Страна/Регион	Главный базовый аэропорт (-ы)
1	Southwest Airlines	101 338	114 500	США	Даллас (Лав Филд), Чикаго (Мидуэй), Финикс, Лас-Вегас, Денвер, Лос-Анжелес и др.
2	Ryanair	66 500	72 720	Ирландия/Европа	Лондон (Стэнстэд), Дублин, Милан (Бергамо), Мадрид и др.
3	easyJet	48 100	49 750	Великобритания/Европа	Лондон (Гэтвик), Лондон (Лутон), Берлин (Шёнефельд), Милан (Мальпенса) и др.
4	GOL	28 385	32 000	Бразилия/Юж. Америка	Сан-Паулу (Конгоньяс), Рио-де-Жанейро (Инт.), Бразилиа и др.
5	Air Berlin	27 900	31 770	Германия/Европа	Берлин (Тегель), Дюссельдорф, Штутграт, Пальма-де-Мальорка
6	AirTran	24 000	24 700	США/Сев. Америка	Атланта (Хартсфилд), Орlando, Балтимор/Вашингтон
7	JetBlue	22 450	24 300	США/Сев. Америка	Нью-Йорк (Кеннеди), Форт-Лодэрдэйл, Бостон (Логан)
8	Virgin Blue	18 251	19 006	Австралия/АТР	Брисбен, Сидней
9	AirAsia	14 253	17 246	Малайзия/Юго-Восточная Азия	Куала-Лумпур
10	WestJet	14 000	15 200	Канада/Сев. Америка	Калгари, Эдмонтон, Ванкувер, Торонто
11	Frontier Airlines	10 261	14 800	США/Сев. Америка	Денвер
12	Norwegian Air Shuttle	10 754	13 030	Норвегия/Европа	Осло, Берген, Тронхейм, Стокгольм, Копенгаген
13	Jetstar Airways	10 233	11 500	Австралия/АТР	Мельбурн, Сидней
14	Vueling Airlines	8 199	11 030	Испания/Европа	Барселона, Мадрид
15	Cebu Pacific	8 700	10 500	Филиппины/Юго-Восточная Азия	Манила, Себу
16	TUIfly	10 500	10 000	Германия/Европа	Ганновер, Гамбург, Мюнхен,
17	Wizz Air	8 500	9 600	Венгрия/Европа	Будапешт, Бухарест, Варшава, Лондон (Лутон)
18	IndiGo	6 555	8 300	Индия	Мумбаи, Дели, Бангалор, Ченнаи, Колкатта
19	Germanwings	7 176	7 730	Германия/Европа	Кёльн/Бонн, Штутгарт, Берлин (Тегель)
20	Flybe	6 708	7 300	Великобритания/Европа	Манчестер, Бирмингем, Саутгемптон, Лондон (Гэтвик)

Денвер и Чикаго (Мидуэй) – проходит не более 7%. Для остальных стран и регионов характерна существенная концентрация бюджетных авиаперевозок в крупнейших центрах (Куала-

Лумпур, Манила, Сингапур в Юго-Восточной Азии; Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бразилиа в Бразилии; Дубаи, Шарджа на Ближнем Востоке; Москва в России и т. д.).

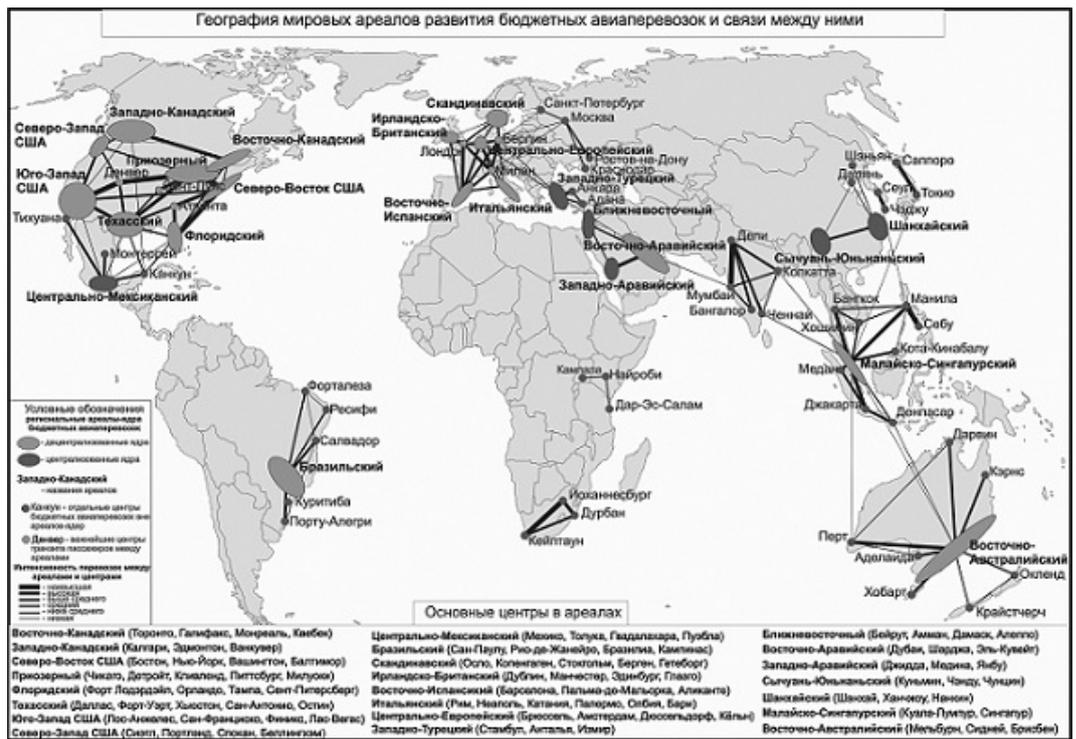

Рис. 4. Мировые ареалы концентрации центров бюджетных авиаперевозок. Составлено автором

Анализ размещения сети крупнейших центров генерации пассажиропотоков в различных регионах мира позволил выделить 23 ареала развития бюджетных авиасообщений. Эти ареалы концентрируют в себе более 80% объема мировых бюджетных авиаперевозок (рис. 4). Среди крупнейших мировых ареалов выделяются ареалы США и Европы: Юго-Запад США, Восточно-Испанский, Ирландско-Британский, Приозерный, Флоридский и т. д. Из 23 ареалов 17 были отнесены к децентрализованным: они обладают значительным числом аэропортов, сходных по своим размерам, роли в перевозках и т.д. Между аэропортами внутри этих ареалов высока интенсивность бюджетных авиаперевозок, например, Юго-Запад США, Скандинавский, Восточно-Австралийский. Остальные 6 ареалов были отнесены к категории централизованных с выраженным доминированием одного аэропорта, а также неразвитостью авиасообщений между аэропортами внутри ареала. Например, Мехико в Центрально-Мексиканском, Шанхай в Шанхайском, Джидда в Западно-Аравийском. Большинство таких ареалов сосредоточено в Северной Америке и Европе. Здесь

доминируют децентрализованные ареалы. Среди стран особо выделяются США (в них выделено 6 ареалов).

Для США и Европы выделен отдельный тип связующих авиаузлов, обеспечивающих транзитную связь между ареалами. В США это – Денвер, Атланта, Сент-Луис. В Европе – Лондон (который может выступать и отдельным ареалом, благодаря своему значению), Берлин и Милан.

Среди децентрализованных ареалов в развивающихся регионах выделяются Бразильский, формирующий ядро бюджетных авиаперевозок в Бразилии и включающий в себя основные авиаузлы страны Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бразилia. Восточно-Аравийский в Персидском заливе, который выступает в качестве ядра всех перевозок в регионе, включает в себя Дубай, Шарджу, Эль-Кувейт, Доху, Эр-Рияд и др. В Юго-Восточной Азии это – Малайско-Сингапурский ареал с дуополией и взаимодополнением Куала-Лумпура и Сингапура. В Австралии это – Восточно-Австралийский ареал, являющийся центром всех перевозок в Австралии и Океании: здесь сходятся внутренние перевозки, идущие с запада Австралии (Перт,

Аделаида, Дарвин), с востока – международные в Новую Зеландию (Окленд, Веллингтон, Крайстчерч) и Океанию (Фиджи). Централизованные ареалы характерны для Мексики, Турции, Ближнего Востока и Китая (табл. 2).

В ряде стран с развитыми бюджетными авиаперевозками невозможно выделить ареалы с главным центром. Здесь главную роль играют отдельные центры, территориально удаленные друг от друга. Например, в Индии доминируют прямые связи между пятью главными центрами, в ЮАР – между тремя. Сюда же попадают и страны с небольшими объемами бюджетных перевозок (Россия, Кения) и числом маршрутов (Южная Корея, Япония).

Типология бюджетных авиакомпаний мира

На основе проведенного анализа нами составлена типология бюджетных авиакомпаний мира. Основными показателями бюджетных авиакомпаний мира, на основе сравнения которых и выделялись типы, являлись объемы авиаперевозок, среднее расстояние перевозки, возраст авиакомпании, соотношение международных и внутренних перевозок. Исследовались авиакомпании, выделенные в 2009 г. Международной Организацией Гражданской Авиации (ИКАО) как бюджетные авиаперевозчики. Все авиакомпании были разбиты на три категории – международные (более 95% перевозок являются международными), «домашние» (все авиаперевозки осуществляются внутри страны базирования) и смешанные, когда обнаруживаются разные сочетания внутренних и международных перевозок. Из 86 проанализированных авиакомпаний к международным были отнесены 20, к «домашним» – 26, к смешанным – 46 авиакомпаний. В результате было выделено 7 типов бюджетных авиакомпаний мира (табл. 3).

1-й тип – это крупнейшие бюджетные авиакомпании, отличающиеся максимальными объемами перевозок, относительно долго существующие и являющиеся лидерами-образцами для всех остальных бюджетных авиакомпаний. В этом типе выделены два подтипа авиакомпаний. Первый включает в себя три авиакомпании: Southwest Airlines, Ryanair и easyJet. Это – ключевые бюджетные авиакомпании мира, оказывающие влия-

ние не только в своих регионах, но и на мировом уровне. Второй подтип – важнейшие региональные авиаперевозчики второго эшелона, выполняющие аналогичные функции на региональных рынках. Например, GOL в Южной Америке, AirAsia в Юго-Восточной Азии, Air Berlin в Европе, Virgin Blue в Австралии и Океании и др.

2-й тип – малые и средние молодые «домашние» авиакомпании, характерные для крупнейших развивающихся стран мира, а также для некоторых развитых стран. В этот тип входят все авиакомпании Мексики, ЮАР, Индии (кроме Air India Express), России, Китая, Бразилии (Azul и Webjet), Таиланда (Nok Air), Индонезии, Филиппин и др. Из авиакомпаний развитых стран к этому типу относятся недавно созданные Tiger Airways Australia и Virgin America, которые отличаются максимальными средними расстояниями перевозок среди «домашних» авиакомпаний.

3-й тип – средневозрастные «домашние» авиакомпании, созданные в 1990–2002 гг. и характерные для развитых стран. Это – американские Frontier Airlines и Allegiant Air, японские Air Do, Skymark и StarFlyer.

4-й тип – малые и средние интернациональные авиакомпании. Для этих авиакомпаний характерно доминирование международных маршрутов. Для европейских компаний характерны небольшие средние расстояния перевозки, для остальных – выше среднего. К этому типу относятся ближневосточные авиакомпании (Flydubai, Jazeera Airways, Air Arabia); авиакомпании Юго-Восточной Азии (Jetstar Asia, Tiger Airways), а также Shaheen Air, Air India Express. Из европейских авиакомпаний в этот тип вошли Wizz Air, Niki, Smart Wings, Blue Air, Belle Air.

5-й тип – смешанные авиакомпании среднего размера. Это – авиакомпании, которые были созданы после 2000 г. и имеют промежуточные показатели по соотношению объемов перевозок и среднему расстоянию перевозки пассажира. К этому типу относятся многие европейские авиакомпании: Flybe, germanwings, Meridiana Fly, Wind Jet, Vueling Airlines, Norwegian Air Shuttle, Anadoly Jet. Из авиакомпаний других регионов выделяются саудовская Nas Air, а также авиакомпании Юго-Восточной Азии Indonesian AirAsia и Thai AirAsia.

6-й тип – авиакомпании чартерного типа. Это преимущественно смешанные

Основные характеризующие показатели ареалов концентрации центров бюджетных авиаперевозок

Ареал	Категория (децентр. или центр.)	Соотношение бюджетных перевозок %, оценка		Общий объем бюджетных авиаперевозок, (тыс. пасс.), оценка	Доля ареала в общих мировых бюджетных авиаперевозках, %
		внутри-ареальные, %	внешние, %		
Восточно-Канадский	децентр.	60	40	5000	0,75
Западно-Канадский	децентр.	80	20	10000	1,49
Северо-Восток США	децентр.	20	80	21000	3,13
Приозерный	децентр.	10	90	35000	5,22
Флоридский	децентр.	15	85	41000	6,12
Техасский	децентр.	35	65	18000	2,69
Юго-Запад США	децентр.	65	35	59000	8,81
Северо-Запад США	децентр.	10	90	5000	0,75
Центрально-Мексиканский	центр.	5	95	10000	1,49
Бразильский	децентр.	65	35	30000	4,48
Скандинавский	децентр.	65	35	29000	4,33
Ирландско-Британский	децентр.	35	65	55000	8,21
Восточно-Испанский	децентр.	15	85	58000	8,66
Итальянский	децентр.	55	45	35000	5,22
Центрально-Европейский	децентр.	5	95	33000	4,93
Западно-Турецкий	центр.	25	75	11000	1,64
Ближневосточный	центр.	2	98	2000	0,30
Западно-Аравийский	центр.	10	90	3500	0,52
Восточно-Аравийский	децентр.	80	20	7500	1,12
Малайско-Сингапурский	децентр.	45	55	24000	3,58
Восточно-Австралийский	децентр.	65	35	27000	4,03
Сычуанско-Юньнаньский	центр.	10	90	4500	0,67
Шанхайский	центр.	5	95	3700	0,55

авиакомпания, ориентированные на перевозку туристов. Они отличаются квазимеридиональной маршрутной сетью, увеличенными расстояниями перевозок по сравнению с другими авиакомпаниями смешанного типа. Этот тип включает в себя авиакомпании только европейского и североамериканского регионов. В Европе это bmibaby, Jet2.com, Transavia.com, Pegasus Airlines, Sun Express, TUIfly, Corendon Airlines; в Северной Америке – Spirit Airlines, USA 3000, Sunwing Airlines.

7-й тип – бюджетные авиакомпании, обслуживающие сверхдальние направления. К этому типу отнесены авиакомпании AirAsiaX и созданная в 2010 г. V Australia

(дочерняя компания австралийской Virgin Blue). Эти авиакомпании формируют новый тип бюджетных авиакомпаний, который преодолевает барьер расстояния и выходит на транс- и межконтинентальный уровень перевозок. Используя флот самолетов Аэробус А340 и Боинг 777-300ER, они обеспечивают связи на расстояниях от 3000 до 10000 км.

Выводы. Авиационный транспорт, как один из самых молодых видов, претерпевает изменения в режиме «реального времени». Бюджетные авиакомпании являются олицетворением этой динамики. За два последние десятилетия они распространили свою дея-

Таблица 3

Характеристика типов бюджетных авиакомпаний мира

Тип бюджетной авиакомпании	Возраст	Объемы перевозок (пасс. в год)	Степень интернационализации перевозок	Среднее расстояние перевозок (километров)	Авиакомпании
Тип 1. Ключевые авиакомпании	10–35 лет	Более 15 млн	главным образом смешанные	оптимальное (100–1400)	<i>Подтип 1 (Глобальные лидеры):</i> Southwest Airlines, Ryanair, easyJet <i>Подтип 2 (Региональные лидеры):</i> GOL, AirAsia, WestJet, Air Berlin, Virgin Blue, Cebu Pacific, AirTran, JetBlue
Тип 2. Молодые «домашние» авиакомпании малого и среднего размера	менее 7 лет	менее 10 млн	100% внутри-страновые	меньше оптимального (500–1200)	Avianova, Orient Thai, Azul, Jin Air, Air Busan, Eastar Jet, EasyFly, Kingfisher Red, Lucky Air, Spring Airlines, Zest Airways, Airphil Express, West Air, JetLite, Mandala, Mango, 1Time, kulula.com, Sky Express, Viva Aerobus, Go Air, IndiGo, InterJet, SpiceJet, Volaris, Webjet, Nok Air, Tiger Airways Australia, Virgin America, JAI Express и др.
Тип 3. Средневозрастные «домашние» авиакомпании США и Японии	7–15 лет	2–15 млн	100% внутри-страновые	больше оптимального для авиакомпании США (1400–1500) и меньше для Японии (500–800)	<i>авиакомпания США:</i> Frontier Airlines, Allegiant Air и др.) <i>авиакомпания Японии:</i> (Air Do, Skymark Airlines, Star Flyer)
Тип 4. Молодые интернациональные авиакомпании малого и среднего размера	менее 9 лет	менее 8 млн	более 95% международные	равно или превышает оптимальное (1200–2500)	Wizz Air, Niki, Smart Wings, Blue Air, Belle Air, Jet4you, Flydubai, Air Arabia, Jazeera Airways, Shaheen Air, Air India Express, Jetstar Asia, Tiger Airways, Valuair, Polinesien Blue, Pacific Blue
Тип 5. Бюджетные авиакомпании смешанного типа	2–15 лет	2–10 млн	не более 80% на долю внутренних или международных перевозок	оптимальное (1100–1300)	Norwegian Air Shuttle, Vueling Airlines, Flybe, germanwings, Meridiana Fly, WindJet, Jetstar Airways, Anadoly Jet, Indonesian AirAsia, Thai AirAsia
Тип 6. Бюджетные авиакомпании чартерного типа Северной Америки и Европы	более 7 лет	2–9 млн	главным образом смешанные	больше оптимального для Северной Америки (1450–1600) и близкое к оптимальному для Европы (1150–1250)	<i>авиакомпания Северной Америки:</i> Spirit Airlines, USA 3000, Sunwing Airlines и др. <i>авиакомпания Европы:</i> bmibaby, Jet2.com, transavia.com, TUIfly, Sun Express, Pegasus Airlines
Тип 7. Молодые бюджетные авиакомпании, обслуживающие сверхдальние маршруты	менее 3 лет	менее 3 млн	100% международные	большое (более 3000)	AirAsiaX, V Australia

тельность на все континенты. Нами систематизированы происходившие изменения и проанализировано современное состояние этого сектора авиационных перевозок.

Выявлена тесная связь между временным и пространственным развитием бюджетных авиаперевозок. Установлено существование прямой зависимости между временем либерализации авиационных секторов стран и развития в них бюджетных авиаперевозок. Выделены три волны их создания, каждая из которых укладывается в определенный промежуток времени и имеет региональную привязку.

В мире выделяется только четыре региона с высоким уровнем международной перевозочной активности бюджетных авиакомпаний. Это – Северная Америка, Европа, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия. При этом Северная Америка выделяется лишь абсолютными объемами таких перевозок, их относительная доля невелика. Деятельность бюджетных авиакомпаний в других регионах сосредоточена, главным образом, внутри отдельных стран. Эти страны обладают обширной или протяженной территорией и в них действуют, как правило, несколько бюджетных авиаперевозчиков.

Для большинства бюджетных авиакомпаний мира характерна ориентация на перевозки внутри стран, где они зарегистрированы. 30% авиакомпаний действуют исключительно внутри собственных стран. 19%, напротив, базируясь в единственном аэропорте стране, осуществляют исключительно международные перевозки. 51% авиакомпаний в разной степени сочетают внутренние и международные перевозки.

Существуют различия в специфике развития бюджетных авиаперевозок в наиболее развитых и развивающихся регионах и странах. Так, для США и Европы характерно использование бюджетными авиакомпаниями второстепенных аэропортов и значительная децентрализация сетей перевозок. В то же самое время это нехарактерно для большинства авиакомпаний в развивающихся странах и регионах (Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Бразилия, ЮАР и др.). Это объясняется различиями в исходных условиях, предоставляемых каждой конкретной территорией (равномерность размещения населения; степень либерализации международных

перевозок, если речь идет о регионах; наличие сильных конкурентов и т.д.).

Не существует единой для всех стран зависимости между долей бюджетных авиакомпаний и расстоянием перевозки пассажиров. Существует лишь барьер в 2500 – 3000 км, на расстояние дальше которого самолеты бюджетных авиакомпаний, как правило, не летают из-за технических ограничений самолетов. Распределение долей бюджетных авиакомпаний на расстояниях от 500 до 2500/3000 км в разных странах идет по-разному. В первую очередь на это оказывает влияние внутренняя география размещения основных центров генерации пассажиропотоков.

Несмотря на внутренние различия в расположении главных центров генерации пассажиропотоков в разных странах и регионах, бюджетные авиаперевозчики тяготеют к использованию маршрутов средней протяженности. Таким образом, основным географическим критерием бюджетной авиакомпании выступает именно среднее расстояние перевозки. Авиакомпании с дальностью полетов близкими к 1200 км являются самыми старыми и отличаются максимальными объемами пассажирооборота.

Для мировой системы бюджетных авиаперевозок характерна пространственная концентрация основных центров генерации пассажиропотоков не просто в отдельных странах и регионах (США, Европа, Юго-Восточная Азия), а в отдельных локальных ареалах внутри них (Юго-Запад США, Ирландско-Британский ареал в Европе и др.). При этом по абсолютным объемам лидируют аэропорты развитых стран мира (аэропорты США, Европы и Австралии). На уровне отдельных авиакомпаний заметна концентрация значительных объемов пассажироперевозок у крупнейших из них: 6% авиакомпаний обеспечивают 50% перевозок.

Выделенные типы бюджетных авиакомпаний позволяют описать внутреннюю неоднородность системы бюджетных авиаперевозок мира, в т.ч. в плане их пространственного развития.

Развитие бюджетных авиаперевозок в мире является шагом к трансформации всей системы авиационных пассажироперевозок в мире в новую, более сложную функциональную систему. В будущем бюджетные авиакомпании должны стать ключевым звеном

в перевозках на макрорегиональном уровне (Европа, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток) и внутри отдельных крупнейших стран (Индия, Бразилия, Австралия, ЮАР). Классические авиаперевозчики будут все больше специализироваться на дальних междуна-

рных перевозках, интегрируясь друг с другом (об этом свидетельствует создание и постоянное расширение трех глобальных авиационных альянсов). Третьим звеном в этой системе будут выступать небольшие региональные авиакомпании местного значения.

Библиографический список

1. Семенов А. А. География аэропортов и авиакомпаний Европы в условиях либерализации и конкуренции // Региональные исследования. – 2011. – №1 (31). – С. 76–86.
2. Флоттау Й., Уолл Р., Компарт Э., Гибридизация и адаптация лоу-кост авиакомпаний // Авиатранспортное обозрение. – 2009. – №102.
3. Ballentine, T., McGee, C., LCC revolution // *Orient Aviation Journal*, November 2010, 14–21.
4. Burghouwt, G., Hakfoort, J. & Ritsema van Eck, J. (2003). The spatial configuration of airline networks in Europe. *Journal of Air Transport Management*, 7, (5), 309–323.
5. Franke, M. (2004), Competition between network carriers and low-cost carriers: retreat, battle or breakthrough to a new level of efficiency? // *Journal of Air Transport Management* 10:1, 15–21.
6. Oum, T.H., Yu, C. and Zhang, A. (2001), 'Global airline alliances: international regulatory issues', *Journal of Air Transport Management* 7:1, 57–62.
7. Global LCC Outlook Report 2009/ Center for Asia Pacific Aviation, Sydney, Australia.
8. U.S. Department of Transportation (1996), *The Low Cost Service Revolution* // Office of Aviation and International Economics, Washington, D.C.
9. World Airport Traffic Report (WATR) // ACI, 2009.
10. World Air Transport Statistics (WATS) // IATA, 2007.
11. Zhang, A., Hanaoka, S., Inamura, H., Ishikura, T., Low-cost carriers in Asia: Deregulation, regional liberalization and secondary airports // *Research in Transportation Economics* 24 (2008), pp. 36–50.
12. www.airports.org Международный совет аэропортов (Airports Council International).
13. www.bts.gov Бюро транспортной статистики США.
14. www.centreforaviation.com Независимая международная организация по анализу авиационных перевозок (Center for Asia Pacific Aviation (CAPA)).
15. www.oag.com (Official Airline Guides). Информация о маршрутах и рейсах.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

А.Б. Грачев (Смоленск)

СТРАТИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ АРЕАЛОВ ВЗАИМНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ГОРОДОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Grachev A.B.

STRATIFICATION AND TYPOLOGY OF THE AREAS OF MUTUAL SOCIAL-ECONOMIC INFLUENCE OF TOWNS IN THE FRONTIER REGIONS IN THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT

Аннотация. В статье предложена методика определения ареала взаимного влияния приграничного города на близлежащие города и населённые пункты, расположенные на территории нашего и соседнего государств. Обоснована и предложена формула определения величины ареала влияния города за пределами государственной границы. На основании картографического метода исследования и расчётов ареала влияния была проведена стратификация и типология этих ареалов.

Abstract. The article presents methods of definition of the areas of mutual influence of the frontier city to the neighboring cities and towns, situated on the territory of our and neighboring state. The definition formula of the area size of the city influence on the other side of the state border is presented in the article. On the basis of cartographical method of research and area accounts of the influence the stratification and typology of these areas are presented in this article.

Ключевые слова: приграничный город, ареал влияния, система, государственная граница.
Keywords: frontier town, area of influence, system, state border.

Приграничные области Центрального федерального округа занимают особое геополитическое место на карте нашей страны. Это не только субъекты Российской Федерации и пограничные регионы, но и территория, находящаяся на стыке исторического расселения трех славянских народов – белорусского, русского и украинского.

Кардинальному изменению роли приграничных регионов Центрального федерального округа способствовали распад Советского Союза, развитие рыночных отношений и повышение открытости экономики России. После распада Советского Союза пять регионов Центрального федерального округа обрели статус пограничных, в результате чего протяженность новых границ составила около 1,3 тыс. км. Появление государственной границы не могло не сказаться на характере

дальнейшего социально-экономического развития городов и регионов нового пограничья.

Приграничье Центрального федерального округа включает пять областей Российской Федерации, три области республики Беларусь и четыре области Украины. Непосредственное приграничье Центрального федерального округа можно разбить на российско-белорусское и российско-украинское, которое включает тридцать административных районов, причём Климовский район Брянской области одновременно граничит с Гомельской областью Республики Беларусь и Черниговской областью Украины. Российско-белорусское непосредственное приграничье включает четырнадцать административных районов со стороны Российской Федерации и десять административных районов республики Беларусь, а в российско-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-02-00-668а/Б2 «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Белоруссии в постсоветский период».

украинское непосредственное приграничье, входят двадцать один административный район со стороны Российской Федерации и двадцать два административных района со стороны Украины.

В свою очередь территория города формируется под воздействием состояния местной инфраструктуры, характера расселения, использования ресурсов города. С границей и приграничным положением малого города связано явление приграничного эффекта. Приграничное положение оказывает воздействие практически на все стороны жизни малых городов и приграничных административных районов. Можно выделить социально-экономическое, экологическое, политическое и целый ряд других влияний на приграничные малые города и поселения. Социально-экономический эффект пограничного соседства можно выделить как позитивный, так и негативный, который зависит от масштабов и активности социально-экономических связей. В значительной степени приграничный эффект зависит от барьерной или контактной функции границы. Положительный эффект приграничного положения малого города обычно происходит в условиях прозрачности границы и хорошо налаженных экономических и

социальных связей между сопредельными сторонами. Административные границы между областями и районами являются прозрачными и контактными, а их барьерная функция распространяется лишь на незначительное число общественных процессов, происходящих в регионах. Так, между приграничными районами России и Беларуси, в условиях прозрачности границы, активно развивается приграничная торговля, объёмы которой зависят только от цены и качества товара. Иногда государственные границы выступают в качестве непреодолимого барьера для многих социально-экономических процессов. С введением государственной границы между бывшими союзными республиками была разделена единая социально-экономическая система и в первую очередь – транспортная, культурная, а также система расселения.

В советский период, когда между соседними братскими союзными республиками Россией, Белоруссией и Украиной существовала условная граница, ареалы влияния двух соседних городов (населённых пунктов), расположенных в разных союзных республиках, можно представить в виде двух взаимно «пересекающихся» окружностей, изображённых на рисунке 1.

Рис. 1. Схема взаимного влияния двух соседних городов советского периода

В настоящее время, когда проведена государственная граница между двумя соседними городами (населёнными пунктами), ареалы взаимного влияния можно представить в виде рисунка, где сферы взаимного влияния как бы искажаются (сплющиваются) вдоль государственной границы и одновременно незначительно «вытягиваются» в районе пограничного перехода (рис. 2).

Как справедливо замечает А.П. Катровский: «По мере удаления от границ происходит «угасание» приграничного эффекта» [1, с. 11]. Ослабление приграничного эффекта по мере удаления от границ не всегда носит линейный характер, так как на приграничный эффект влияет конфигурация транспортной сети и её пропускная способность, типы населённых пунктов, а также другие факторы.

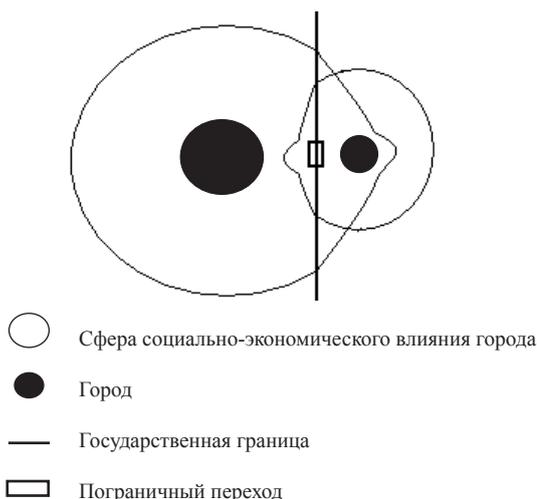

Рис. 2. Схема взаимного влияния двух приграничных городов в настоящее время

Для определения зоны влияния города В.А. Шупером был предложен метод, который основан на использовании потенциала поля расселения. Согласно его методике, радиус зоны влияния рассчитывается по формуле:

$$R = \sqrt[3]{\frac{H}{4}}, \quad [1]$$

где: H – население города (тыс. жит.);
 R – радиус зоны влияния (км).

По мнению автора, для определения зоны влияния приграничного города на близлежащие города и населённые пункты, расположенные на территории соседнего государства, можно выделить два основных фактора. Первый фактор, определяющий распространение ареала влияния города – само проведение государственной границы и второй фактор – время, которое прошло после разделения территории государственной границы.

С проведением государственной границы для населения, живущего в приграничье, становится всё труднее общаться со своими родственниками, друзьями и знакомыми, живущими по разные стороны государственной границы. Со временем все эти связи начинают ослабевать, а со сменой поколений (в течение 50 лет) они практически полностью исчезнут.

Учитывая влияние вышеперечисленных факторов, величина ареала влияния города

за пределами государственной границы будет выражаться следующей формулой:

$$Z = K \times \sqrt[3]{\frac{H}{4}} \times \frac{50 - T}{50} \quad \text{при } 0 < T < 50, \quad [2]$$

где: H – население города (тыс. человек);
 Z – зона влияния (км.); K – коэффициент влияния государственной границы; T – время с момента образования границы (годы).

Коэффициент влияния государственной границы выступает как ослабляющий коэффициент влияния ареала города на соседние территории, расположенные за пределами государственной границы. Величина коэффициента зависит от межгосударственных политических отношений между двумя сопредельными государствами, то есть зависит от политики правительств этих государств. Если политика руководства республики Беларусь и руководства России направлена на сближение и образование союзного государства, а граница между государствами полупрозрачная, то коэффициент влияния в данном случае будет составлять 0,75. В то же время государственная граница между Россией и Украиной стала реальным барьером не только для культурного и социально-экономического обмена для народов республик, но и для общения граждан обеих стран. Поэтому коэффициент влияния государственной

границы в данном случае будет более низким и составит 0,5.

В приграничных регионах Центрального федерального округа, как правило, малые и средние города являются центрами административных районов. Города Сельцо и Фокино (Брянская область), Нововоронеж (Воронежская область) и Десногорск (Смоленская область), являются исключением, так как они были построены рядом с градообразующими предприятиями и атомными электростанциями.

Автором был применён картографический метод исследования, который позволяет зримо ощутить особенности размещения малых и средних городов на территории административных районов. Для этого на картах Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской и Смоленской областей с масштабом 1:400000 были нанесены зоны административного влияния на прилегающую территорию. Анализ зон административного влияния показал, что в приграничных регионах Центрального федерального округа минимальное расстояние ареала административного влияния малых и средних городов составляет 0,5 километра (города Павловск и Семилуки Воронежской области), а максимальное расстояние достигает 60,5 километров (Духовщина Смоленской области). В приграничных областях Центрального федерального округа наиболее асимметрично, относительно административной границы, расположены города в Воронежской и Смоленской областях.

Асимметричное расположение административного центра на управляемой территории (район или область) с одной стороны ослабляет влияние на удалённые территории, а с другой стороны усиливает социально-экономическое влияние на прилегающую территорию соседних районов (областей). В реальной жизни зоны административного влияния города на прилегающую территорию не всегда совпадают и ареалом социально-экономического влияния.

Рассматривая город как социально-экономический и культурный центр прилегающих территорий, нами выделены следующие факторы социально-экономического влияния города:

- величина города – численность населения города, этажность застройки и занимаемая городом территория;

- наличие развитых транспортных сетей (автомобильной, железнодорожной и водной) – транспортная доступность
- социально-экономический потенциал города (наличие в городе крупных и средних предприятий, образовательных, медицинских и культурно-досуговых учреждений)
- исторические традиции, сложившиеся в данной местности.

При вовлечении в ареал влияния городов и населённых пунктов сопредельной территории образуются десятки прямых и обратных связей не только между этим городами и населёнными пунктами, но и между регионами, где расположены данные поселения, таким образом, образуются региональные и межрегиональные социально-экономические системы.

В зонах влияния приграничья необходимо выделить крупные города, которые являются транспортными узлами и оказывают экономическое и социальное воздействие на города и населённые пункты соседних областей сопредельных государств. Кроме крупных городов на социально-экономическое развитие приграничных территорий также оказывают влияние малые и средние города, расположенные по обе стороны границы. Эти приграничные города образуют цепь ареалов различной величины и силы влияния на территорию, расположенную вдоль непосредственного приграничья. После проведения стратификации ареалов влияния непосредственного приграничья, на наш взгляд, можно выделить следующие основные типы ареалов внутри которых образовались социально-экономические системы:

- а) агломерация – крупный город;
- б) крупный город – крупный город;
- в) крупный город – малый или средний город;
- г) малый город (средний город) – малый город (средний город);
- д) малый город – населённый пункт;
- е) населённый пункт – населённый пункт.

Такая стратификация приграничного пространства с одной стороны, объективна, а с другой – объективна относительно, так как административные районы, непосредственно не являющиеся приграничными, входят в состав приграничных регионов страны и также испытывают на себе эффекты приграничья.

В качестве примера социально-экономической системы, образованной агломерацией и крупным городом (расположены по разные стороны государственной границы), можно рассмотреть связи между Харьковской агломерацией и крупным городом Белгородом.

Ещё с советских времён город Харьков являлся не только центром высокотехнологичного производства, культуры, науки и образования, но и был крупнейшим железнодорожным узлом Советского Союза. По своему социально-экономическому потенциалу город Харьков занимал третье место среди основных социально-экономических центров страны, уступая лидерство только Москве и Ленинграду. Таким образом, город Харьков привлекал не только рабочие руки для растущей промышленности, но и большое количество молодёжи, приезжающей получать образование в вузах и техникумах города. В ареал социально-экономического влияния города Харькова, являвшегося крупной агломерацией Советского Союза, попадала не только территория Украины, но и территория нынешних приграничных областей Центрального федерального округа.

Несмотря на развал Советского Союза, остались довольно тесные связи между Харьковской агломерацией и Белгородской областью, а также некоторыми городами и населёнными пунктами Курской, Воронежской и Брянской областей. Близость Харькова и Белгорода (81 км), которые соединены мощным транспортным коридором, по-прежнему создает хорошие предпосылки для экономического, культурного и образовательного сотрудничества.

Примером влияния социально-экономических ареалов двух крупных городов, расположенных по разные стороны границы, служит взаимодействие городов Брянска (Российская Федерация) и Гомеля (республика Беларусь). Экономическое сотрудничество между двумя городами осуществляют десятки предприятий и организаций, расположенных как в городе Гомеле, так и в городе Брянске. Ярким примером совместного экономического сотрудничества является созданное в 2005 году совместное предприятие ЗАО «Брянксельмаш», которое вместе с производственным объединением «Гомсельмаш» выпускает кормоуборочную технику и

запасные части к ней. Совместное производство сельскохозяйственной техники в городе Брянске за счёт применения более дешёвого металлопроката и комплектующих российского производства, а также сокращения транспортных расходов позволяет снизить себестоимость выпускаемой продукции.

В торговой сети города Брянска широко представлена продукция предприятий города Гомеля: мебель, трикотажные изделия, обои, электротовары, парфюмерно-косметические товары, а также мясомолочная продукция и хлебобулочные изделия.

Поддерживаются тесные связи между Гомелем и Брянском в культурно-образовательной сфере. Так, Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины поддерживает сотрудничество с Брянским государственным университетом и филиалом Всероссийского заочного финансово-экономического института в городе Брянске, регулярно проводятся совместные научно-практические конференции преподавателей и студентов этих вузов. В рамках творческого обмена в города-побратимы постоянно выезжают на гастроли творческие коллективы.

В качестве ареала взаимного социально-экономического влияния крупного города на малый город можно выделить:

а) интеграционные ареалы в российско-белорусском пограничье: ареал крупного города Витебска (республика Беларусь) оказывает влияние на малый город Рудня (Смоленская область); ареал крупного города Гомеля (республика Беларусь) оказывает социально-экономическое влияние на группу малых городов: Злынка, Новозыбков, Стародуб, Унеча и средний город Клиницы, (юго-запад Брянской области);

б) интеграционный ареал в российско-украинском пограничье крупного города Сумы (Украина) оказывает влияние на малый город Суджа Курской области.

Ещё с советского периода, когда братские республики разделяла только административная граница, население вышеуказанных городов и районов приграничья было ориентировано на получение образования, поездки выходного дня для посещения культурно-развлекательных учреждений и поездки за покупками в этих крупных городах. В настоящее время, несмотря на произошедшие политические изменения, население по-прежнему продолжает тяготеть к этим городам.

Большинство малых и средних городов, расположенных по обе стороны российско-белорусской и российско-украинской границы, имеют тесные исторические и культурные связи, обладают сходством хозяйственной специализации и экономико-географического положения, являются местными центрами организации трансграничных связей населения. Малые и средние города, расположенные по обе стороны границы, образуют пары ареалов взаимного влияния двух соседних городов. Внутри этих ареалов образуются сложные социально-экономические системы, в которые входят пограничный переход и прилегающие населённые пункты. Такие системы являются организаторами и участниками непосредственной социально-экономической интеграции приграничных регионов.

Несмотря на распад Советского Союза и образование независимых государств Беларусь, Россия и Украина, в настоящее время идёт поступательное развитие экономических и общественных связей этих приграничных регионов. За последние годы возросли объёмы приграничной торговли между регионами, установились прочные социально-экономические связи между приграничными малыми городами и административными районами сопредельных территорий, заключён целый ряд многосторонних и двусторонних соглашений о приграничном сотрудничестве. В рамках реализации положений этих соглашений происходит налаживание прямых производственных связей между предприятиями промышленности и сельского хозяйства, создаются совместные предприятия, расширяются контакты в образовательной и культурной сфере, трудоустраиваются граждане соседних государств. Основная цель этих соглашений – улучшение социально-экономического положения населения административных районов, в том числе малых и средних городов приграничья.

В качестве таких социально-экономических ареалов взаимного влияния можно выделить пары ареалов взаимного влияния двух соседних малых городов:

а) в российско-белорусском пограничье Сураж (Брянская область) – Костюковичи (Могилёвская область) и Злынка (Брянская область) – Добруш (Гомельская область);

б) в российско-украинском пограничье Стародуб (Брянская область) – Семёновка

(Черниговская область), Севск (Брянская область) – Середина Буда (Сумская область), Рыльск (Курская область) – Глухов (Сумская область), Шебекино (Белгородская область) – Волчанск (Харьковская область) и Валуйки (Белгородская область) – Купянск (Харьковская область).

В современном российско-белорусско-украинском приграничье можно выделить десятки ареалов взаимного влияния «населённый пункт – населённый пункт», которые образуют цепочку взаимосвязанных ареалов. Независимо от государственной принадлежности и статуса населённого пункта (село или деревня), интеграция между населёнными пунктами проходит, главным образом, на более обыденном, хозяйственно-бытовом уровне, сочетаясь с местными традициями и семейными связями, которые являются цементирующим звеном приграничного пространства. Говоря о взаимном влиянии ареалов социально-экономической системы «населённый пункт – населённый пункт» в сопредельном приграничье, уместно вспомнить мнение профессора Л.И. Попковой об исторических особенностях формирования современного приграничного пространства. «Общие исторические корни, жизнь в постоянном контакте, взаимопроникновение, борьба против общего врага, совместный созидательный труд, взаимовлияние культур, объединение для совместных действий в войне и в обороне, и в решении задач освоения и обустройства территории. Все это, действуя в течение продолжительного времени, наложило характерный отпечаток на пространственную структуру приграничья» [2, с. 431].

Изменение геополитического положения приграничных областей Центрального федерального округа, наличие разветвлённой транспортной сети должны дать дополнительные преимущества и новые импульсы для развития этих регионов. В приграничье сформировалась целая система социально-экономических ареалов взаимного влияния городов и населённых пунктов различной величины, которые должны стать полюсами экономического роста приграничных регионов. Реализация преимуществ нового геополитического положения должна послужить обоюдным интересам Беларуси, России и Украины, дальнейшей интеграции экономик и сближению народов братских стран.

Библиографический список

1. Катровский А.П. Приграничное положение как фактор развития малых городов Смоленской области // Малые города Смоленской области: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию: сборник материалов круглого стола. – Смоленск: Универсум, 2006. – С. 11–17.
2. Попкова Л.И. Современное состояние и основные направления социально-экономического развития российско-украинского приграничного пространства // Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов России: Научно-аналитический сборник / Под научной редакцией зав. кафедрой «Региональная экономика и управление», д.э.н., профессора Тупчиенко В.А. – М.: Издательство «Тривант», 2009. – С.421–455.
3. Пространственно-экономическая трансформация хозяйственных комплексов малых и средних городов приграничных регионов / А.Б. Грачев. – Брянск: Ладомир, 2011. – 312 с.

М.Н. Куница (Брянск)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ¹

Kunitsa M.N.

MODERN TRENDS OF THE TRANSFORMATION OF SETTLEMENT SYSTEM OF THE SOUTH-WEST FRONTIER REGION OF RUSSIA

Аннотация. Анализируются процессы современной трансформации систем расселения российско-белорусских приграничных регионов на примере модельной радиоактивно загрязненной Брянской области. Раскрываются ведущие тенденции и региональные особенности развития расселения на двух уровнях – региональном и локальном.

Abstract. The processes of modern transformation of settlement systems of the frontier regions of Russia and Byelorussia on the example of radioactive polluted modeling Bryansk oblast are analyzed. The main tendencies and regional features of the development of the settlement pattern are discovered at two levels – regional and local.

Ключевые слова: населенный пункт, сеть расселения, система расселения, структура расселения.

Key words: settlement, settlement pattern, settlement system, settlement structure.

Введение. Для современного периода характерна активная трансформация систем расселения староосвоенных районов Центральной России. Данная тенденция четко выражена и в зоне российско-белорусского приграничья. Ее отличает сложный тренд и динамизм развития процессов расселения, а особая проблемность – в черныбыльском регионе.

Становление новых государственных структур (России и Белоруссии) и типов социально-экономических отношений, изменение геополитического положения, формирование рыночной экономики, перестройка систем территориального разделения труда, демографические «волны», поляризация общества, экологическая Чернобыльская катастрофа – комплекс гетерогенных факторов, определяющий трансформацию системы

расселения. Динамичны людность и социальный состав населения, функциональный тип поселения, медленнее меняется планировка [2]. Наиболее консервативна территориальная структура расселения.

Современный период функционирования расселения юго-запада Центральной России характеризуют признаки стадии кризиса, который закономерен, согласно разработанной автором системе циклического развития расселения этой территории [4]. Чернобыльский регион отличает значительная специфика, заключающаяся в резком снижении уровня демоэкологической безопасности жизнедеятельности людей и устойчивости поселений.

Исследования проводились на региональном (область) и локальном (группы административных районов, районы, поселения) уровнях. Модельной являлась юго-западная

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-02-00-668а/Б2 «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Белоруссии в постсоветский период».

приграничная Брянская область России, образующая с Гомельской областью Белоруссии, Киевской, Житомирской, Черниговской областями Украины основной чернобыльский ареал с максимальным радиоактивным поражением. В самой пострадавшей в России Брянской области представлены четыре зоны загрязнения, в пределах которых проживает четверть ее населения. На ее территории находятся все поселения зон отчуждения и отселения (свыше 15 Ки/км²), 54% пунктов зоны проживания с правом на отселение (5–15 Ки/км²), 15% – зоны с льготным социально-экономическим статусом (1–5 Ки/км²). Наиболее поражен ее юго-запад. Населению нанесен большой медико-социальный и экологический ущерб [3].

За анализируемый период (1989–2010 годы) изменились структура, сети и системы расселения локального и регионального рангов. Особенно сложны процессы в зоне российско-белорусского приграничья, где выделяются два контрастных ареала – юго-западный радиоактивно загрязненный (Гордеевский, Красногорский, Новозыбковский, Злынковский, Климовский районы), западный радиоактивно «чистый» (Клетнянский, Суражский районы).

Направления трансформации системы городского расселения.

Уменьшение численности городских жителей после длительного периода роста. Данная тенденция проявляется с 1996 года. Ведущая причина – демографический кризис (естественная убыль, усиливаемая миграционным оттоком или не компенсируемая притоком). Его «вклад» в депопуляцию – 73%. Меньше повлияла административная рурализация, перевод поселков городского типа в категорию сел. Количество горожан сократилось на 10,5%. Негативный процесс прослеживается сейчас в 90% поселений. Людность Брянска снизилась на 9,5%. Особенно сложна ситуация в малых населенных пунктах с низким социально-экономическим потенциалом. Наибольшая депопуляция (12–20%) в пгт приграничного юго-запада (Вышков, Мирный, Климово). Только для нескольких поселений, вследствие замещающей миграции, характерна смена длительных периодов падения и коротких – роста.

Изменение сети расселения. Сократилось число городских поселений. В 1989

году функционировало 15 городов и 30 пгт, в 90-х годах XX века – 16 городов и 31 пгт. В начале 2011 года в 40 городских населенных пунктах (16 городов и 24 пгт) было сконцентрировано 69,1% населения области [13]. Сеть потеряла 7 пгт, расположенных в основном в пригородных зонах Брянска и Клинцов. Изменение административного статуса определялось комплексом факторов, ведущим являлся социально-экономический (позитив – предоставление сельским жителям льгот, земельных наделов и негатив – упрощение функций поселения).

Усиление «мелкоселенности» городского расселения. В системе преобладают малые города (менее 20 тыс. чел.) и большие пгт (5,0–9,9 тыс. чел.). Происходит «измельчение» сети. За анализируемый период уменьшилась людность всех поселений. Негативны тенденции роста числа и доли малых городов за счет депопуляции более крупных поселений. Количество малых пгт (менее 3 тыс. чел.) сократилось вследствие перевода части их в категорию сел. Средняя численность населения пгт уменьшилась с 6,9 до 6,5 тысяч человек. Доминирование поселений со слабо развитой градообразующей базой сдерживает социально-экономическое развитие области.

Трансформация «эволюционного» тренда урбанизации. Изменялась аттрактивность поселений. Брянскую область и до кризиса конца XX столетия отличала пониженная интенсивность процессов агломерирования. Согласно теории дифференциальной урбанизации в области была достигнута зрелая крупногородская стадия [8]. В начале 1990-х годов резко снизилась привлекательность областного центра, а значительного количества малых городов и пгт – возросла. Данная кратковременная стадия была обусловлена активизацией «стрессовых» миграций горожан и вынужденных переселений из стран СНГ и Балтии. Конец XX и начало XXI века характеризуется возвратом к начальной стадии поляризационного разворота с доминантой средних городов, потерей привлекательности Брянском и ее ростом – у малых поселений. Затем наблюдался переход реверсии к ее зрелой стадии: сохранение лидерства средних городов, очень небольшой приток в малые, отток из крупного центра. Последовавшее незначительное повышение аттрактивности Брянска оказалось кратко-

временным. В настоящее время прослеживается возобновление начальной стадии поляризационного разворота. Процессы трансформации в области сложны, «сжаты» во времени и отличаются доминированием поляризационной реверсии.

Активизация процесса «расслоения» населенных пунктов. В области сложилась и развивается сеть городских поселений разных типов: многофункциональный узел (Брянск), многофункциональный центр (Клинцы), многоотраслевые промышленные центры (9 городов и 2 пгт), промышленно-транспортный центр (1 город), моноотраслевые промышленные центры (2 города и 6 пгт), слабо развитые промышленно-сервисные центры (2 города и 16 пгт). Все они выполняют функции организационных центров систем расселения разного ранга.

Брянск – крупный многофункциональный город – ядро областной системы расселения. Выгодное экономико-географическое положение, центральные функции, значительные социально-экономический, демографический, научный и образовательный потенциалы, индустриально-сервисный «профиль» города дают возможность преодолеть системные проблемы, активизировать инновационные сектора, стимулировать его развитие как полюса роста, специализированного на машиностроительном и транспортно-логистическом комплексах межрегионального российского и международного значения [14, 15]. Второй по рангу город (Клинцы) – средний по людности многофункциональный центр. Особая проблемность его функционирования определяется радиоактивным загрязнением, упрощением специализации, доминированием кризисных отраслей (легкой промышленности и машиностроения). Нарращивание социально-экономического потенциала города как полюса роста должно сопровождаться рационализацией отраслевой структуры с повышением инновационной составляющей, усилением функции управления юго-западной межрайонной системой расселения.

Многоотраслевых промышленных центров немного. В них четко прослеживается тенденция «сужения» производственного и роста третичного сектора. Выделяются два полусредних города с наибольшим потенциалом. Специализация Дятьково – деревообработка и промышленность строительных

материалов. Реализация конъюнктурных преимуществ, инвестиционных проектов – важный фактор преодоления кризисных процессов, укрепления градообразующей базы. Планируется формирование межрегиональной Дятьковско-Кирово-Людиновской индустриальной зоны.

Для находящегося в зоне отселения Новозыбкова характерно упрощение функционального профиля. Это – результат не только экономического кризиса, но и закрытия или резкого снижения объемов производства заводов, использующих местное сырье (торфяной, деревообрабатывающей, строительных материалов). Приоритеты развития – модернизация структуры хозяйства, создание совместных российско-белорусских предприятий. Перспективный проект – Новозыбковско-Гомельская международная зона экономической активности, ориентированная на высокие технологии [14, 15].

Наибольшую группу образуют моноотраслевые и слабо развитые промышленно-сервисные депрессивные города и пгт с интенсивной депопуляцией. Кризис градообразующих отраслей (оборонной, легкой, машиностроения), сужение производственной базы, переход к доминированию сервисного типа занятости, проблемность функционирования социальной инфраструктуры, низкое качество городской среды, долговременный дефицит инвестиций – факторы неблагоприятной социально-экономической ситуации. Некоторые пгт отличает столь длительный и интенсивный демографический кризис, что для их оценки можно применить термин «демографически депрессивные» поселения [11]. Особо выделяются в данной категории пгт Рогнедино, Вышков, Мирный. В двух последних, размещенных в зоне обязательного отселения, градообразующая база практически ликвидирована, резко усилились социально-экологические проблемы.

Выраженные процессы – ослабление административно-управленческой роли данной группы населенных пунктов, сужение их экономических «полей». Преодоление депрессивности, привлечение инвестиций – важная задача сохранения этих городов и пгт как низового звена городского расселения.

Углубление контрастности территориальной структуры расселения. Данный процесс проявляется на всех уровнях. Нарастание степени урбанизированности происхо-

дит медленно. Негативная особенность – неполная иерархическая структура (отсутствие больших городов). Реальный уровень урбанистического развития (УУР) существенно ниже показателей концентрации городского населения [9]. В 2010 году в области коэффициенты составили соответственно 34,5% и 69,1%. Ядром слабо развитой агломерации является Брянск [5]. Она отличается высокими для модельного региона плотностью малых городских поселений (0,4/100 км²) и УУР (73%), повышением системообразующей роли города-лидера, преобладанием одноотраслевых промышленных и слабо развитых промышленно-сервисных пунктов, экстенсивностью развития.

Юго-западная межрайонная Клинцовская система характеризуется значительными плотностью городских населенных пунктов (0,25/100 км²) и УУР (22 %), доминированием многофункционального среднего и многоотраслевого промышленного полусреднего городов, концентрацией депрессивных малых слабо развитых промышленно-сервисных пунктов. На другом полюсе – Гордеевская система с очень низкой плотностью (менее 0,1/100 км²) и УУР (3 %).

Направления трансформации системы сельского расселения.

Активизация процесса дифференциации поля расселения. Тенденция выделения двух качественно различных частей – жизнеспособной и депопулирующей с отмирающими поселениями, типична для периферии Центра России [6]. Однако в современный период их контрастность усиливается. Важный индикатор процесса – интенсивность сокращения сети сел. Обостряется проблема «пустующих деревень». С 1989 по 2010 год их число в области выросло в 3,5 раза (с 82 до 288). Особенно активен этот тренд в начале нового столетия. За анализируемый период сеть расселения области сократилась на 534 поселения (18%), в том числе за последние десять лет – на 288 (10%). Негативная ситуация в приграничной зоне. Ее «вклад» в данный процесс на Брянщине велик – 39%. Количество сел здесь ежегодно уменьшалось на 1,3%, а численность населения – на 1,4% (при среднеобластных 0,8%). Усиливается контрастность ареалов. В радиационно «чистом» ареале интенсивность «размывания» сети и депопуляции близка к областному

уровню. Проблемно положение на радиоактивно загрязненном юго-западе (1,6% и 1,7%). Резко сокращается степень селителности территории, «сужается» заселенное пространство. На другом полюсе – Брянский район, где при стабилизации сети население выросло вследствие замещающей миграции. В процессе дифференциации поля расселения изменяются направления межселенных и межрегиональных связей.

Измельчение сети расселения. Количество и удельный вес очень малых поселений существенно увеличились. Данная группа, представленная более чем половиной сел области, сейчас концентрирует 5,2% населения. Нарастает мелкоселенность. Высокий уровень естественной и миграционной убыли способствует активному старению населения этих пунктов, определяет интенсивное снижение их демографического потенциала. Только в пригородном Брянском, а также юго-западных Гордеевском и Новозыбковском районах с активными чернобыльскими переселениями тренд противоположен. Изменяются все функции сел, степень их устойчивости.

Значительно выросло количество деревень, где число жителей не превышает 10 человек, – «переходных к пустующим». Старые люди, оставшиеся в разрушающихся поселениях, оказались социально незащищенными. Остропроблемны периферийные депрессивные северо-западные и юго-восточные районы с максимальным удельным весом этой категории сел (35-45%). Сложная ситуация в приграничной зоне с большой долей таких пунктов (25–32%).

Преобладают в области населенные пункты с людностью 11–50 человек. Эта категория «вымирающих деревень» представлена однофункциональными аграрными и несельско-хозяйственными поселениями. Производственная и социальная база резко сужена. Низкий демографический потенциал сокращается вследствие высокой естественной и миграционной убыли. Максимальен удельный вес данных поселений (35–38%) на западе области, в том числе в «чистом» ареале приграничной зоны. На юго-западе их значимость ниже (25–27%).

Очень малые населенные пункты – наименее устойчивый элемент системы расселения. Усиливается полярность. В Брянском районе в таких поселениях (33%) проживает

всего 1% населения. Особенно остра ситуация на западе области, в котором 60–80% сел концентрируют 8–15% жителей. На юго-западе мелкоселенность сейчас менее выражена. Происходит уплотнение сети расселения [10]. Эта тенденция четко прослеживается. Отмирание данных сел усилит депопуляцию. Значима проблема их выборочного сохранения на западе и на юго-востоке приграничья.

Трансформация социально-демографической структуры сельского расселения. Негативен тренд потери «позиций» малых сел в системе расселения. Уменьшилось их количество, удельный вес в сети и численности населения области. Ведущая тенденция – их измельчение, что привело к пополнению группы очень малых пунктов. Интенсивность данного процесса выше в категории сел с людностью 51–100 человек, которые можно определить как «поселки пенсионеров» [1]. Это в основном однофункциональные аграрные поселения с кризисной демографической ситуацией, регрессивной половозрастной структурой. Происходит потеря производственных и социальных функций при усилении селитебной значимости. Наиболее высока их доля (13–17%) в аграрных районах центра и приграничного юго-запада.

Снижается роль сел, где проживает 101–200 человек. Доминируют однофункциональные аграрные пункты. Только малая их часть – центры муниципальных сельских поселений. Снижается демографический потенциал. В большинстве наблюдается «сворачивание» производственных и социально-культурных функций. Эта категория «слабо устойчивых сел с убывающим населением» широко представлена в центральных аграрных районах (доля – 11–12%). В расселении приграничной зоны их значимость существенно ниже, чем в области. Повышение привлекательности малых сел связано с предоставлением льгот для прибывших мигрантов и местных фермеров, развитием транспортной и социальной инфраструктуры.

Базовой для развития расселения является группа средних сел. Негативна тенденция уменьшения их количества. Однако их удельный вес в сети и численности населения области вырос. Усиливается их системообразующая роль. Преобладают местные организационные центры со слабо развитой производственной базой и минимальным

набором обслуживающих учреждений. Демографическая ситуация кризисна, однако уровень депопуляции ниже, чем в очень малых и малых поселениях. Выделяются две категории – «слабо устойчивые с убывающим населением» и «относительно устойчивые». Наибольшая концентрация этих сел (20–30%) – в юго-западном приграничье и на юго-востоке, минимальна доля на севере и северо-западе.

Депопуляция отразилась на некотором снижении «позиций» больших и крупных сел в сети. Однако удельный вес поселений со стабилизацией населения вследствие миграционного притока вырос. Эти многофункциональные агропромышленные поселения с довольно развитой социальной инфраструктурой являются организационными ядрами местных типов расселения – «центрами устойчивости каркаса сельского расселения». Максимальна их роль в Брянском пригородном районе. В приграничном регионе ситуация контрастна – от высокой концентрации в Новозыбковском до очень низкой – в Гордеевском районе. «Дефицит» таких поселений на северо-западе и юго-востоке области – важная проблема регионов.

Возросла роль крупнейших сел. В большинстве пунктов замещающая естественную убыль миграция определила увеличение населения. Эти многофункциональные поселения являются организационными центрами административных районов и местных систем расселения, обладают условиями для обеспечения городского уровня обслуживания. Преобладают пригородные пункты. Две трети поселений данной категории – «центров развития сельской местности» – сосредоточена в Брянском и Клинцовском районах. Особенно важно наращивание экономического потенциала районных центров – сел Гордеевка и Жирятино.

Положительный, хотя пока слабый процесс – появление новой категории населенных пунктов – «возрождающихся деревень». Факторы повышения социально-экономической устойчивости сел различны: демографический (замещающая миграция, компактное проживание вынужденных переселенцев), развитие рекреационных и культурных функций. В проблемном приграничье интенсивность этой тенденции существенно ниже, чем в области.

*Динамика типов региональных структур сельского расселения
Брянской области за период 1989–2010 годов*

Тип региональной структуры	Административные районы			
	1989 год		2010 год	
Мелкоселенный	Рогнединский			
Мелко- и среднеселенный	Дубровский Жирятинский	<i>Клетнянский</i> Почепский	Рогнединский <i>Клетнянский</i>	
Среднеселенный	Брасовский <i>Злынковский</i> Жуковский Карачевский <i>Климовский</i> Комаричский <i>Красногорский</i> Мглинский <i>Новозыбковский</i>	Навлинский Погарский Севский Стародубский Суземский <i>Суражский</i> Трубчевский Унечский	Дубровский Жирятинский <i>Злынковский</i> Карачевский <i>Климовский</i> Комаричский <i>Красногорский</i> Мглинский <i>Новозыбковский</i>	Навлинский Погарский Почепский Севский Стародубский Суземский <i>Суражский</i> Трубчевский Унечский
Среднеселенный со значительной долей крупных пунктов	Выгоничский <i>Гордеевский</i> Клинцовский		Брасовский Выгоничский <i>Гордеевский</i>	Жуковский Клинцовский
Средне- и крупноселенный со значительной долей мелких и средних пунктов	Дятьковский			
Средне- и крупноселенный со значительной долей крупных пунктов	Брянский		Дятьковский	
Крупноселенный	Брянский			

Активизация процессов поляризации расселения. Усиливается центристский тренд. Наблюдается концентрация населения на всех уровнях – вокруг областного, районных, большинства местных сельских центров. Противоречивость процесса возрастает. Часть сел теряет организационные функции, а затем и привлекательность для населения. Углубляется распад поля расселения на две части – жизнеспособную и деградирующую. Усиливается диспропорция «центр-периферия». Наиболее выражена поляризация в Брянском пригородном районе. Интенсивен процесс и в приграничном радиоактивно загрязненном регионе.

Нарастание контрастности территориальной структуры расселения. Выделяется несколько типов руралистической структуры [6]. В области происходит усиление региональной дифференциации сети (табл. 1).

В результате интенсивного сжатия сельской местности на северо-западе мелкоселенный тип уже не фиксируется, а роль мелко-среднеселенного существенно снизилась. Он является особо проблемным. Максимально

удельный вес пустующих деревень, очень малых и малых наименее устойчивых категорий сел, отсутствуют крупные базовые поселения. Интенсивная депопуляция, сокращение очень низкой плотности населения и количества сел – негативные факторы социально-экономического развития районов.

Доминирует в области среднеселенный тип. Он представлен сетями расселения 18 из 27 районов. Преобладают категории средних и больших сел. Доля пустующих пунктов, очень малых и малых поселений ниже, чем в мелко-среднеселенном типе. Рисунок сети отличает контрастность. Активная депопуляция и нарастание мелкоселенности, особенно на периферии и полупериферии, снижение плотности населения, поляризация, усиление дифференцированности расселения – современные проблемы регионального развития.

Роль среднеселенного типа со значительной долей крупных населенных пунктов в области несколько повысилась. Доминируют в сети категории средних и больших сел при выраженной роли (до 40%) крупных и крупнейших поселений – центров разви-

тия сельской местности. Доля пустующих и наименее устойчивых пунктов ниже, чем в первом и втором типах. Основные проблемы – ослабление демографического потенциала большинства поселений, сокращение плотности населения, углубление контрастности расселения.

Средне- и крупноселенный тип расселения со значительной долей крупных населенных пунктов представлен в Дятьковском «полупригородном» районе. Удельный вес пустующих и наименее устойчивых пунктов невелик. Демографический потенциал сельской местности сейчас возрастает вследствие естественного и миграционного прироста населения. Наблюдается стабилизация плотности населения и сети поселений.

Крупноселенное расселение сформировалось в Брянском пригородном районе. Его основа – наибольшие в области крупные и крупнейшие села разных функциональных типов (аграрного, агропромышленного, пригородного, рекреационного), образующие разреженную сеть. Доля пунктов без населения, наименее устойчивых сел низка. Это – единственная система, где замещающая естественную убыль миграция определяет рост значительной плотности населения, укрупнение поселений. Наблюдается усложнение функций сел при некотором увеличении их числа вследствие перевода в данную категорию всех пгт.

Тенденции развития системы расселения приграничных районов.

Трансформация системы расселения: влияние радиационно-экологического фактора. Происходят изменения систем расселения всех рангов. Наиболее динамичны процессы на низовом уровне – в поселениях. Переселение жителей из зоны отселения – пгт Вышков и Мирный, 30 сел не было полностью реализовано. В этих резко депрессивных пунктах очень высок уровень депопуляции, остры проблемы трудоустройства, социального обустройства, жилищная, ухудшения здоровья населения, генетического риска для современного и будущего поколений. Данные поселения можно назвать «заложники Чернобыля» [3]. Степень демо-экологических угроз высока в Злынке, Новозыбкове. Проблемно функционирование населенных пунктов зоны с

правом на отселение – Клинцов, Климово, Красной Горы.

Системы расселения локального уровня (внутрирайонные, районные) более инерционны, но степень их устойчивости значительно снизилась. Происходит трансформация сложившегося довольно плотного заселения территории. Ее отличает значительный динамизм, выраженная контрастность, углубление остроты демо-экологических проблем населенных пунктов. Процессы дифференцированы по зонам загрязнения. Для зоны отчуждения характерна демографическая деградация. В зоне отселения наблюдается интенсивная депопуляция, углубление поляризации, усиление концентрации жителей в средних селах, упрощение функциональной структуры поселений. В зоне проживания с правом на отселение основные тенденции – депопуляция, нарастание мелкоселенности, стабилизация населения в больших и крупных пунктах, неоднократное изменение направленности и интенсивности межселенных связей. В зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом отмечается активизация мелкоселенности, поляризация, рост демографического и производственного потенциала базовых больших и крупных сел.

Для развития системы расселения всей приграничной зоны (радиоактивно загрязненного и радиоактивно «чистого» ареалов) характерны следующие особенности.

Тенденции развития городского расселения: значительный динамизм; сохранение доминирования малых депрессивных экономически слаборазвитых поселений, городов и пгт с высоким уровнем депопуляции; углубление проблем демографически депрессивных, экономически кризисных пгт в зоне отселения – «заложников Чернобыля»; изменение функциональной структуры: упрощение в большинстве малых пунктов, перепрофилирование в Новозыбкове; стагнация урбанизации; усиление контрастности территориальной структуры.

Тенденции развития сельского расселения: депопуляция; усиление мелкоселенности; сохранение преобладающего тренда «сужения» функций большинства поселений; «консервация» в иерархической структуре низкой доли крупных и крупнейших сел – кустовых центров как связующего

звена городского и сельского расселения; снижение устойчивости значительного количества поселений; нарастание остроты демо-экологических проблем; углубление территориальной дифференциации и полярности расселения; нарастание контрастов – «центр–периферия», «зоны депопуляции-роста»; изменение рисунка расселения.

Комплексный анализ территориальных особенностей городского и сельского расселения – важное направление разработки региональной социально-экономической и демографической политики, планирования зон опережающего развития, особенно международных – в приграничной зоне России и Белоруссии.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). – М.: Мысль, 1990. – 266 с.
2. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 287 с.
3. Куница М.Н. Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. – Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009. – 312 с.
4. Куница М.Н. Современный кризис сельского расселения староосвоенных регионов Центра России: демографический аспект // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 486–491.
5. Лаппо Г.М. География городов. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 480 с.
6. Лухманов Д. Эволюция сельского расселения в 1959–1989 годах // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001. – С. 240–271.
7. Население Брянской области: Стат. сборник (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). – Брянск, 1990. – 357 с.
8. Нефедова Т. Трейвиш А. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. С. 171-195.
9. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1994. – 130 с.
10. Ткаченко А.А. О сокращении числа сельских поселений // Сельская Россия: прошлое и настоящее. – Тула, 1999. – С. 84–86.
11. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
12. Численность постоянного населения сельских населенных пунктов Брянской области по данным сельсоветов на 1 января 2002 года: Стат. бюллетень. – Брянск, 2002. – 86 с.
13. Численность постоянного населения муниципальных образований городских и сельских поселений Брянской области на 1 января 2011 года (Стат. бюллетень). – Брянск, 2011. – 113 с.
14. Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России: Монография. – СПб.: Инкери, 2010. – 296 с.
15. Стратегия социально-экономического развития Брянской области до 2025 года. Адрес: <http://www.bryanskobl.ru>

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

П.Я. Бакланов (Владивосток)

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А.Н. ПИЛЯСОВА «НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ (НЭГ) И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ»

Baklanov P.Y.

NOTES ON THE ARTICLE A.N. PILYASOVA «NEW ECONOMIC GEOGRAPHY (NEG) AND ITS POTENTIAL FOR STUDYING THE DISTRIBUTION OF PRODUCTIVE FORCES OF RUSSIA»

В уважаемом мною журнале «Региональные исследования» появилась большая статья профессора, известного российского экономгеографа А.Н. Пилясова (№1, 2011, с. 3–31), посвященная, как он пишет, «прорывным работам» крупного американского ученого-экономиста, экономиста-географа, лауреата Нобелевской премии Пола Кругмана.

Следует отдать должное А.Н. Пилясову, который действительно очень внимательно изучил, видимо, многие работы П. Кругмана и дал подробное их изложение. В целом считаю это полезным для российских читателей – и экономико-географов, и экономистов-регионалистов. Думаю, что далеко не всем удалось также детально изучить эти работы, тем более, что они в основном написаны были на английском языке.

Основные работы П. Кругмана, как отмечает А.Н. Пилясов, посвящены размещению производительных сил. Я много лет (еще со студенческих времен) занимаюсь этой проблемой, имею ряд серьезных публикаций¹, поэтому вправе высказать ряд замечаний и своих суждений – частью

относящихся, видимо, и к самому П. Кругману, а частью – к А.Н. Пилясову. Следует отметить, что статья написана в восторженном стиле, какие-либо критические оценки практически отсутствуют.

Во-первых, приведя ссылки на авторов ряда первых классических работ по размещению производительных сил – А. Вебера, И. Тюнена, А. Леша, В. Кристаллера, А. Маршалла, У. Айзарда и других, автор (А.Н. Пилясов) по всей статье делает около 50 ссылок на работы П. Кругмана и его последователей, но не приводит ни одной работы российских, советских авторов. Хотя специалисты знают, какой всплеск работ по изучению размещения производительных сил, производства, отдельных отраслей был в СССР в 60–70-е годы XX века! Назову только имена наиболее известных ученых: В.С. Немчинов, А.Е. Пробст, Н.Н. Некрасов, А.Г. Гранберг, Ю.А. Шаталин, И.Г. Шилин, А.Г. Аганбегян, А.Т. Хрущев, Н.Т. Агафонов (Основные методические положения..., 1978; Методика определения экономической..., 1966) и многие другие. Разумеется, их работы были посвя-

¹ Это наиболее важные публикации по данной проблематике:

Бакланов П.Я. Элементарные пространственные системы промышленного производства // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1972. – №2. – С. 30–39.

Бакланов П.Я. Перманентность размещения промышленного производства // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1975. – № 1. – С. 11–17.

Бакланов П.Я. Динамические пространственные системы промышленности. Теорет. анализ. – М.: Наука, 1978. – 132 с.

Бакланов П.Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). – М.: Наука, 1986. – 150 с.

Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007. – 239 с.

щены размещению производительных сил, производства в специфических условиях социализма, преимущественно общегосударственной собственности, планомерности, централизованного управления, отсутствия конкуренции и т.п. Но многие выводы и закономерности, содержащиеся и в этих работах, уверен, важны для современной рыночной экономики. А отдельные работы и результаты, видимо, даже предвосхитили последующие западные разработки.

Например, в ряде работ были достаточно строго определены и разграничены такие категории, как факторы размещения и условия размещения, критерии эффективности размещения, а в последующем – и оптимизации, (причем, по разным критериям) несводимости частных оптимумов к общему (в том числе в регионе, в стране), разделение и связи прямых и сопряженных издержек, роль транспортных затрат, эффекты дисконтирования и многое другое.

Следует отметить и такие важные моменты, которые остаются в стороне. Размещение чего, каких явлений, изучает и моделирует П. Кругман: производительных сил (если их, то, как он их понимает, что к ним относят?), или производства промышленности, отдельных отраслей или отдельных фирм? Все эти образования часто упоминаются А.Н. Пилясовым по ходу изложения, причём без особой иерархии. Хочу подчеркнуть, что сущностное явление здесь – размещение производства, но насколько строго охватывается производство и размещение производства – в категории размещение «производительных сил» или размещение «отдельных фирм»? Это во многом разные вещи.

В свое время мною (Бакланов, 1972, 1975, 1979, 1986 и др.) было показано, что наиболее содержательным и первичным является производство и, соответственно, задачей исследования является размещение производства. А размещение производства является не единовременным актом (выбор места и строительства предприятия), а непрерывным, перманентным, заключающимся в получении ресурсов, где бы они не размещались, их переработке (собственно – производство) и отправке готовой продукции потребителям, где существует спрос на неё. Это характерно и необходимо как для плановой, так и для рыночной экономики. Следовательно, первичным объектом в про-

цессе размещения производства является размещение не отдельного предприятия или фирмы, а формирование пространственной структуры (системы), состоящей из самого предприятия и пространственно-временных поставок ресурсов и сбыта готовой продукции в соответствии со спросом (пусть и в изменяющихся рыночных условиях). Я построил строгую теорию формирования и развития таких линейно-узловых систем, начиная с элементарных, описал их рядом матричных и балансовых моделей, выделил ряд статических и динамических свойств, в том числе инерционности, устойчивости и эластичности.

У П. Кругмана часто упоминается фирма с ее снабженческими и сбытовыми связями, но и это уже хорошо, хотя, что под этим подразумевается и как он их включает в модели – остается неясным (возможно, это более четко излагается в оригиналах его работ).

Следовательно, в строгом виде задача размещения сводится не просто к определению местоположения отдельных фирм, а к построению полных пространственных структур производства (вариантов структур) и включению их в существующие структуры хозяйства (Бакланов, 1986, 2007) (это характерно и для рыночных условий). При этом в условиях конкуренции и инновации идет почти непрерывное изменение в структурных звеньях – ресурсных, потребительских, в узле производства (фирма) в их количественных, пространственно-временных и стоимостных параметрах. Отсюда мною был сделан вывод и о динамичности, изменчивости самого оптимума. Это – теоретически расчетное, изменяющееся состояние структур, а фактические структуры всегда, так или иначе, отклоняются от своего динамического оптимума. В условиях рынка это проявляется еще более значительно, колебания больше и где-то они выходят за пределы допустимого – наступает кризисная ситуация и банкротство фирмы.

А.Н. Пилясов пишет (с. 5), что «с 1960-х годов пришло понимание, что есть существенная экономия на размере, на уровне отдельного предприятия (завода)... Причина концентрации экономической деятельности была в возрастающей отдаче»... Можно привести целый ряд фундаментальных работ того периода, где все это успешно решалось, в том числе и на уровне моделирования: «Вопросы оптимального размера

предприятий...», 1968; «Методические вопросы определения оптимального размера промышленного предприятия», 1969; Шилин И.Г., 1968; «Основные методические положения...», 1978; и др.

Позднее пришло понимание того, что принцип «возрастающей отдачи» не так уж абсолютен и прост. Лимитирующими факторами выступают и транспортные издержки, и экологические, и инновационные, и, наконец, спрос, конкуренция. Более того, сама «возрастающая отдача» не является величиной линейной, возможно, даже часто – с затухающей цикличностью. Кроме всего прочего, вряд ли возрастающей отдаче всегда соответствует возрастающий спрос (кстати, спросу вообще отведено мало места в данной концепции). А спрос и его пространственное размещение – важнейший фактор размещения и концентрации производства.

По мнению авторов именно экономия на размере обеспечивает концентрацию и агломерирование человеческой деятельности в пространстве – при условии ненулевых транспортных издержек (оставим, конечно же, в «старой географии» такую идиллию – как нулевые транспортные издержки).

Во-первых, хотелось бы понять какое содержание авторы (и А.Н. Пилясов, и П. Кругман) вкладывают в понятия «концепция человеческой деятельности в пространстве», «агломерирование человеческой деятельности в пространстве». А ведь есть еще комбинирование и комплексирование человеческой деятельности в пространстве – как связность, взаимоувязывание отдельных видов деятельности и их пространственных форм технологическими процессами или экономическими. Именно эти процессы и формы пространственной концентрации рассматривались в задачах комплексного развития экономических районов (Э.Б. Алаев, Н.Т. Агафонов, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин, Ю.Г. Саушкин, О.А. Кибальнич и многие другие).

А как быть с техническими и технологическими факторами и непрерывным научно-техническим развитием? Разумеется, в конечном итоге в качестве критериев агломерирования выступали и рост экономии на масштабе, и рост производительности труда. Рост мощности, рост производительности машин, установок, оборудования увеличивался в первую очередь вследствие научно-технологического прогресса. Отдельные из

подобных вопросов рассматривались Ю.Г. Саушкиным, А.Т. Хрущевым, И.М. Маергойзом, Н.В. Алисовым, В.Н. Горловым, В.Л. Бабуриным и другими.

Агломерирование – не является новым для советской экономической географии. Одним из первых специальную формулу, описывающую агломерационный эффект, ввел Э.Б. Алаев (1965). Следует подчеркнуть, что в самом понятии ТПК Н.Н. Колосовского заложен эффект и факторы агломерирования: ТПК – это сочетание нескольких предприятий в одной точке или районе, благодаря чему достигается определенный эффект за счет удачного подбора сочетания предприятий в соответствии с ЭГП и т.п. Практически во всех работах, где увязывались вопросы специализации и комплексного развития районов, промышленных узлов, рассматривались и вопросы агломерирования (Г.И. Граник, А.И. Деменев, Ю.Г. Саушкин, А.И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин и др.).

А.Н. Пилясов подчеркивает, что П. Кругману удалось показать, что источником агломерирования в промышленности является возрастающая отдача. В определенные периоды времени в количественном выражении эта тенденция действительно проявляется. Но насколько строго раскрыто само содержание агломерирования? Э.Б. Алаев определял агломерирование, как «процесс концентрирования (или стягивания), сопровождающийся территориальным расширением ядра концентрации (с возможным усложнением последнего), приводящий к появлению агломерации» (Алаев, 1983, с. 90).

При этом у П. Кругмана и А.Н. Пилясова остаются неопределенными территориальные границы процесса агломерирования: это – население, город или дробный район, или городская агломерация? Что, какие элементы включаются в процесс агломерирования? Это только промышленные предприятия, фирмы или вместе с ними и население, и обслуживающие структуры (предприятия строительства, транспорта, энергетики и др.), объекты инфраструктуры, в том числе социальной рыночной и экологической, природно-ресурсные компоненты территории? В реальной действительности – именно все эти элементы вступают в процессы агломерирования. И, наконец, самое важное – какой механизм лежит в основе формирования сочетания предприятий, фирм, объектов ин-

фраструктуры? Это просто их взаиморасположение по соседству или включение их в систему различных связей, отношений, сопряжений как между собой, так и с территорией? Нами (Бакланов, 2007 и др.) показано, что территориально близко расположенные (в пределах, как правило, поселения) предприятия, фирмы, включаются в непосредственные или опосредованные – через население, объекты инфраструктуры, в том числе социальной и рыночной, звенья ресурсно-экологической структуры, через территорию связи, отношения, сопряжения. Все это усиливает и эффективность, в том числе эколого-экономическую, и гибкость, и конкурентную способность подобного целостного звена территориальной социально-экономической системы.

Именно учет и охват этого механизма связанности и сопряженности позволяет, на наш взгляд, решать конструктивные задачи – оценивать в полном виде все те следствия, которые произойдут при размещении, например, любой новой фирмы и включении её в реальную социально-экономическую структуру. Кстати, у П. Кругмана совсем отсутствует такой фактор и агломерации, и концепции – как экономико-географическое положение. А ведь экономико-географическое положение – это, кроме всего прочего, важнейший механизм концентрации спроса, производства и кластеризации.

Наконец, в моих работах (Бакланов, 1986, 2007 и др.) рассмотрен механизм локального агломерирования – как локального комплексобразования. Суть его заключается в том, что в любом географическом пункте для строительства и последующего функционирования любого специализированного предприятия необходимо и достаточно сформировать целое сочетание не только основной системы (для специализированного предприятия), но и обслуживающих предприятий, населения, объектов инфраструктуры, в том числе социальной. Это – первичная структура агломерирования, первичный локальный социально-экономический комплекс (сочетание). В последующем процессе роста специализированного предприятия, фирмы, в том числе и с возрастающей отдачей, одновременно происходит использование элементов и звеньев потенциальной структуры – как в ее абсолютной форме, так и в относительной, в том числе и в условиях концентрации.

Потенциальная структура – это те или иные резервы труда, мощностей обслуживающих производств, инфраструктуры, которые периодически возникают в неустойчивой рыночной экономике.

П. Кругман, по мнению А.Н. Пилясова, обеспечил системную увязку вопросов международной торговли, возрастающей отдачи, мировой специализации и агломерационного эффекта. Эта концепция стала прологом для последовавшего прорыва в теории размещения производительных сил – концепции новой экономической географии.

В заключении хочется отметить, что, конечно же, в разработках П. Кругмана, видимо, есть много нового и ценного, особенно в моделировании. Но называть это новой экономической географией, особенно тем, кто хорошо знает теоретический багаж прежней – как-то не серьезно. Представляется, что теоретические достижения 1-го этапа работы И. Тюнена, А. Вебера, А. Леша, В. Кристаллера и других, были намного новее и оригинальнее.

Основные теоретические достижения российской, советской экономико-географической школы – Н.Н. Баранского, Н.Н. Колосовского, Ю.Г. Саушкина, В.М. Четыркина, Т.М. Калашниковой, М.М. Паламарчука, И.В. Никольского, К.И. Иванова, А.Т. Хрущева, М.К. Бандмана, И.М. Маергойза (учения о энергопроизводственных циклах, территориально-производственных комплексах, экономических районах, экономико-географическом положении, городских системах) с исключением политических моментов, идеологических наслоений – также – крупнейший этап в развитии экономической географии.

В последующем продолжились разработки, связанные с изучением различных типов ТПК, локальных комплексов, региональных и локальных территориальных структур и систем, программных комплексов, городов в территориальных системах, представлений о территориальной организации (Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик, Б.М. Ишмуратов, А.И. Чистобаев, Ю.Н. Гладкий, А.Г. Дружинин, В.Ю. Малов, А.П. Горкин, В.М. Гохман, Л.В. Смирнягин, М.Д. Шарыгин и др.).

Изучались и моделировались и межотраслевые и межрайонные взаимодействия – строились многосекторные балансовые модели

(А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, В.И. Суслов, Н.Н. Михеева, П.А. Минакир). Изучались и сдвиги в мировом хозяйстве, в размещении производительных сил на рубеже веков – Н.В. Алисов, Б.С. Хорев, Н.С. Мироненко, В.П. Максаковский (отмечавший, кстати, такое важное свойство, как инерционность территориальных структур хозяйства). С.С. Артоболовский, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш выделяли не только сдвиги, но цикличность и стадийность в территориальном развитии. Наконец, мною разрабатывается совершенно строгое представление (теория) о многоуровневых пространственных (территориальных) структурах и системах производства, механизмах их формирования, концентрации, динамики, потенциальных структурах, взаимодействии разных структур на локальных и региональных уровнях и формирование реальных звеньев территориальных социально-экономических структур, в которые и вписываются любые новые заводы, предприятия, фирмы со своими ресурсными и потребительскими звеньями и рыночными зонами – все, что удалось в этом плане сделать мне (Бакланов, 1972–2010).

Это, в целом, также немалый вклад в социально-экономическую географию и, если о нем не знают на Западе, это не повод его перечеркивать. Интересно, знаком ли П. Кругман хотя бы с некоторыми основополагающими работами российских и советских авторов?

В конечном итоге возникает важнейший вопрос – в чем же состоит новая экономическая география, какие новые объекты, аспекты, грани привнесены в сферу ее рассмотрения. Размещение производительных сил приписывалось экономической географии в качестве основного предмета ее исследования еще на II-ом съезде Географического общества СССР (январь 1947 г.). Тогда ведущие экономгеографы резко выступили против этого. Размещение чего же, каких явлений, по новому стал рассматривать П. Кругман: производительных сил, промышленности (где, в регионе, каком и т.п.), фирмы – где в районе, городе и т.п. В наших работах был сделан большой шаг вперед и в том, что предметом задач размещения стали рассматривать не просто размещение, а территориальную организацию (производительных сил, промышленности и общества в целом) – А.Т. Хрущев, Ю.Г. Саушкин, Б.С.

Хорев, О.А. Кибальчич, М.Д. Шарыгин, В.В. Кистанов, А.А. Ткаченко, М.Т. Романов, А.В. Мошков, В.Е. Шувалов, В.Л. Бабурин и др.

Важен вопрос – каково возможное практическое применение концепций и моделей Новой экономической географии? Хотя А.Н. Пилясов отмечает, что и сам П. Кругман считает новую экономическую географию пока более успешной в постановке вопросов, чем в ответе на них... (с. 19), но А.Н. Пилясов видит применение инструментария и к российским практическим проблемам.

«Модели новой экономической географии позволяют увидеть реакцию пространства на радикальные реформы 1990-х годов – прежде всего либерализацию внешней торговли и экономическую интеграцию России в мировую хозяйственную систему» (с. 28). Если либерализация внешней торговли во всех ее формах тоже входит в новую экономическую географию, то возникает немало вопросов. «Увязка вопросов размещения производственных сил, городского развития и международной торговли исключительно актуальны и для России» (с. 28) – с этим нельзя не согласиться. И вот, оказывается, что «в моделях новой экономической географии была обеспечена подлинная увязка глобальной перспективы в виде международной торговли и локальной перспективы в виде городского, регионального развития и размещения производительных сил: был предложен инструментальный, методический аппарат, который увязывает глобальное и локальное» (с. 28). Сказано это слишком громко и нестрого в научном плане – при всем своем уважении и к П. Кругману, и к А.Н. Пилясову, который многое сделал для изучения процесса регионального развития и природопользования в северных регионах России. Если это изложить в более строгой форме, то П. Кругманом разработаны многоуровневые иерархические модели, «обеспечивающие увязку» локальных вариантов городского развития, вариантов регионального развития (региональное – это совсем другой, другие уровни, отличные от локальных) с вариантами размещения производительных сил (где – в городе (одном?), районе, системе районов, стране (группе стран?) и с вариантами международной торговли (где?). Тем не менее возникает много вопросов.

Далее – как понимаются и такие сложнейшие явления, как городское развитие и

региональное развитие? Какое место занимает в них размещение производительных сил и сводится ли локальное и региональное развитие к понимаемому П. Кругманом и А.Н. Пилясовым размещению производительных сил? Очень все выглядит обобщенным и не строгим. Опять возвращаемся к более строгим механизмам локального социально-экономического комплексобразования, переходящего в региональные (Бакланов, 2007). В общем, складывается впечатление, что никакой тут новой экономи-

ческой географии нет и быть не может. Есть лишь стадии, этапы в развитии наук, в том числе и в экономической, точнее – в социально-экономической географии. Хотелось бы в этой связи призвать к дискуссии коллег и по задачам нашей науки, и по конструктивному вкладу. Читал я статью А.Н. Пилясова, и меня не покидал вопрос: а что студенты, аспиранты, молодые ученые могут вынести содержательного отсюда!? А это – очень важно. Получат ли они реальные приращения к своему багажу экономико-географической науки?

Библиографический список

1. Агафонов Н.Т. Территориально-производственное комплексобразование в условиях развитого социализма. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
2. Алаев Э.Б. Эффективность комплексного развития экономического района. – М.: Наука, 1965. – 173 с.
3. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
4. Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор). – М.: Гардарики, 2000. – 704 с.
5. Артоболевский С.С., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Цикличность и стадийность как естественные компоненты в территориальном развитии // География и проблемы регионального развития. – М.: ИГАН СССР, 1989. – С. 42–54.
6. Бакланов П.Я. Генетические и структурные особенности формирования ТПК // Особенности размещения производства и поселения на Дальнем Востоке. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 3–13.
7. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
8. Вопросы оптимального размера предприятий в промышленности СССР. – М.: Наука, 1968. – 512 с.
9. Горкин А.П., Гохман В.М., Смирнягин Л.В. Территориально-производственная структура промышленности (на примере системы «промышленность капиталистической страны») // Известия АН СССР. Сер. геогр. – 1976. – № 6. – С. 107–114.
10. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. – М.: Экономика, 1973. – 248 с.
11. Граник Г.И. Территориальное разделение труда и комплексное развитие хозяйства экономических районов // Проблемы теории и практики размещения производственных сил СССР. – М.: Наука, 1976. – С. 186–200.
12. Деменев А.И. Эффективность специализации и комплексного развития промышленных узлов. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1970. – 272 с.
13. Ишмуратов Б.М. Региональные системы производительных сил: (Методол. основы геогр. анализа). – Новосибирск: Наука, 1979. – 237 с.
14. Кибальнич О.А. Территориальная организация народного хозяйства СССР. – М.: ВИНТИ, 1983. – 166 с. (Итоги науки и техники. География СССР. Т.17).
15. Кистанов В.В. Территориальная организация производства: (Отраслевой, районный и народно-хозяйственный аспекты). – М.: Экономика, 1981. – 232 с.
16. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. – М.: Госполитиздат, 1958. – 200 с.
17. Лаппо Г.М. Город в территориально-экономических системах // Вопросы географии. Сб. 115. Экономическая и социальная география. – М.: Мысль, 1980. – С. 131–141.
18. Маергойз И.М., Алисов Н.В., Горлов В.Н. О некоторых особенностях размещения промышленности СССР в условиях научно-технической революции // Вопросы географии. Сб. 100. Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 125–134.
19. Максаковский В.П. Инерционность территориальной структуры хозяйства // Вопросы географии. Сб. 112: Размещение хозяйства и научно-техническая революция. – М.: Мысль, 1979. – С. 45–60.
20. Малов В.Ю. Локально-территориальные системы. – Новосибирск: Наука, 1992.
21. Методика определения экономической эффективности размещения промышленности при планировании и проектировании нового строительства. – М.: Экономика, 1966. – 43 с.
22. Методические вопросы определения оптимального размера промышленных предприятий. – М.: Наука, 1969. – 135 с.

23. Мироненко Н.С. Концептуальные представления о современном мировом хозяйстве и его пространственной организации // География, общество, окружающая среда. Т. V. География социально-экономического развития. – М.: Изд. дом «Городец», 2004. – С. 36–60.
 24. Мошков А.В. Территориально-производственное комплексобразование на Дальнем Востоке. – Владивосток.: Дальнаука, 2001. – 156 с.
 25. Основные методические предложения оптимизации развития и размещения производства. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
 26. Пробст А.Е. Вопросы размещения социалистической промышленности. – М.: Наука, 1971. – 379 с.
 27. Пространственные трансформации в российской экономике / Ред. П.А. Минакир. – М.: Экономика, 2002. – 421 с.
 28. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 232 с.
 29. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. – 559 с.
 30. Суслов В.И. Измерение эффектов межрегиональных взаимодействий: модели, методы, результаты. – Новосибирск: Наука, 1991. – 252 с.
 31. Территориальная структура производственных комплексов / Ред. М.М. Паламарчук. – Киев: Наук. думка, 1981. – 311 с.
 32. Территориальные народнохозяйственные модели / Отв. ред. А.Г. Гранберг. – Новосибирск: Наука, 1976. – 219 с.
 33. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995.
 34. Трейвиш А.И. Экономические сдвиги и связи в постсоветском пространстве: проблемы дезинтеграции и реинтеграции // Известия РАН. Сер. геогр. – 2000. – № 3. – С. 9–22.
 35. Хрущев А.Т. География промышленности СССР. – М.: Высшая школа, 1990. – 223 с.
 36. Чистобаев А.И. Развитие экономических районов: Теория и методы исследования. – Л.: Наука, 1980. – 128 с.
 37. Шарыгин М.Д. Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы: Курс лекций. – Пермь: Перм. ун-т, 1975. – 139 с.
 38. Шаталин Ю.А. Оптимальное размещение производства. – М.: Наука, 1980. – 176 с.
-
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток

Березняк Ирина Сергеевна – кандидат физико-математических наук, доцент, Смоленский гуманитарный университет E-mail: bis1605@mail.ru

Благовестова Татьяна Евгеньевна – кандидат географических наук, старший преподаватель Смоленского филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России E-mail: t_blagovestova@mail.ru

Гай Инна Александровна – старший преподаватель, Удмуртский государственный университет E-mail: Innagay@mail.ru

Грачев Александр Борисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Региональная экономика и управление» ВЗФЭИ E-mail: grachevab@mail.ru

Гусева Елена Сергеевна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова E-mail: martick@mail.ru

Замяткина Надежда Юрьевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Куница Марина Николаевна – кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой экономической географии Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского E-mail: geodem@mail.ru

Мальцев Александр Андреевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург E-mail: almazev@mail.ru

Машурова Екатерина Анатольевна – старший преподаватель, Смоленский гуманитарный университет

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ E-mail: Mkrтчan2002@rambler.ru

Плисецкий Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии Московского педагогического государственного университета

Проскурина Наталья Валентиновна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Воронежского государственного педагогического университета E-mail: prosk.n@yandex.ru

Семенов Александр – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова E-mail: a.a.semenov@mail.ru

Силантьев Роман Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета E-mail: rsilantiev@mail.ru

Скобелин Олег Игоревич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации E-mail: skobelinoleg@rambler.ru

Ткаченко Александр Александрович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета

Трифонова Зоя Алексеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Чувашского государственного университета E-mail: zoyatrifonova@mail.ru

Шеломенцева Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры статистики Смоленского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института

Щербинина Ольга Алексеевна – студентка 5 курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Эм Павел Павлович – младший научный сотрудник, аспирант отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва E-mail: paveldreamer@gmail.com

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция